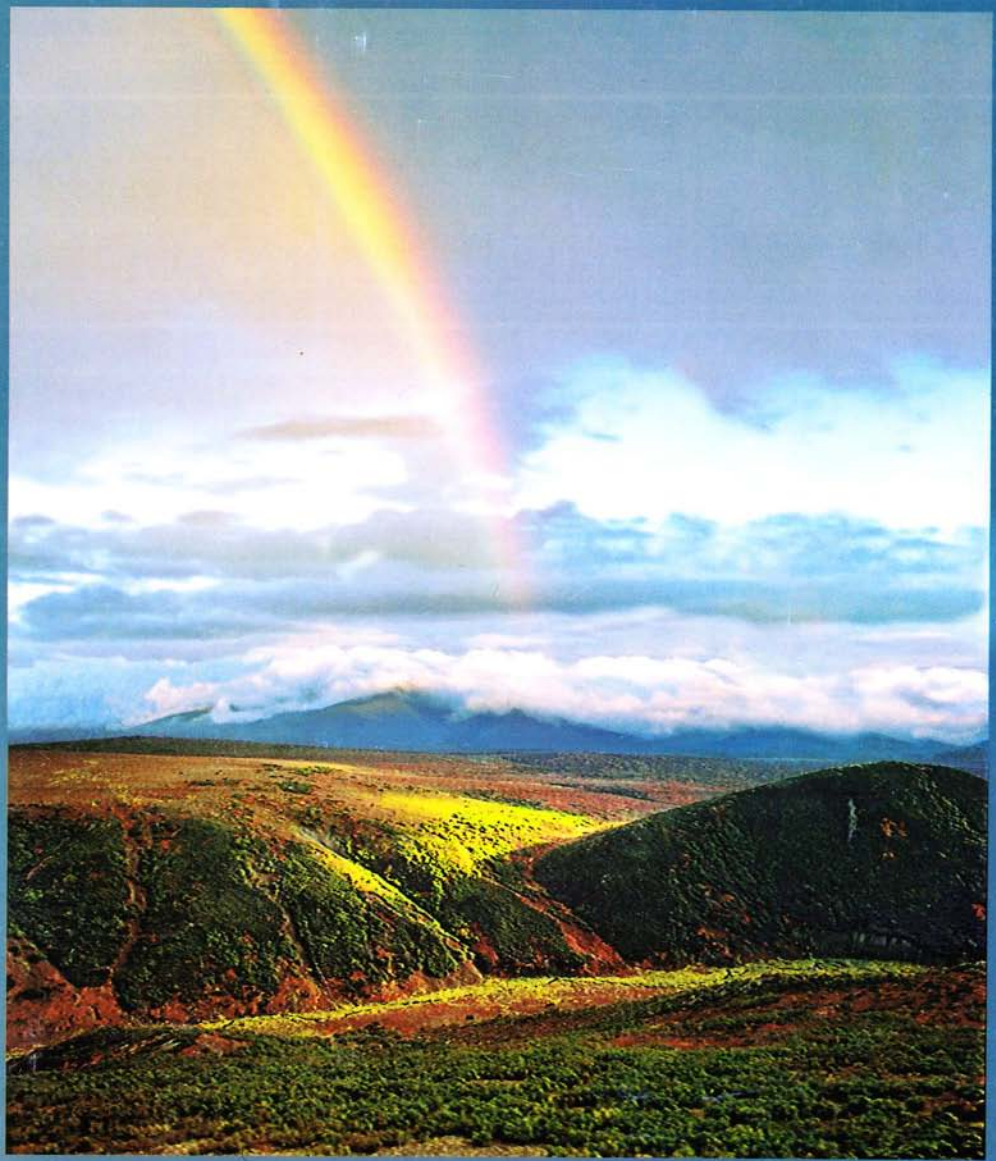
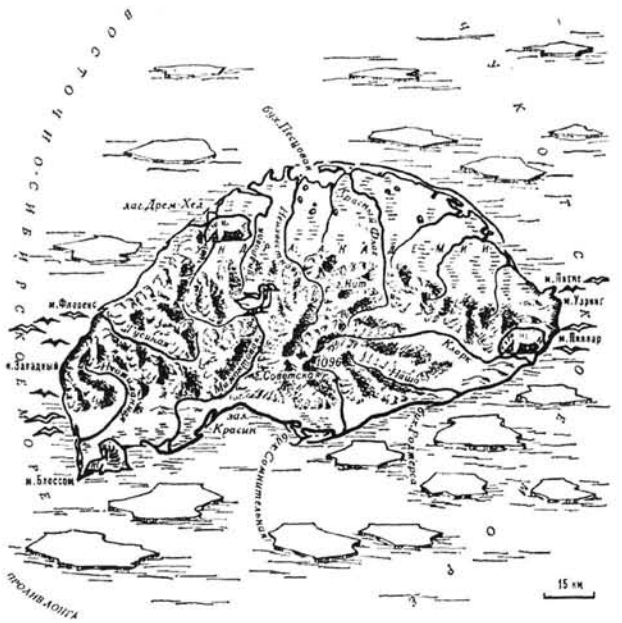


Евгений Сычёв

Пароль — Чукотка

(Из жизни полевого отряда на о. Врангеля)

Остров Врангеля



Евгений Сычёв

Пароль — Чукотка

(Из жизни полевого отряда на о. Врангеля)

2012

Евгений Сычёв

"Пароль – Чукотка". Повесть о событиях веселых и грустных, произошедших во время экспедиции на остров Врангеля.

Подписано в печать 19.03.2012 г.
272 полосы. Формат 94x62/32. Усл. печ. л. 8,5. Тираж: 500 экз.
Отпечатано: ООО "Виссла Пресс" г. Москва, Новоостаповская ул. д. 10.
ISBN: 978-5-905728-05-1

ISBN: 978-5-905728-05-1

© Евгений Сычёв
Пароль – Чукотка
© Наталья Мязгова
дизайн, верстка

Евгений Сычёв

Пароль — Чукотка

(Из жизни полевого отряда на о. Врангеля)

2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие....3
От автора....8
Полевики — необходимая аномалия профессии....9
Москвич — ленивый йог....16
Валентин Хлёсткин....20
Аня с прибабахом....28
Легко ли попасть на остров Врангеля?....34
Гусак из аэропорта....43
Винклер и медведежуть....51
Ульвелькот....62
Кто на острове хозяин?....74
Юнга Хлебосолов....82
Алмазная лихорадка....92
Матрос Никита Вронский....97
Первая встреча с киношниками....104
Как снимаются фильмы о природе....109
Режиссер и кинооператор Ледин....120
Доктор Гриша....132
Охота на оленей....146
Олени, добытые Москвичом....153
Кто в оленьем стаде вожак?....161
Может ли олень быть хищником?....164
Кибернетик Леонид....168
Вовченко, Домнич и овцебыки....181
Человек, которого не признавали за человека....199
Шахматная эпидемия....208
Гриша Каургин....214
Вояки....218
Ошибка Капитана....233
Мыс Блоссом....240
Второе посещение мыса Блоссом....255
Капитан и Шура....264
Индейцы на гнездовье белых гусей....269

Предисловие

Мы познакомились с Евгением Сычёвым в разгар «бурных девяностых» 20-го века. Встречались часто, поскольку он помогал тогда одному из руководителей крупной золотопромышленной компании, а я вел тему «желтого металла» на страницах областной газеты. Фирма не только добывала золото, но и производила из него первые колымской выделки ювелирные изделия (но, впрочем, со временем «лопнула», как и большинство горных комбинатов на Колыме). Сам же Сычёв, или, как называли его многие земляки по Чукотке, «Капитан», занимался другими вопросами — организационными. А вообще был он на тот момент дипломированный зоолог-орнитолог. Впрочем, теперь по порядку…

Магаданская область, несмотря на то, что мала по численности, — людской конгломерат, где смешаны представители десятков народов не только России, но и дальнего зарубежья. И, разумеется, коренных малочисленных народностей: эвены, юкагиры, ительмены, чукчи, эскимосы и т. п. Не все из приезжих попали сюда добровольно. 20 лет, начиная с 30-х годов, Великий Сталин слал сюда пароходы с заключенными. Многие освободившиеся зэка затем оседали на Колыме. Ехали и комсомольцы-добровольцы. И тоже оставались на всю жизнь. Потом поехали романтики «за мечтами, за туманом». И расчетливые люди: подзаработать годика за три в старательской артели, купить себе дачку в теплых краях, машину. Большинство их также надолго оседало на просторах Колымы. И из всего этого образовалось

чрезвычайно своеобразное сообщество жителей Крайнего Севера СССР с уникальным самосознанием.

На мой взгляд, уникальность этого огромного по территории края еще и в том, что до сих пор встречаю здесь любовь к нему тройной степени силы. Чтобы понятнее было, поясню. Если вы встретите где-нибудь в Москве, Саратове или вообще на просторах бывшего Союза земляка — МАГАДАНЦА, дело наверняка ограничится от силы получасовым разговором, ну, максимум распитой в компании бутылкой-другой водки. Если вы земляки по КОЛЫМЕ, особенно по конкретному ее району — быть беседе долгой, теплой, со слезой воспоминаний. Но если вы даже в разное время жили на ЧУКОТКЕ — либо вы уже друзья, либо стали ими сразу же при произнесении этого волшебного слова — ЧУКОТКА. Это как пароль, по которому близкие по духу люди узнают друг друга.

Причину сего феномена не ведаю. Может, чем суровее на Севере край, тем ближе меж собой его люди, или сама Чукотка отбирала их себе — особых?

Для Евгения Сычёва и сегодня достаточно напомнить про годы его странствий на Чукотке, как он приходит в доброе настроение и делится воспоминаниями. Перед вами, вполне возможно, только первая их часть.

Воспоминания «Капитана» уникальны по многим обстоятельствам. В частности — новые Чукотка и часть ее, остров Врангеля, уже не те, что в 70-80-х годах 20-века, о которых идет речь. То, что было и прошло, было трудно, но весело, загадочно, ОСОБЕННО. Это — зарисовки с натуры, еще несколько страниц уникального архива истории нашей страны.

Действительно, как скажет вам и любой столичный «знаток» Севера, вокруг и на Чукотке и в те годы водились медведи. Про этих мощных зверей Сычёв сообщает нам не-

сколько неизвестных в Москве секретов. Они искренне считали себя здешними хозяевами, в открытую таскали у егерей моржатину, заготовленную для питания самим и прикорма песцов. А директора заказника «Остров Врангеля» Николая Винклера даже покусал один особо наглый медвежонок. Вы прочитаете об этом далее.

У самого Винклера «водился» старенький вездеход по имени «Лизетта». И в подчинении — егеря: чукчи, эскимосы, русские. Всем им посвящено немало теплых и веселых рассказов в этой книге. К примеру, про путешествие «Лизетты» вместе с «Капитаном» почти что по вертикальной стене «Чертового оврага». Или — про простую жизнь высокообразованного чукчи Ивана Увелькота и его жены Клявы (именно такое имя!).

Привлекают описания богатого животного мира острова Врангеля. Обособленной жизни овцебыков из заказника, которые людей не боялись, но и близко к себе не подпускали, собравшись в особом строю. Песцов и леммингов. А еще — белых гусей, которые сотнями тысяч кочевали через весь остров, через весну и осень, становясь пищей для чукчей, а объектом длительного наблюдения — для ученых.

Кочевал вместе с гусями и полевой отряд Евгения Сычёва, орнитолога-специалиста, прибывшего в Магадан, в научно-исследовательский институт после службы в армии. И сразу же — в полевой сезон на Чукотку, вначале рядовым сотрудником, а затем — начальником полевого отряда, в который входило несколько автономных групп по всей Чукотке. А меж своими как-то повелось называть Сычёва «Капитан». Потом по острову это прозвище распространилось. А сами его ближние орнитологи по опыту и обязанностям именовались кандидат биологических наук из Москвы — «Москвич», техник Валентин — «Боцман», «Матрос», которым, между прочим, стал Никита Вронский, потомок знаменито-

го северного геолога, и, естественно, «Юнга», впоследствии доктор биологических наук. Каждому из них посвящено немало теплых страниц. «Боцман» Валентин Хлёсткин, отходивший 35 полевых сезонов в северных полях и в свое время работавший с известным геологом В. Ф. Белым. В нем, наверное, и многие другие старожилы Колымы и Чукотки узнают себя 70–80-х годов. Универсальных работников полевого отряда, которые были, как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец!

Еще из этой книги вы узнаете, что северный олень вообще-то иногда выступает как зверь хищный. В этом Евгений Сычёв убедился собственными глазами и рассказывает читателю.

О том, как на острове Врангеля нашли «алмазы» и «золотые» самородки, о быте «секретных» военных, о которых знали практически все, и дружбе их с геологами и орнитологами…

О работе полярников на выносной метеостанции. О знаменитом свальном ветре — урагане, который может снести все на своем пути. Короче, читайте, не пожалеете, даже если вы никогда и не жили на Чукотке.

В «бурных девяностых» многие специалисты-ученые оказались не востребованы. Орнитологи тоже. Да что там: чуть не оказался не востребован новой Россией сам Крайний Север. Переехавшие в Магадан выходцы с Чукотки первыми сплотились вокруг дел, обещавших трудную, но перспективу. Так и наш «Капитан» очутился «возле золота». Не только благодаря землякам с Чукотки, которую внезапно отделили от Магаданской области депутаты последнего нашего областного Совета. Просто землякам он был уже известен как хороший организатор и администратор. А такие всегда нужны.

Наше знакомство длилось с тех пор. Евгений Владимирович преподавал в высшей школе, работал в Магаданской областной Думе. Закончил Московскую юридическую академию. По новым знаниям поступил в государственные органы охраны природы — заместителем начальника отдела правового и кадрового обеспечения Управления Росприроднадзора по Магаданской области. Объездил в командировках все районы и многие поселки всего северного региона. Сейчас, вроде бы, магаданец и давно на Чукотке не был. Печатал, правда, о ней неплохие рассказы в областном альманахе «Колымские просторы», на Дальнем Востоке, иногда — в центральной России. И вдруг — всплеск писательского таланта: диплом на Всероссийском конкурсе короткого рассказа имени В. М. Шукшина «Светлые души». А затем вот она — полноценная книга. Это, чувствуется, обдумывалось и заново переживалось. Прочитав, решил я тексты особо не править. Потому что написаны они сугубо в индивидуальной манере Сычёва: увлекательно, точно и четко, без каких-либо фантазий. Потому, я бы сказал, что они как бы «изнутри» Чукотки. А Чукотка — это любовь на всю жизнь, это Пароль, чтобы открыть лучшие страницы своей жизни на Севере. Назовите этот пароль — и добро пожаловать на полярные российские острова вместе с «Капитаном»!

Михаил Горбунов,
член союза журналистов России,
именной победитель-лауреат
Национального конкурса
«Золотое перо Руси»

От автора

Про остров Врангеля жители материка почти ничего не знают. Кстати, как и жители центральных районов Колымы. Знают лишь, что это большой остров на Чукотке, там живут белые медведи, какие-то еще звери, и он совершенно дикий. Хотя, с кем бы я не общался на Севере, все мечтали хотя бы раз на нем побывать.

Какова же была моя радость, когда я узнал, что лечу на остров, на полевой сезон и даже начальником отряда. Тогда я даже и предположить не мог, что проведу на нем несколько полей и исхожу остров вдоль и поперек. Здесь произойдет много смешных и грустных историй, а многие их участники станут для меня настоящими друзьями.

Именно им и сотрудникам полевого отряда я обязан своим становлением как северянина. Им и посвящается эта небольшая повесть…

Большую помощь при написании ее оказали Никита Вронский, Игорь Дорогой, Валентин Хлёсткин, Евгений Сыроечковский, Михаил Горбунов, которым я приношу искреннюю благодарность.

Полевики — необходимая аномалия профессии

Что такое поле — общеизвестно. Также как лес, пустыня, гора, река, озеро или море. Но есть и иное «поле» — это район исследований людей многих профессий — геологов, биологов, геодезистов и многих других. Большинство из них являются первыми в освоении совершенно нехоженых мест, работа их зачастую тяжела и неблагодарна, но они ее беззаветно любят и, хотя порою клянут, но жить без нее не могут. Зачастую эти мужественные люди проводят в «полях» несколько месяцев в году в отрыве от всякой цивилизации, почти ежедневно испытывая немалые физические и психологические нагрузки. По своей природе они слегка насмешливы, немногословны, терпеть не могут пустой похвальбы, но бережно и участливо относятся друг к другу, хотя всегда готовы подшутить над товарищами и сами над собой. Это славное племя зовется «полевики». О них написано немного и, пожалуй, несомненная заслуга в этом принадлежит Олегу Куваеву — одному из самых именитых северных писателей.

Еще когда совсем зеленым студентом я впервые попал в полевой отряд Саратовского госуниверситета имени Н. Г. Чернышевского, то заметил сходство полевого отряда с отрядом альпинистов.

Как-то старый альпинист в Домбае говорил мне, что отряд альпинистов перед восхождением должен тщательно формироваться, даже если это восхождение невысокой сложности.

Во-первых, отряд должен быть небольшим по численности, а во-вторых, в нем должны быть представлены несколько ярко выраженных личностей.

Один — очень опытный и зрелый, мнение которого непререкаемо. Он является руководителем. Второй — никогда не унывающий весельчак и немного разгильдяй по натуре. Третий — новичок, которого все опекают и воспитывают. Четвертый — мрачный пессимист, который одним словом может охладить горячие головы. Пятый — считающий себя опытным, но по сути своей сродни новичку, потому что делает все не так, как надо, и поэтому создает ненужные проблемы. Его в душе все тихо ненавидят.

И коль скоро все они присутствуют в группе, то можно быть за нее спокойным. Ничего не произойдет, поскольку в ней будет поддерживаться нормальный психологический климат. А если хоть один будет отсутствовать — жди беды!

Уже в Магадане мой хороший приятель, опытный альпинист и путешественник, фотограф и художник Саша Шафранов сказал, что для восхождения высшей категории сложности применимы несколько другие правила: отряд формируется по связкам, в каждой два человека, уже давно притертые друг к другу в результате совместных восхождений.

Справедливость этих утверждений, видимо, была выстрадана, и их, на мой взгляд, вполне можно отнести и к формированию полевого отряда.

В далекие семидесятые годы прошлого столетия в Магаданской области было много опытных, старых полевиков. Один из них, которого все звали и в глаза и за глаза отец Андрей, прошел три войны: Финскую, Великую Отечественную и в конце 1945 года воевал с японцами. Это был настоящий полевик. Кряжистый, с большой полуседой бородой, громадной физической силы и энциклопедических знаний,

он являлся непререкаемым авторитетом для всего коллектива института. Никогда не выбирал выражений, мог резко в глаза сказать все, что он думает, не обращая внимания ни на ранг, ни на должность. В то же время не отказывал в помощи никому. Общаться с ним было истинным наслаждением, а уж если кто заслужил от него похвалу, то ходил дня два, гордо выпятив грудь.

Отец Андрей всех раньше отбывал в поле. Уже в марте, по его острому выражению, у него «начинали чесаться пятки». Он мрачнел, становился ворчливым и раздражительным, все время торчал на складе, выбирая придирчиво полевое барахло, и только получив полевые деньги и авиабилет, светлел лицом и радостно отбывал из Магадана.

В поле это был совсем другой человек — спокойный, доброжелательный, всегда готовый помочь, постоянно чем-то занятый. Все в его руках спорилось, и люди, имеющие счастье с ним работать, как-то внутренне подтягивались и старались ни в чем не проколоться. Единственно, кого он не любил — бездельников и обрушивался на них всею силою своего авторитета. Иногда хватало только одного едкого замечания, после чего человек готов был сквозь землю провалиться со стыда.

Однажды я задумал сам изготовить охотничий нож, и, хотя по своей первой специальности был слесарь, тем не менее, я решил обратиться к отцу Андрею. Он проявил живейший интерес. Вначале прочел короткую лекцию о ножах вообще, затем о технологии их изготовления, начиная от дамасской и златоустовской стали и кончая знаменитыми на Севере пареньскими и якутскими ножами. Его советами я не преминул воспользоваться. В результате показал готовое изделие с ручкой из лахтачьей шкуры, которая не замерзает на морозе, от крови и слизи не скользит, а буквально приклеивается к ладони. Он внимательно осмотрел нож, осо-

бенно лезвие, и одобрил работу. Я раздулся от гордости как индюк.

В результате мы подружились, встречались и в поле. И хотя его уже давно нет в живых, я до сих пор вспоминаю его как одного их самых замечательных людей, с которыми мне довелось встретиться в жизни.

Были и другие, старые полевики, которые ходили в поля еще с Билибиным и Цареградским.

С одним из них — Вронским и его совершенно уникальной женой — Варсеник Месроповной, которую рабочие в период их совместной полевой работы для удобства звали Брусникой Сироповной, я познакомился в Москве, а в честь их внука Никиты — биолога, путешественника, прекрасного переводчика и просто замечательного человека — назвал своего младшего сына. Вронский Никита и поныне является близким другом моей семьи.

Моим близким другом был академик, геолог с мировым именем Владислав Иванович Гончаров, мои соседи по дому — резкий в суждениях, но блестящий специалист, человек добрейшей души, которую он прятал под напускной суровостью, доктор геолого-минералогических наук Василий Феофанович Белый; мерзлотовед, обладающий обширными знаниями в области высшей математики, физики и химии, полевик высшей пробы, рыбак и настоящий таежник Вадим Кондратович Рябчун. Всех их не перечесть, и все они заслуживают отдельной книги; хотя многое и написано, но сказано далеко не все, в основном изложены результаты их работ, а люди, их характеры, на мой взгляд, раскрыты далеко не всегда, не полно и еще ждут своих писателей.

...Трудно сказать, почему руководство академического института на остров Врангеля начальником отряда назначило человека, имеющего за плечами один северный полевой

сезон и несколько экспедиций на материке. Впрочем, начальству всегда виднее!

В отряд входило несколько групп: основная направлялась в центр острова на колонию белых гусей, вторая — на Мыс Уэринг, северо-восточную его часть, а третья, состоящая из супружеской четы орнитологов, изучавших куликов, в Колючинскую губу, расположенную в Чукотском районе Магаданской области. Связь с ней практически отсутствовала.

Дело осложнялось еще и тем, что на мысе Уэринг группа была тоже семейная и состояла из двух человек: Олега — бывшего военного летчика, кандидата биологических наук, который в прошлом году сам был начальником и немного переживал оттого, что он теперь рядовой член отряда, и Татьяны — его жены, которой одной теперь он и мог командовать, хотя у нее была своя программа исследований — изучение наружных паразитов птиц. Они также работали автономно, необходимо было только весной забросить их к месту исследований, а осенью забрать.

В основной группе было несколько человек: начальник отряда; Москвич, который жил в Москве, а работал вроде бы одновременно и в Магадане, и в Москве. Он уже несколько полевых сезонов проработал на гнездовье белых гусей и даже защитил на этом кандидатскую диссертацию. Поэтому знал хорошо остров и островитян. Техник Валентин Хлёсткин — старый полевой «волчара», отходивший больше 15 полевых северных сезонов. Была еще Аня, по специальности — радиоинженер, которая почему-то занималась изучением характерных для зоны арктических тундр мышевидных грызунов — леммингов. Предполагалось, что должны приехать студенты-дипломники в качестве рабочих и для сбора материала для своих дипломных работ. Были еще и вакансии рабочих.

Конечно, отряд получался большой и разнообразный. Особенно тревожило наличие женщин. Если уж мужчинам тяжело в северных полях, то каково там женщинам! Даже такие простые задачи, как помыться, превращались в проблему. Ладно, мужчины переставали бриться вообще, брили голову наголо, и всё.

А женщине надо мыться минимум два раза в день. Для этого нужно хотя бы ведро теплой воды. А это дефицит, поскольку нагреть его можно только на печке, что требует, в свою очередь, много солярки, которая всегда в дефиците. Ведь дров в тундре нет. Поэтому печь работает на солярке, а для готовки пищи нужен керосин или бензин для примусов.

Кроме того, возникает проблема с туалетом. Попробуй присесть на морозе с ветром в от 10 до 30 метров в секунду!

В палатке или балке курят все поголовно и дым такой, что хоть топор вешай! Работа тяжелая, главное, в конце дня перенести записи из полевого дневника, поесть и упасть в кукуль (спальный мешок). Температура после выключения печки резко падает и через час может упасть до нуля или вообще стать отрицательной.

Все эти тяготы переносить женщинам трудно. В результате они или «ломаются» в поле на Севере, или начинают чудить, или, что самое скверное, превращаются в плохую копию мужиков и по виду, и по повадкам, что само по себе противно. Конечно, как в любом правиле, есть и исключения. Были и на Севере замечательные женщины-полевики. Но такие исключения бывают крайне редко.

...Что с ними в поле не сахар, начальник отряда почувствовал еще в Магадане, когда после утрясания в бухгалтерии финансовых проблем зашел в лабораторию к зоологам попить чай. Аня во время разговора вдруг внезапно выплеснула ему на грудь полчашки чая. Спасла его только армейская реакция, но стул, на котором он сидел, восстановлению уже не подлежал.

— Что с тобой, Аня? — недоуменно спросил он.

— А я просто проверяла твою психологическую реакцию как начальника отряда! — был ответ.

«Ничего себе заявки! — подумал начальник. — Да сделал бы это мужик, моя реакция долго бы светилась на его морде. А как быть с женщиной, которая старше начальника отряда более чем на десять лет. И что она может отмочить в поле, одному только богу известно! Короче, один „подарок“ отряду подготовлен».

Вот с таким пестрым набором научных сотрудников предстояло работать в поле. Было от чего задуматься!

Москвич — ленивый йог

С Москвичом начальник отряда был знаком заочно по его научным статьям. Говорили, что человек он интересный, с большим чувством юмора и с непонятной национальностью. Кровь, бурлящая у него в жилах, представляла «гремучую смесь» из еврейской, армянской и бог знает еще каких составляющих. Его супруга Нина была внучкой бывшего наркома иностранных дел СССР, работала морским гидробиологом и являлась завзятой диссиденткой. Дома стояла реликвия — диван, подаренный самим Солженицыным. Он служил приютом для многих известных московских диссидентов. Естественно, что квартира находилась под негласным надзором КГБ, что, впрочем, не сильно волновало ее обитателей, скорее наоборот.

В этой семье рос ребенок, сын, который родителями воспитывался весьма своеобразно. Так, например, чтобы победить неистребимое желание сына к катанию на метро, отец вручил ему кучу медяков и сказал, чтобы тот катался себе на здоровье, пока не надоест. В карман положил схему метро и красным карандашом вычертил дорогу домой. Кстати, сами медяки он получил от озлобленной кондукторши, которой каждое утро предъявлял сто рублей для оплаты проезда. Сдачи у той, естественно, не находилось, и он ехал бесплатно. Кондукторша специально подготовилась и набрала медяками сдачу со ста рублей, которую утром радостно вручила хитрому пассажиру к удовольствию всего вагона.

Ребенок, получив медяки, «оторвался» по полной программе, хотя даже не ходил еще в школу. Прокатался целый день, заявился вечером и бухнулся спать. Больше он особо не стремился кататься на метро, поскольку побывал почти на всех станциях и дорогу домой находил безошибочно и самостоятельно. Более того, консультировал взрослых, как быстрее всего добраться до той или иной станции.

Сам Москвич оказался человеком небольшого роста, сухощавым, слегка небритым, в очках с толстыми линзами и всклокоченной шевелюрой. На вопросы об острове Врангеля отвечал коротко.

— Сами все увидите, когда прибудем на место!

По поводу написания своей кандидатской диссертации Москвич выдвинул интересную теорию.

«Поскольку я человек патологически ленивый, то считаю, что вообще весь прогресс в мире произошел от лени. Лень человеческая — главная движущая сила! Судите сами: пока по Дарвину дикое лохматое существо не взяло в руки палку и не стало ею пользоваться, прогресса не было. Затем нож, топор, колесо, так и докатились до атомной бомбы и космической ракеты. А взять домашнюю технику! Пылесос, обогреватель, вентилятор, газовая или электрическая плита — все сделано исключительно для лентяев! Поэтому лень — двигатель прогресса!

Закончил я биофак МГУ по специализации „орнитология“, из которого меня, кстати, три раза выгоняли вместе с Саввой Успенским, ныне доктором наук, который изучает белых медведей. Встал вопрос — каким видом птиц заниматься, чтобы не бегать за ними, а по возможности создать себе наибольший комфорт? Оказалось, лучше белого гуся на острове Врангеля и придумать нечего. Особенно для лентяев, то есть, для меня. Сиди и смотри себе, они там, как на гусиной ферме. Вот я и засел на острове. Набрал материал лег-

ко, а на деньги, которые сэкономил на полевом довольствии, купил ящик итальянского вермута „Чинзано". Потом взялся за диссертацию. Полстранички напишу — рюмочку выпью. Как ящик допил, и диссертации конец. Вот так и защитился. Так что теперь точно знаю, сколько надо выпить итальянского вермута для написания кандидатской диссертации. Но сколько надо купить ящиков для докторской — задача повышенной сложности. Я до сих пор ее решить не могу. Поэтому и кандидат биологических наук, а не доктор».

Ну что тут скажешь! Вроде бы, кругом прав человек.

В общении Москвич оказался очень простым и милым человеком, хорошим полевиком, прекрасным карикатуристом, правда, не без язвинки. Видимо, тесное общение с супругой ему даром не прошло, и иногда он высказывал такие крамольные мысли о советской власти, что у начальника отряда, который к тому же был и зам.секретаря парткома института, от его высказываний волосы вставали дыбом по всему организму.

Еще Москвич в недалеком прошлом занимался йогой, надеясь излечиться от астмы. На астму это не повлияло, но некоторые позы он освоил в совершенстве и даже с удовольствием их демонстрировал, от чего члены отряда таращили глаза. Осваивал он, по его рассказам, позы йоги в Москве самостоятельно, прямо дома. Дома он и работал, благо материал под рукой и пишущая портативная машинка тоже. Начальство, похоже, его несколько побаивалось и поэтому шло на поблажки, лишь бы он не совращал коллектив и не настраивал его против руководства.

Однажды утром жена ушла на работу, а он, сидя в голом виде на кровати, стал заводить ногу за голову. Получилось. Но обратно нога возвращаться не желала. Он с ужасом понял, что даже до телефона дотянуться не сможет, чтобы позвать на помощь. Некоторое время тупо сидел в таком виде,

а потом решил переместиться на пол. С грохотом свалился с кровати и — о чудо! — что-то щелкнуло, и нога встала на место. Рассказывая, он изредка доставал какое-то лекарство и пшикал им себе в горло. Оказалось, что это так он сражался с незалеченной астмой, которая время от времени подло напоминала о себе.

При этом Москвич весело смеялся сам над собой. Как оказалось впоследствии, таких историй у него было великое множество.

Можно сказать, что начальнику просто повезло с таким членом отряда.

Валентин Хлёсткин

Кто в армии главный? Правильно, старшина. А за ним следуют каптер и повар. Все эти должности соединил в себе техник Валентин Хлёсткин. Как и у всех старых северян, его биография могла бы послужить материалом для отдельной повести.

Мать его, Анна Хлёсткина, по национальности башкирка, окончила «Гнесинку» и осталась в Москве, правда, артисткой большой не стала. Выступала как эстрадная певица в кинотеатре «Орион».

Отец, Николай Исаев, работал конструктором в знаменитом «ЦАГИ». Пропадал там и днем, и ночью и особенно в дела семьи не вникал.

Подруга матери работала на заводе, где изготавливали капрон, который в то время являлся стратегическим и секретным материалом. Она утащила с завода пару метров, часть дала матери Хлёсткина. Та его продала и в результате получила 5 лет Колымы.

К тому времени родители малолетнего Валентина развелись, и его приютили старенькие соседи: тетя Маша и дядя Петя. В Москве в то время было голодно. Каждый подрабатывал, как мог. Тетя Маша за торговлю на базаре получила 5 лет как спекулянтка. Дядя Петя умер. В результате малолетний Валентин при живых отце и матери попал в детдом. Там он пробыл до 1946 года и, когда освободилась тетя Маша, опять вернулся к ней. Лишь через год он узнал, что его мама жива и живет в Магадане. И вот в возрасте 12 лет он без документов, без денег пробрался на поезд Москва—Владивосток. Естественно, ехал «зайцем». Подкармливали и прятали его от недреманных очей милиции и проводников сердобольные пассажиры.

И здесь ему впервые в жизни крупно повезло. Он встретил там главного режиссера Магаданского областного театра — Перлина. Тот не только приобрел ему билет до Находки, но и написал письмо в политотдел Дальстроя с просьбой довезти мальчишку до Магадана и доставить к матери. В политотделе его накормили и отправили в дивизию МВД, которая сопровождала зеков до мест заключения. Там он до отправления парохода в Магадан жил два месяца у командира дивизии. Тот предлагал ему остаться в его семье, но Валентин отказался.

Особенно его опекал водитель комдива — дядя Саша, расконвоированный зэк, который был в прошлом Герой Советского Союза, и в семье комдива жил как родственник.

В августе 1947 года на пароходе «Феликс Дзержинский» вместе с конвоем и семью тысячами этапированных зэков, которые размещались в трюме на трехэтажных нарах, Валентин отправился в Магадан. Поместили его в одной из кают категории «люкс», в которых могли разместиться 200 человек.

Самое примечательное, что мальчишка запомнил из девятидневного перехода, это то, что старшина конвоя торговал хлебом по 200 рублей за буханку. А помогал ему в этом бизнесе, за который можно было схлопотать срок, и немалый, Валентин.

В Магадан он прибыл 31 августа и поселился в семье майора КГБ Прибыльского, жена которого была тоже офицером КГБ. Запомнились они ему не столько участием в его судьбе, сколько тем, что утром, после завтрака, садились напротив друг друга и чистили каждый свой пистолет. Оба ходили все время в форме, но это не являлось выдающимся

событием, поскольку в погонах ходила в то время половина Магадана.

Через некоторое время Валентин стал интересоваться, как попасть на 23 километр Колымской трассы, где жила подруга матери Ксения, тоже бывшая зэчка. Ее адрес он взял у сына, который жил в Москве. Скорее всего, она знала, где в настоящий момент находится его мать. Прибыльский приказал старшине, который ехал на трассу, захватить с собой мальчишку, разыскать Ксению, сдать парня ей, а на обратном пути или если ее не обнаружат — в любом случае вернуть его в Магадан. Старшина приказ выполнил. Оказалось, что Ксения Никитична и в самом деле живет на 23 километре в собственном домике. Она держала кур, а со свежими яйцами через каждые два дня отбывала на попутках в Магадан, где их продавала. На вырученные денежные средства и жила. От нее Валентин узнал, что его мама вышла замуж за Ивана Снегиря — заместителя начальника Гострестколымснаба, которым в то время руководил Сильченко, и живет в поселке Зырянка.

При первой возможности Прибыльские отправили его к матери, хотя так же, как и комдив, предлагали ему остаться в их семье в качестве сына.

Летел он до поселка на гидросамолете. Так что свалился на голову буквальным образом с неба. Мать была поражена неожиданному появлению сына. Но отчим отнесся к этому совершенно спокойно. Шустрый Валентин явно пришелся ему по сердцу.

В Зырянке он пробыл до 1949 года. Так получилось, что в четвертом классе ему пришлось учиться четыре года, поскольку регулярно сбегал из детдомов на материке. Только с приездом в Магаданскую область появилась возможность продолжить образование. В 1952 году поступил в геологический техникум, который закончил в 1957. После его

окончания три года отработал горным мастером на прииске Ат-Урях.

Жизнь вроде бы наладилась. В 1957 году женился, через два года родился сын. Но тянуло в поля. Жена эту тягу не понимала совершенно, ей был нужен муж под боком и чтобы много зарабатывал. Не всем мужчинам это удается сделать одновременно. В результате в 1966 году Валентин развелся и неожиданно для себя, впрочем, как и для бывшей тещи, которая спровоцировала жену привлечь его к суду за задержку в выплате алиментов, сел на год. Причем, не платил он по одной простой причине — был почти полгода в поле и готов был уплатить всю сумму алиментов полностью. Не хотели его сажать и жена с тещей, на суде они заявили, что желали его только попугать. Но Валентина угораздило попасть под Указ о злостных неплательщиках алиментов. Получилось, как в популярном в те времена анекдоте, когда молодой еврей спрашивает старого и мудрого Абрама:

— Скажи, Абрам, подо что лучше попасть, под Указ или под трамвай?

— Лучше под трамвай, — ответил тот, — может быть, и покалечит, но останешься живой и с чистой биографией!

Но нет худа без добра, в лагере он приобрел специальность плотника, хотя отсидел там ровно год, как говорится, от звонка и до звонка. С того времени на золоте он не работал, но в поля ходить не перестал. Был еще дважды женат. С третьей женой жил до ее смерти, хотя первая жена и сын проживали в Магадане.

Полевик он был прожженный. В поле буквально преображался и ощущал себя нужным человеком, что, в сущности, так и было.

Бесконечно добрый, прекрасный ходок, заядлый рыбак, охотник и повар, мастер на все руки, Валентин Хлёсткин добровольно взваливал на себя многочисленные хозяй-

ственные хлопоты отряда. Он вел метеонаблюдения, лично проверял комплектацию рюкзаков у каждого, кто уходил в маршрут, пек хлеб, ловил и коптил рыбу, изумительно вкусно готовил мясо, рассчитывал запас продуктов на все поле и строго следил за их расходом. Много читал, имел свое мнение по любому вопросу и был вообще незаменимым помощником начальнику отряда. Особенно тщательно опекал студентов, которые изредка появлялись в отряде.

Были, конечно, и у него маленькие слабости. Во-первых, чифирь, пить который он пристрастился еще в лагере. Во-вторых, курение, причем курил он одну только марку папирос — «Север», ранее «Норд», которые любовно называл «гвоздики». По виду папиросы и впрямь напоминали толстые гвозди и отличались от прочих марок редкой едучестью. Без курева Валентин просто зверел.

А главным его недостатком была давняя и безуспешная борьба с Зеленым змием. В Магадане после возвращения, с чувством исполненного долга, он пропивал все полевые, в чем ему помогали многочисленные приятели, а затем подвизался в качестве рабочего в академических институтах. Там его терпели до весны, затем он опять отправлялся в поле. Перед отъездом уходил в загул на три дня, искренне считая это старой колымской традицией. Частенько в аэропорт Валентина вместе с полевыми шмотками везли как груз. По пути он несколько трезвел, а в поле выпивал только с разрешения начальника отряда по большим праздникам.

Но только отряд попадал в поселок, Валентин непостижимым образом умудрялся напиваться, не имея в кармане ни копейки. Так, однажды в поселке Лаврентия члены отряда, отяжелевшие после сытного обеда в столовой, шли в гостиницу. Пуржило, делать было решительно нечего, и между походами в столовую сотрудники пролеживали себе бока и читали до одури.

Странно, вроде из столовой шли все вместе, но когда ввалились в номер, то не обнаружили с собой Валентина. Он появился через пять минут в изрядном поддатии. На немой вопрос он разразился целой тирадой. Оказывается, вокруг него сплошь невнимательные люди. А он шел последним и увидел, что из заснеженного окошка одного из домов ему машут рукой. «Может, случилось что?» — подумал Валентин и зашел в дом. Смотрит, а там сидит куча мужиков за накрытым столом.

— Стакан примешь? — спросили его.

Отказаться и обидеть компанию он не смог, поэтому, сославшись на занятость, махнул подряд два стакана водки и с чувством исполненного долга кинулся догонять товарищей по отряду.

Кстати, на Севере в то время существовал неписанный закон, согласно которому никто никого пить не заставлял, наливал себе каждый сам, исходя из потребности и состояния здоровья.

За исключением таких необычных ситуаций, в поле Валентин не пил, но требовал приобретать больше чая, в том числе, для личного потребления, из расчета одна пачка в день. Чифирил он, таким образом, на вполне законном основании, в основном утром, никому не мешая и никого не допуская к этому процессу.

Спирт, а его количество измерялось десятками килограммов, был также на его попечении, но он относился к нему равнодушно и без разрешения начальника отряда никому не выдавал ни капли. Впрочем, свято сохраняя «сухой закон», в личных целях никто на спирт и не покушался.

Еще он, как старый песец, не мог пройти мимо просто лежащей полезной вещи. Поэтому жил как бы при коммунизме, и из-за этого нередко случались всякие казусы. Так, например, в поселке Лаврентия при заходе в хозяйственный

магазин он, как-то подозрительно согнувшись, быстро его покинул. Когда члены отряда поинтересовались, не живот ли у него схватило, оказалось, что под шубой он упер из магазина громадные ржавые тиски.

— Ты зачем их спер? — с изумлением спросил начальник отряда.

— Не спер, а приобрел, в хозяйстве пригодятся! — гордо заявил тот.

Пришлось возвращаться в магазин и платить за тиски. Таким же образом он побывал с «дружеским» визитом в поселковой пекарне и там «приобрел» несколько форм для выпечки хлеба, что обнаружилось только тогда, когда отряд прибыл на место исследований в Колючнскую губу.

Еще Валентин отличался редкой начитанностью, причем читал все подряд. Особенно ему нравились толстые журналы, которые он и сам выписывал, и специально для него везли из дома члены полевого отряда. В то время телевидения в полярных районах Чукотки не было, по радио можно было только слушать радиостанцию «Маяк» да разные «вражьи голоса». Особенно регулярно и чисто выходили в эфир «Голос Америки» и «Голос свободной Кореи». Поэтому книги на Севере являлись настоящей ценностью, и недаром Магаданская область была на первом месте в СССР по количеству периодических изданий на душу населения!

Благодаря своей начитанности Валентин иногда выдавал такие перлы, что академические ученые порой теряли дар речи. Правда, жизнь все время преподносила и продолжает преподносить Хлёсткину, по его выражению, «подлянки». Схоронив свою третью жену, Марью Федоровну, и переехав в отдельную квартиру, Валентин лишился зрения, а затем и одной ноги. Жив он и сейчас, живет один, несмотря на то, что нашлись первая жена и сын, которые посетили его. Но на этом их общение и закончилось. Лишь бывшие полевики,

которые ранее работали вместе с ним, частенько навещают его, да еще работники социальной службы. Удивительно, что несмотря на такие злоключения, Хлёсткин не потерял стойкость духа и сам находит еще возможности помогать материально бывшим соседкам по прежнему месту проживания, живо интересуется политикой, экономикой и жизнью Магадана. Внимательно слушает радиопередачи и оперативно сообщает прогнозы погоды рыбакам-магаданцам по телефону. Не чурается чарки, изредка чифирит, курит «Беломор», при этом отмечая, что папиросы «Север» были куда лучше*.

...В целом, несмотря на некоторые странности, такой кадр был неоценим, и у начальника отряда, по крайней мере добрая часть хозяйственных хлопот автоматически сваливалась с плеч. И поскольку он не теоретически, а фактически вел хозяйство, то звание Боцман сразу же приросло к нему. Похоже, он и сам этим втайне гордился, но вида не подавал.

*К сожалению, в то время как книга готовилась к печати, Боцман Валентин Хлёсткин скончался 11 ноября 2011 года.

Аня с прибабахом

Это была худенькая, маленькая женщина неопределенного возраста. Про таких обычно говорят — метр с кепкой. Но, как часто бывает с людьми маленького роста, в ней, как в атомной бомбе, была заложена неуемная энергия, которая неожиданно для всех вырывалась, и тогда мало никому не казалось.

Говорили о ней всякое. Одни ее хвалили за чудесные пирожки, которые она пекла в поле. Другие советовали опасаться ее непредсказуемых поступков и особо ответственных дел ей не поручать. В отряде орнитологов она смотрелась вообще белой вороной, поскольку принадлежала к териологам, изучала популяцию копытного лемминга, а к орнитологии не имела вообще никакого отношения. Не имея биологического образования, Аня обо всем судила с авторитетным видом, строго и безапелляционно, чем вводила в ступор порой даже прожженых полевиков.

Памятуя о поведении Ани до поля, начальник отряда мрачно ждал, когда очередной протуберанец полыхнет с ее стороны. Ждать, как оказалось, было недолго.

Прибыв на гнездовье белых гусей, только начали обустраиваться, как Анна заявила, что ей надо вырыть яму в снегу.

— Надо, так надо, — буркнул Боцман. — Тебе какую, штыковую или совковую лопату дать, или обе сразу?

— Да без разницы, ведь копать вы будете!

— Что? — изумился Боцман. — Мне она как-то без надобности, да и остальным, похоже, тоже. Так что флаг тебе в руки и вперед! Кстати, а зачем тебе яма?

— Лемминговые ходы надо обнаружить, на какой глубине они их роют.

— И где ты собираешься копать конкретно?

— А как ты, Валентин, считаешь?

— Если строго по науке, то лучше места не найти, — глубокомысленно произнес Хлёсткин и указал на занесенный снегом довольно приличный овраг.

— Так что, никто мне так помогать и не будет? — опять, уже с нажимом в голосе, при виде подошедшего начальника отряда произнесла Аня.

— Аня! Давай сразу договоримся, чтобы не было недомолвок, — сказал тот. — У каждого своя работа. Хозяйством и готовкой мы тебя нагружать не будем. А твои научные изыскания нас не касаются, своих забот хватает. Поэтому рассчитывай сама на себя. При этом правилам общего распорядка будешь подчиняться как рядовой член отряда. Будешь права качать, вносить смуту и, упаси бог, не подчиняться начальнику отряда — не взыщи, вылетишь с отряда, как пробка. Я все сказал!

С этими словами он повернулся и пошел в балок, где налаживал старенький примус «Шмель».

— Он что у вас, на самом деле такой или только корчит из себя начальника? — спросила ошарашенная Аня у Боцмана.

— По-моему, такой от рождения. Кроме того, в армии в каких-то жутких частях служил. Мгновенно в бешенство впадает, если видит что не так. А вообще нормальный мужик, справедливый, хоть и зверь, — подлил масла в огонь Хлёсткин.

Понуро взяв штыковую лопату, Аня отправилась рыть яму, а Боцман вернулся в балок.

— Ну, что, копает? — бросил на него взгляд начальник.

— Роет, как экскаватор, даром, что такая мелкая женщина, — ответил, улыбаясь, Валентин.

— И как ты думаешь, найдет она там леммингов?

— Вряд ли, чего им в овраге делать, — поблескивая хитрыми глазами, заметил тот, — может быть, уж совсем какой-то ошалевший забредет посмотреть на ее бурную деятельность.

— Ладно, займись харчем, через час-другой пойдем, проведаем эту териологиню, а то как бы она сама себя не закопала!

Оказалось, что он как в воду глядел! То, что они увидели через полтора часа, вызывало одновременно и смех, и жалость. Аня выкопала здоровенную яму, совершенно забыв о том, что из нее надо еще и выбираться. Яма представляла собой полость в снегу в виде яйца расположенную острым концом вверх. Ступеньки отсутствовали вообще. На самом дне сидела охрипшая зоологиня.

— И что ты там делаешь? — спросил с интересом начальник отряда.

— Ничего не делаю, жду хоть одного настоящего мужчину, который помог бы женщине выбраться из этой проклятой ямы, — со злостью ответила Аня.

— Вообще-то никто из нас тебя туда не сажал, ты выкопала яму и сама себя наказала без нашего участия. Поэтому жди настоящих мужчин, а мы, поскольку ненастоящие, то пойдем чай попьем! — спокойно отреагировал на ее гневную тираду Боцман.

Вдвоем они не спеша повернулись и пошли в балок, оставив Аню с раскрытым ртом.

— Делать нечего, надо спасать бабу, — буркнул начальник. — Валентин, дай мне капроновый фал, а сам возьми со-

вковую лопату и закидай яму хотя бы до пояса, а то вместо лемминга кто-нибудь туда кувыркнется и шею сломает.

При помощи петли из фала притихшую Аню легко выдернули из ямы и отпоили горячим чаем. Оказывается, она давно уже вопила, сидя в снежной яме, чтобы ей помогли выбраться, но думала, что никто не идет из вредности, и от этого было обиднее вдвойне.

Пришлось ее уверять, что все были заняты своими делами. Что у балка за полтора часа, да еще с лопатой в руках, при минус пяти градусах может замерзнуть только идиот. Но все было тщетно, виноваты были все, кроме нее одной. Даже намек на то, что она по специальности инженер и могла бы сообразить о необходимости ступенек, не смог ее поколебать.

— Ну и что? — заявила она, — я ведь инженер-радиоэлектронщик, а не инженер по строительству ям!

От такого заявления все члены отряда буквально упали на стол от хохота. Конечно, чтобы рассчитать и вырыть котлован под фундамент здания, тоже нужны специальные знания, но чтобы строить ямы, до этого не всякий изощренный ум дойдет!

Все поняли, что с Аней в поле не соскучишься. Энергия в ней кипела и никак не могла найти себе достойный выход. А поскольку характер ее работы был отличен от работы орнитологов, то выплески неукротимой энергии были всегда весьма бурными и неожиданными.

Не прошло и трех дней после приключения с рытьем ямы, как Аня решила наладить метеонаблюдения. Благо, стандартная метеобудка в отряде имелась. Имелись также термографы и барографы с запасом недельных лент и чернил. Надо было только привести приборы в порядок и разместить метеобудку на открытом месте, чтобы в автоматическом режиме отслеживать температуру воздуха и атмосферное давление. Аня завела и заправила приборы,

очистила от пыли метеобудку и потащила ее из балка. На ее действия особо никто не обращал внимания. Работает человек — ну и бог с ним!

— Интересно, а куда она бочку поволокла? — вдруг нарушил единый рабочий настрой Боцман. Неужто метеобудку будет на нее водружать?

— Погоди, может, она не совсем еще свихнулась, — промолвил Москвич. — Совсем уж женщину затерзали. Надо просто ее энергию использовать в мирных целях.

— Насколько мне известно, ядерным взрывом еще управлять не научились, — глубокомысленно заметил начальник, — а женщинами и подавно!

Тем временем Аня докатила бочку до небольшой впадины, поставила ее на «попа» и через некоторое время показалась с метеобудкой, которую водрузила на бочку.

— Все, мое терпение кончилось, — снимая со стены карабин, сказал Капитан, выходя из балка, — сами с ней объясняйтесь.

— Неужто пристрелит? — округлил глаза Москвич.

— Да вряд ли, — заметил Боцман. — Лично я бы пулю на нее пожалел, скорее всего, просто слегка даст прикладом по башке для прояснения мозгов.

Ничего этого начальник делать не стал, просто надел штормовку, лыжи и укатил на склон пика Тундровый. К его возвращению Аню, видимо, объединенными усилиями удалось убедить, что бочка при яростном, незаходящем полярном солнце дает мощную тепловую аэрацию, поэтому, исходя из показаний приборов, поставленных на дно ржавой бочки, можно будет судить, что отряд вел исследования не на острове Врангеля, а в тропиках. По крайней мере, метеобудка стояла уже не на бочке, а на деревянном колу, тщательно обернутом бинтом за неимением белой краски.

Спустя несколько дней отряду крупно повезло. После того как Аня, тщетно пытаясь наладить отопление, от злости разворотила каменную печку, чуть не удрала сама и не утащила с собой девчонку — гостившую в отряде сестру начальника отряда териологов — в тундру, накануне массового таяния снега, когда здоровенные мужики сидят дома и ждут, пока не прорежутся ручьи и реки, ее увез от греха подальше веселый зоолог Вовченко, который приехал в гости на «Буране» и забрал оптом весь женский пол. Затем он отвез Аню в поселок на стационар биологов, где была уже более-менее цивилизованная жизнь. При этом потерял и искал ее на перевале, где она умудрилась свалиться с мотонарт, да так, что он и не заметил.

По крайней мере, на душе у начальника отряда орнитологов стало заметно спокойнее, и жизнь отряда вошла в привычное русло. Только после приезда в Магадан он заявил директору, что хотя он не против женщин вообще, но в его отряде с этих пор их никогда не будет. Или пусть начальником отряда назначают кого угодно, только не его!

Легко ли попасть на остров Врангеля?

Видимо, не зря остров Врангеля так долго не открывался людям. Лишь в 1881 году на остров высадились американцы, да и то лишь на один день, которые и закрепили за островом название Врангель. Русская экспедиция на судне «Вайгач» высадилась на острове спустя тридцать лет, в 1911 году. И до сих пор попасть на остров довольно сложно даже по воздуху. Это мы почувствовали, когда впервые я попытался вылететь на остров Врангеля, будучи начальником полевого отряда.

Вначале мы долго сидели в райцентре Шмидтовского района — Мысе Шмидта — по причине нелетной погоды и еще потому, что имелся серьезный конкурент — богатая геодезическая экспедиция, у которой денег было на несколько порядков больше, чем у нас. Она фактически скупила, а точнее, взяла в аренду имеющиеся «борта», как назывались на северном жаргоне все летательные аппараты, и, как только где-то открывалось «окошко» по погоде, сразу гнала туда самолет или вертолет. Конкурировать с ней было практически невозможно, начальник геодезической партии занимал в аэропортовской гостинице сразу два номера на весь полевой сезон и, естественно, пользовался обширными связями среди начальства как самого Шмидтовского авиаотряда, так и среди руководства райцентра и поселкового начальства. Кроме того, в нем было примерно 120 килограмм, что в сочетании с крутым нравом само по себе добавляло аргументов не в нашу пользу.

Уяснив ситуацию, мы впали в грусть, потому что нам нужен был спецрейс, и не просто на остров Врангеля, а именно в поселок Звездный, где находился аэропорт. Желательно было, чтобы в один самолет вместился груз с полевым снаряжением, еда и сами члены отряда. Кроме того, для вылета было необходимо, чтобы была погода в трех точках сразу: на Мысе Шмидта, в поселке Ушаковский и поселке Звездный.

И если в точности прогноза погоды на Мысе Шмидта сомневаться не приходилось, и в поселке Ушаковском тоже, поскольку там каждые четыре часа сведения о погоде давала полярная станция, то в поселке Звездный сведения передавал начальник аэропорта, он же метеоролог, радист, кассир и обслуга всего аэропорта. А от него шли почти все время короткие радиограммы, состоящие из двух букв «СЗ», что означало — «сопки закрыты». А коль врангелевские сопки закрыты, то вылет на остров отменялся. Проверить его сообщения никто не мог. Оставалось только верить. После такой радиограммы Паша, так звали начальника врангелевского аэропорта, спокойно занимался своими делами в полной уверенности, что борта с Мыса Шмидта сегодня точно не будет.

Стало ясно, что при таком раскладе на остров Врангеля можно или не попасть вообще или только к концу полевого сезона. Поэтому требовались кардинальные меры. Смирив гордыню, которая меня как молодого начальника полевого отряда переполняла до краев, я пошел знакомиться к начальнику геодезической партии.

Робко постучав в его номер, на котором красовалась табличка с его фамилией и должностью, я вошел.

— Кого еще черти принесли? — задал вопрос бородатый, крепкого сложения мужчина, который сидел за здо-

ровенным столом, заваленным множеством карт. Сбоку от стола высилась радиостанция, судя по размерам, довольно мощная.

Я представился и с треском поставил на стол бутылку коньяка.

— Что это? — спросил он, хотя и так было видно, что это коньяк.

— Коньяк, и, по-моему, довольно приличный, —ответил я. — Для знакомства и беседы!

— Ты первое поле идешь начальником? — спросил Петр.

— Первое, — честно ответил я, хотя до этого в прошлогоднем поле был в Чукотском районе рядовым участником и четыре поля на материке в университетской экспедиции, но те поля не в счет.

— Ладно, молодец, что не стал сразу врать, — буркнул мой новый знакомый, — а то бы вылетел сразу к чертовой матери отсюда! Садись и все по порядку расскажи, где учился, где живешь и куда собираешься лететь? А бутылку оставь себе, вон, видишь, в углу мешками ящики закрыты? Там этого добра хватает — упиться можно.

Мы быстро сошлись. Петр сам был с Магадана, ненамного меня старше, имел двух маленьких дочек, да и жили мы в городе почти рядом. Я описал ему нашу ситуацию с вылетом, и он заметил, что выводы я сделал правильные и верно поступил, что не стал качать права и подошел к нему. Он рассказал, что их отряд обновляет топографическую сеть, то есть забрасывает людей, обычно одного инженера или техника и двух рабочих, на самые высокие сопки, там они устанавливают геодезический знак. Затем каждая группа должна одновременно отнаблюдаться с двумя другими, чтобы получился тщательно вымеренный треугольник, и только после этого геодезисты выходят в эфир и докладывают, что работу

выполнили. Лишь тогда он посылает за ними вертолет и забирает с сопки.

Данную работу можно выполнить за три дня, а можно и за три месяца. Все зависит от погоды и удачи. Конечно, когда сидят на сопке долго, то начинают стервенеть от тоски и безделья, иногда доходят и до преступлений.

Обычно за год бывает 2–3 уголовных дела, совершенных благодаря исключительно человеческой глупости.

Так, например, в прошлом году двое одичалых от безделья рабочих связали ночью инженера, спустились в близлежащий поселок, подняли с постели продавщицу магазина, отконвоировали ее до магазина и заставили выдать ящик водки. Заодно отлупили ее мужа и залезли опять на сопку. Выпили четыре бутылки водки, а затем прилетела милиция и сняла разбойников пьяными в хлам.

Чтобы гасить «кислые» ситуации, Петр изредка лично вылетает на точки проведать «зависших» на них людей и загасить возникающие бунты в зародыше когда водкой, когда отеческим внушением — и он выразительно посмотрел на свой здоровенный кулак.

Самое поганое в его работе, что через каждые четыре часа, строго по инструкции, он должен выходить на связь со всеми точками, выслушивать доклады с мест и принимать в случае необходимости оперативные решения. Получаются совершенно рваные сутки, отдохнуть толком не удается, и вырваться даже в райцентр нет возможности, чтобы хотя бы просто попариться и выспаться в свое удовольствие. А зама обещали прислать, но так обещанием и ограничились. Поневоле от такой работы озвереешь!

Мне стало его искренне жалко. Я предложил ему сутки провести вместе, чтобы мне постажироваться на рации, а затем на сутки подменить, чтобы он мог устроить себе выходной. Тем более, что начинало пуржить, и на трое суток уж точно аэропорт будет закрыт. Так и сделали.

Петя уехал в поселок, отдохнул, отоспался, отпарился и стал совершенно другим — веселым и добрым парнем, каким он, по сути, и являлся. Мы подружились.

На следующий день пурга разыгралась с такой силой, что к вечеру снесла антенну. Пришлось вместе лезть на крышу гостиницы и восстанавливать ее. Пару раз нас с ним, как букашек, ветром сносило с крыши. Благо катиться вниз было нестрашно, поскольку с подветренной стороны был снежный наддув почти вровень с крышей, и нас катило по нему. Если бы его не было, то уж точно бы свернули себе шеи. А так со стороны наши кувыркания выглядели весело, правда, мы особенного веселья не испытывали, скорее, присутствовала здоровая злость.

За нашими мучениями с интересом наблюдала хозяйка аэропортовского буфета, тетя Маша, женщина здоровенная, под стать Пете. Обычное блюдо, которое она предлагала своим посетителям, состояло из отварного куска сырокопченой колбасы салями с половиной банки зеленого горошка и двумя кусками хлеба. Правда, можно было всегда попить растворимого кофе или чая, которые были неизменно горячими. Неприхотливый северный народ вполне довольствовался таким меню. Я же, поскольку недавно прибыл из Саратова, жители которого традиционно ехали за колбасой в Москву, впервые видел, чтобы сверхдефицитную колбасу еще и варили в кастрюле, как обычное мясо.

— Давайте, доделывайте скорее свою работу, —прокричала нам тетя Маша, — к пяти часам я закроюсь, приходите, настоящим борщом угощу. Мы в знак согласия молча помахали ей.

К назначенному времени побрились, надушились Петиным одеколоном, взяли бутылку коньяка и пошли в гости.

К счастью, ветер вроде бы стал понемногу стихать. По крайней мере, с ног не валило.

Подойдя к буфету, который притулился к торцу гостиницы, увидели необычную картину. Дверь буфета распахнулась и оттуда кувырком вылетел мужик. Не устояв на ногах, он буквально влетел в сугроб и очумело замотал головой. Вслед за ним вылетело еще трое, причем далеко не худосочного телосложения, затем полетела верхняя одежда, а в дверях, лихо подбоченясь, возникла хозяйка буфета.

— Я вам что сказала, — рявкнула она, — до пяти, так до пяти. А то устроили себе здесь ресторан! Чтоб я больше вас здесь не видела!

— Да ладно, не серчай, теть Маш, — добродушно заметил один из них. — Ну засиделись маленько, ну выпили немножко, что ж бушевать так.

С этими словами они выбрались из сугроба, и, посмеиваясь, пошли в гостиницу.

— Вот ведь женщина, — заметил один из них, поравнявшись с нами. — Силищи, как у белой медведицы, попробуй — поспорь с такой!

— А ты и не спорь, а то как даст по башке — стоя какать будешь, заметил другой.

Я поглядел на Петю.

— Может быть, дома поедим?

— Нет, нечего женщину обижать, — ответил тот. — Ты не смотри так, она добрая баба, только порядок любит. Если бы не она, то я давно бы от гастрита здесь загнулся. А так хоть за два дня раз горячим питаюсь, а не всякой дрянью из банок. Пойдем.

Тетя Маша и впрямь накормила нас очень вкусным борщом, заодно расспросила меня о моей семье, посетовала, что мы так надолго уходим в поля и оставляем жен своих и малых детей.

В заключение, после чая приглашала непременно заходить к ней, когда буду сидеть, ждать погоды в этой дыре. Прав был Петя: несмотря на свои устрашающие физические

данные, она, как и многие русские бабы, по сути была милая и сердобольная женщина.

Сытые, немного охмелевшие и вконец оттаявшие от недавних приключений с установкой антенны, мы шли к гостинице.

— И чего таких женщин мужики боятся? — задал я вопрос Петру.

— Придурки, вот и боятся, — коротко ответил тот. — На таких женщинах Россия держится. А уж если замуж выйдет, то на руках мужа носить будет. Не то что эти тощие красотки с накаченной грудью, которые на журнальных обложках голыми красуются.

Я почему-то представил себе, что Петина жена такая же могутная женщина, а детки — крепкие боровички с красными щеками и синими папиными глазами.

...Следующий день подтвердил северную примету, что весной если пурга задует, то не менее, чем на три дня. Похоже, она заканчивалась.

Не знаю, как Петр смог договориться с Врангелем и с пилотами, но погоду оттуда вечером мы получили и утром собрались вылетать.

Продуктов взяли минимум, основную часть их решили закупить на острове, тем более что везли с собой какие-то документы и устные указания Шмидтовского начальства для врангелевского зав. ТЗП — так коротко назывался один из самых главных людей на острове — заведующий торгово-закупочным пунктом, в состав которого входило несколько складов и два магазина.

Мы довольно оперативно загрузились, но меня вновь стала тревожить погода. При абсолютно чистом небе вдруг стало мести снегом поперек взлетно-посадочной полосы. Было похоже, что начинается низовая пурга. Находясь уже в кабине пилотов, я с ужасом вдруг услышал, как один из

них сказал, что скорее всего, сейчас порт закроют, и мы не успеем взлететь.

— А нельзя вначале взлететь, а потом попросить разрешение на взлет? — наивно спросил я. — Ведь иначе до августа так и будем здесь сидеть и вам же глаза мозолить!

Пилоты переглянулись, и «Аннушка», так ласково называли на Севере самолет АН-2, стала выруливать на взлетную полосу. Когда взлетели, первый пилот невинно запросил разрешение на взлет.

— Да уж лети, коль взлетел, — раздалось в наушниках. — Вернетесь — бошки поотрываю!

После такого отеческого напутствия «Аннушка» взяла курс на остров Врангеля. Время пролетело довольно быстро, и по расчету остров должен был уже показаться, но его почему-то не было. Самолет стал набирать высоту, и тут мы вдруг увидели торчащую из облаков сопку.

— Вот она и вылезла, — мрачно заметил второй пилот.

— А что это за сопка? И где сам остров? — поинтересовался я.

— Это самая высокая вершина в советской Арктике — гора Советская, а сам остров прикрыт одним местом, а если точнее, то низкой облачностью, — был ответ.

— Ребята, а как же мы сядем? — робко поинтересовался я.

— Да уж как-нибудь постараемся, — ответили пилоты. — Не тащить же вас обратно на Мыс Шмидта!

Они о чем-то коротко посовещались и решили садиться.

Как я понял впоследствии, летчики сориентировались по этой сопке, ушли к югу, снизились до предела над самым морем и полетели вдоль береговой полосы. Вначале внизу стали мелькать торосы, затем бочки, потом самолет буквально перепрыгнул через крыши домов поселка и приземлился в аэропорту острова Врангеля.

Первый человек, которого мы встретили, был на чем свет стоит матерившийся начальник аэропорта. Он дал свою традиционную радиограмму — «СЗ» — и с чувством исполненного долга шел в гости к директору заказника «Остров Врангеля». Совесть его была чиста на сто процентов, поскольку остров был закрыт наглухо низкой облачностью. А тут вдруг прямо на голову сваливается самолет. И главное, чуть не снес крышу на его доме.

Пилоты тем временем нашли какие-то доски и остервенело колотили ими по плоскостям самолета. Оказалось, что при посадке самолет сильно обледенел, и могли возникнуть серьезные проблемы при взлете.

Мы лихорадочно стали выкидывать груз, стараясь, чтобы лыжи у самолета были свободные, наскоро попрощались с экипажем, самолет взревел и буквально нырнул в облака.

После того как он улетел, начальник аэропорта сменил гнев на милость и пригласил нас попить чай.

— А что с грузом?— задал вопрос я.

— А и черт с ним, с острова не убежит, воровать тут некому! — ответил он. — Накройте свое барахло брезентом, к вечеру определимся с жильем и на моем вездеходе все тогда и перевезем.

Мы пошли всей толпой к нему в гости. После первой чашки чая у меня наконец немного полегчало на сердце. Я поверил, что моя мечта начинает сбываться — я наконец-то на острове Врангеля!

Гусак из аэропорта

После нескольких чашек чая, несколько отмякнув от треволнений, связанных с доставкой полевого отряда на остров, мы поближе познакомились с гостеприимным хозяином.

Павел Гусак — так он отрекомендовался — был невысокий, но крепкий худощавый мужчина. Сразу же возникла заминка с произношением фамилии. Как ее произносить? То ли с ударением на первом слоге, то ли на втором?

Сомнения развеял сам обладатель необычной фамилии.

— А как вам больше нравится, так и произносите, — сразу сказал он. — Зовите меня просто Паша, без церемоний, так меня все на острове зовут! Иначе голову свихнете, а то еще, чего доброго, с чехословацким лидером перепутаете.

Мы рассмеялись, назвали себя по имени, и контакт был сразу установлен. Тем более что с Москвичом Паша был знаком давно и представлять их друг другу не было необходимости.

Жил он в довольно просторном доме, который делился на две половины: в одной была кухня, печь, гостиная и спальня одновременно, а в другой, поменьше размером, помещалась радиоаппаратура и сейф. Из живности имелся в наличии кот. Небольшой, какой-то немыслимой раскраски и вдобавок хромой. Меня он заинтересовал.

— Что это он у тебя хромой и вообще немного странно выглядит и ходит? — спросил я у хозяина.

— А он один в поселке, немного свихнулся от отсутствия кошек, а лапа у него подгорела. Сдуру в рацию полез — его и шарахнуло.

После такого ответа мне расхотелось выяснять семейное положение хозяина.

А кот погиб злой смертью через два дня у меня на глазах. Рано утром его понесло погреться на весеннем солнышке. У соседнего дома отдыхала привязанная у крыльца собачья упряжка. Видимо, кто-то из родственников приехал в гости к Ульвелькоту, местному егерю.

Собаки увидели кота, но среагировали странно: все до одной отвернулись от него и не издали ни одного звука. Разомлевший от солнышка кот спустился по ступенькам крыльца и с хозяйским видом стал расхаживать рядом с псами. Те по-прежнему не реагировали на столь вызывающе-нахальное поведение. Видя такое явное к себе пренебрежение, кот стал вышагивать, гордо задрав хвост в непосредственной близости от упряжки. Как оказалось, это было последней в его жизни роковой ошибкой. Собаки как по команде внезапно бросились на кота. Тот и мявкнуть не успел, как просто исчез. На снегу не осталось даже клочка его шерсти.

Я с изумлением уставился на то место, где недавно хромал Пашин кот, и, что самое интересное, с таким же изумлением смотрели на то же место сожравшие его собаки.

Паша, когда я рассказал о геройской, но лютой смерти кота, отреагировал довольно странно.

— Ну и черт с ним, — сказал он совершенно спокойно, — вечно он совал свою усатую рожу куда не следует — вот и довыпендривался! Кстати, имей в виду, к незнакомой упряжке не суйся, псы в ней вечно голодные и злые, запросто в клочья раздерут кого угодно. Особая у них ненависть к таким же упряжкам. Если сцепятся, то бьются насмерть. Я однажды видел — зрелище не для слабонервных.

Я, до того как очутился на Севере, собачьи упряжки видел только в кино. Конечно, этот вид транспорта меня интересовал. В частности, непонятно было, почему периодически каюр (так называют погонщика) во время движения соскакивает с нарт и бежит вместе с собаками, какие отношения между рядовыми псами, вожаком упряжки и каюром. Все мои знания были чисто теоретическими и почерпнуты, в основном, из литературных источников. На острове Врангеля они были основательно пополнены и проверены практикой.

Безусловно, нарты, как и байдары, обтянутые моржовой шкурой, яранги, меховая одежда и небогатая домашняя утварь, являли не только образец отточенной веками технологии, но поражали своей высокой эргономичностью.

Нарты для собачьей упряжки мог изготовить далеко не каждый абориген. Здесь тоже были свои мастера, и нарты, изготовленные ими, очень высоко ценились и служили долго. Меня поразило то, что такие нарты изготовляли вообще без помощи гвоздей. Части нарты скреплялись сыромятными ремнями, и на такое хрупкое произведение искусства вначале было страшно садиться. Однако впечатление было обманчивым, на нарты навьючивался и закреплялся груз, да еще оставалось место для каюра с пассажиром. Все это они спокойно выдерживали, лишь слегка поскрипывали при движении. При этом их конструкция поражала необычно легким весом.

Естественно, хотелось прокатиться на собачьей упряжке. Случай не заставил себя долго ждать. Выехали мы с небольшим грузом, но особо долго сидеть на нартах не пришлось. Во-первых, низовой северный ветер, несмотря на теплую одежду, казалось, продувал насквозь, во-вторых, бедный твой зад от бесконечного подкидывания нарт на снежных застругах, казалось, вот-вот отвалится. Поэтому

приходилось все время спрыгивать и бежать рядом с нартами, при этом еще и удерживать их от рысканья одной рукой. Только разогретый бегом плюхнешься на нарты, чтобы слегка отдохнуть от бега, как опять начинаются прыжки по застругам и под одежду лезет холод. Так что это скорее тяжелая работа, чем приятная поездка. И романтика из головы выветривается моментально.

Короткие остановки, чтобы подвайдать (то есть смазать водой полозья, чтобы на них образовалась тоненькая корочка льда) нарты, и опять в путь. Часа через два с половиной каюр вдруг остановил нарты, поставил их набок и, взяв остол (короткая заостренная деревянная палка), пошел к собакам. Упряжка заскулила, некоторые собаки легли на спину и как щенки стали мочиться. Каюр же последовательно начал их лупцевать и «отходил» таким образом всех, кроме вожака. Затем невозмутимо закурил, сел на нарты, рядом с ним с открытым ртом поместился я, и мы продолжили путь.

— А зачем ты их лупил? — спросил я.

— Скучно! — был короткий ответ.

В результате моя нижняя челюсть отпала чуть не до колен.

...Паша, как оказалось, был к собакам совершенно равнодушен. Он любил технику. У него, кроме древнего вездехода, который он реанимировал раз в пять лет, был еще грузовой мотороллер «Муравей», на котором он с шиком ездил по поселку. Обычно это был путь от его дома до магазина. Всего то 150–200 метров. Зато на технике!

Держал он когда-то аквариум и, узнав, что я старый аквариумист, торжественно мне подарил болгарскую книжку про рыбок с дарственной надписью, чем я был очень тронут. О семье он не распространялся, сказал, что живет давно один. Вот когда переедет к новому месту службы на материк, тогда, может быть, и заведет себе хозяйку. Причем сказал так, будто собирался завести себе очередного кота.

С его друзьями я познакомился в августе, когда приехал в поселок, чтобы улетать в Магадан. Так получилось, что совпали дни рождения Паши и моей жены. Наблюдая, как он готовится к своему дню рождения, я сказал ему, что готов принять посильное участие, и, если он не возражает, то пусть купит одну бутылку коньяка и две бутылки шампанского в качестве моего личного вклада. Паша деньги взял, сунул их, не считая, в карман, как-то странно на меня поглядел и поехал на «Муравье» к магазину. Я остался курить на завалинке его дома.

Вернулся он на удивление быстро. Я стал помогать выгружать ему ящики и заносить их в дом. Оказалось, что он купил 2 ящика водки, один коньяка и один шампанского.

— Мужики пьют водку, женщины — коньяк, а некоторые, вроде тебя и еще одного, тронутого умом механика с полярки, шампанское. Думаю, ящик этой мочи вам с ним на вечер хватит, — сказал Паша. — А деньги свои забери, их у меня и так девать некуда! Кстати, а сколько денег ты возьмешь в отпуск?

— Наверное, тысячу, — гордо ответил я.

— Всего? — изумился он. Так это для семьи — слезы. Пойдем со мной!

Мы вошли к нему в рубку, и он открыл сейф. Кроме нескольких служебных журналов, он был забит денежными пачками.

— Думаю, пять тысяч тебе хватит.

С этими словами он начал выкладывать из сейфа деньги.

— Погоди, ведь надо расписку, такую сумму вряд ли тебе сразу верну.

— Какие, к черту, расписки, ведь ты в следующее поле приедешь на остров. Вот и отдашь. Или, может быть, я вырвусь в Магадан по делам.

Я от всего этого ошалел. На материке за такие деньги можно было купить машину или дом. И никто бы не дал их

взаймы, да еще без расписки, даже родственники. Самое интересное, что Паша не шутил.

— Погуляешь там вволю, и за себя и за меня, — сказал он.

Я еле его убедил, что занять денег смогу и в Магадане, да и отдавать их там легче.

— Ну, как знаешь, — буркнул он, — тебе виднее.

Потом мне в поселке Ушаковское говорили разное: и что у Паши была и любовь, и семья, но почему-то развалилась, и что врангелевские дамы не раз думали его женить здесь, но он яростно сопротивлялся. Что он в отпуске не был уже лет пять, а денег у него и впрямь немеряно по одной простой причине, что их некуда тратить, кроме как на пьянку. Но при его должности пить нельзя, иначе вылетишь с работы, как пробка. Исключение составляли великие праздники. Оказалось, что день его рождения входил в их число. Конечно, он мне запомнился надолго. Сказать, что ящика шампанского нам с механиком хватило — значит не сказать ничего. Под утро оно, по-моему, уже выливалось у нас из ушей. Последние две бутылки мне Паша зашвырнул в самолет, который, как на грех, прилетел утром. Смотреть на них было противно, и поэтому я с легким сердцем отдал их пилотам. Естественно, на шампанское после мощно отмеченного двойного дня рождения я не мог смотреть без содрогания еще года два.

...Паша, в отличие от Николая Николаевича Винклера — директора заказника «Остров Врангеля» — еду готовил себе сам, и, соответственно, регулярно питался, выписывал обильную периодику, всегда был чисто выбрит и опрятно одет. Словом, внешне соответствовал своей высокой должности — начальника аэропорта остров Врангеля. А когда на острове садился ИЛ-14 — самолет ледовой разведки, то он даже надевал форму, кормил экипаж и за чаем вел степенный разговор обо всем, начиная с международной политики и кончая новостями из культурной жизни у нас и за рубежом.

Мне нравилось у него гостить. Он иногда в нарушение инструкций разрешал мне по казенной рации слушать ночью музыку. Правда, всегда предупреждал, чтобы я, не дай бог, не включил передатчик. Мне было это ни к чему, и поэтому ночью я вовсю наслаждался джазовой музыкой, благо, что американские, японские и корейские радиостанции были слышны на порядок лучше, чем наши.

Конечно, трудно себе представить его жизнь на острове зимой. Самолеты, как правило, почти не летали, стояли или дикие морозы или одна за другой шли пурги. Да плюс к тому еще полярная ночь. Настроение от этого не прибавлялось, скорее наоборот. А охотиться на песцов ему было некогда, поскольку был, как смертник, прикован к рации. Оставалось только радио и литература. А если к тому же живешь один —есть от чего взбеситься.

Но Паша стоически выдерживал это время. Мало того, еще и сам любил над собой подшутить.

Так, однажды он вышел в пургу из своего домика и только сделал несколько шагов, как его кто-то крепко обхватил сзади. Паша похолодел, потому что кроме белого медведя никто этого сделать не мог. Звать на помощь бессмысленно, поскольку за воем пурги никто ничего не услышит. А если и услышит, то что он сделает? За это время медведь три раза голову ему открутит. Или обоим одновременно, ну, может быть, с разницей в несколько секунд. Так и стоял, обмерев со страха. Но чувствовал, что его держат и ничего не делают. Осторожно посмотрел через плечо и увидел, что на спине у него обосновалось тонкое одеяло, которое он выстирал, повесил на веревку сушиться и напрочь об этом забыл. Ветром его сорвало вместе с веревкой, и это его собственное одеяло так неожиданно о себе напомнило.

Паша схватил одеяло, вошел в дом и часа два содрогался от истерического хохота. Но, тем не менее, пока пурга не кончилась, из дома не выходил. И взял себе в привычку

прежде, чем выходить из дома, тщательно оглядывать, не бродят ли около дома непрошенные гости на четырех лапах. Он охотно поведал нам эту историю, причем весело хохотал вместе с нами.

Дальнейшая его судьба неизвестна. Говорили, что он дал радиограмму на мыс Шмидта «СЗ», а полярная станция, и основная, и выносная на мысе Блоссом — южной оконечности острова — сообщили, что над островом погода абсолютно ясная. На этом он, якобы, и «сгорел». У меня же остались о нем самые добрые воспоминания как о добром, интересном и абсолютно бескорыстном человеке.

Винклер и медведежуть

На острове, как оказалось, народ вообще был несколько необычный. Трудно сказать, что являлось первопричиной, но почти каждый житель представлял собой яркую личность. И если не отличался какой-то внешней особенностью, то имел или необычный характер, или совершал странные и часто самому непонятные поступки. А у некоторых людей это причудливым образом сочеталось вместе.

Такой весьма примечательной, можно сказать, своеобразной личностью был Николай Винклер — директор заказника «Остров Врангеля». Мог работать сутками, мог сутками пьянствовать. Обычно же пребывал в какой-то северной «нирване», то есть целыми днями валялся дома, питался холодными консервами, выковыривая их из банок ножом, ложкой, а порой просто пальцем. При этом говорил о тяжкой жизни одинокого мужчины на забытом богом и людьми острове. Но жениться отказывался наотрез, хотя имел исключительно красивую и мужественную фактуру, и на него заглядывались женщины не только на острове, но и на материке.

Где-то в Подмосковье у него жила мама, о которой он отзывался с большой нежностью. К ней он изредка ездил в отпуск, каждый раз реанимируя ее старенький дом. Мама мучила разговорами о его беспутной жизни, требовала внуков и этими разговорами доканывала Николая вконец, отчего тот сбегал опять к себе на Врангель.

Тем более, у него была на Врангеле любовь, которая звалась нежным именем «Лизетта». Она представляла из

себя старенький вездеход, который постоянно ломался. Но Коля в кузове возил громадное количество запасных частей, которые добывал всевозможными, чаще всего незаконными, способами. Был еще маленький трактор, но он уже несколько лет стоял как памятник самому себе.

В подчинении у него было несколько человек, тоже весьма своеобразных личностей, среди которых были и чукчи, и эскимосы, и русские. Сказать, что он ими руководил, было сложно. Но временами на него что-то находило. Он пытался ввести новые правила, изменить медленное и размеренное состояние в своей и их жизни. Обычно это с ним происходило с появлением новых людей.

Так, однажды в заказник прибыл молодой выпускник-охотовед. Полный сил, он мечтал, что на острове встретит мужественных, суровых людей, сможет с пользой применить полученные в институте знания, в скором времени напишет диссертацию и станет опытным полярным исследователем.

К его приезду Николай подготовился. Прибрался в доме, даже надел чистую и поглаженную рубашку и приготовил ужин, на который пригласил своих немногочисленных подчиненных. Те, несколько недоумевая, пришли. Ужин прошел в абсолютно трезвой обстановке. Николай представил нового сотрудника, тот немного рассказал о себе. Затем за чаем директор встал и произнес короткий спич.

— Друзья, — вдохновенно начал Николай, — посмотрите, как мы живем! Мало встречаемся, в основном, по работе, дома каждый занят какими-то мелочными делами. У многих нет семей, нет домашнего уюта, теплоты. Наблюдаются даже случай неумеренного злоупотребления спиртными напитками! Это приводит к деградации личности и духовному одичанию. Надо решительно с этим бороться. Давайте чаще собираться, больше читать, играть в шахматы, слушать серьезную музыку. Короче, завтра я еду в поселок

Ушаковский за зарплатой. Если вы мне доверяете, то я покупаю стереофонический проигрыватель, пластинки, книги, настольные игры, и мы начинаем новую жизнь. Конечно, наш сотрудник волен выбирать, присоединяться к нам или нет. Но я гарантирую, что наша жизнь изменится, и мы не заметим, как пролетит надвигающаяся суровая зима! Будем же жить вместе, как братья, а собираться вместе предлагаю у себя.

К концу своей короткой речи Николай преобразился. Его черные глаза сверкали, лицо стало вдохновенным, он вроде даже стал повыше ростом. Обалделые сотрудники с каким-то мистическим ужасом во все глаза смотрели на начальника.

«Вот оно, настоящее северное братство», — подумал молодой охотовед и первый поддержал такого замечательного начальника. Остальные тоже не возражали.

Утром Николай уехал в поселок. Вернулся он дня чрез три. Вид у него был слегка помятый, но довольный. Сотрудники быстро перетаскали привезенные коробки к нему домой.

— Ну, все, — сказал директор. — Сейчас я немного отдохну с дороги, а вечером прошу всех к себе в гости.

Вечером новый сотрудник, который занимался благоустройством выделенного ему жилья, немного припозднившись, отправился в гости. То, что он увидел, когда вошел в дом, заставило его застыть в дверях. За столом, уставленным бутылками и консервами, окутанный табачными облаками, сидел дружный коллектив заказника. Все были уже немного навеселе.

— Давай проходи к столу, — радушно пригласил Николай, — отметим твое прибытие на остров. Извини, что тогда встретили на сухую, в деньгах поиздержались, но сегодня мы это дело поправим! Мужики, стакан водки молодому!

Молодой охотовед машинально прошел к столу, сел и перед ним мгновенно очутился налитый до краев стакан.

— Вы знаете, — смущенно произнес он, — я ведь совсем не пью, можно я только поем?

— Ну нет, — сказал Николай, — мы ведь договорились, я почти все деньги на водку потратил, а еда — она не просто еда, а закуска.

В результате бедному охотоведу больше месяца пришлось питаться моржатиной, которую егерь Ульвелькот заготовил на корм собакам и в качестве приманки для отлова песцов. Так и не поняв до конца сущности северного братства, вскоре он уехал с острова.

Бывали с Николаем случаи и трагикомические. Однажды он мне на полном серьезе обмолвился, что его укусил белый медведь. Я свалился от смеха, а Винклер, похоже, всерьез обиделся. Примечательно было, что на теле у него не было никаких следов от укуса. Кроме того, можно было только догадываться, какой кусок мог выхватить зубами этот самый крупный на планете хищник!

— Ну, это был не совсем взрослый медведь, — обиженно поправился Николай. — Скорее, небольшой медвежонок; они хоть и маленькие, но кусаются зверски!

По его рассказу, дело обстояло следующим образом.

На острове была обнаружена умершей белая медведица, а рядом с ней родившийся медвежонок. Надо отметить, что природа всегда мудра. Белые медвежата рождаются совсем маленькие, примерно с ладонь человека, в берлоге питаются исключительно жирным молоком матери и быстро прибавляют в весе. Если бы они появлялись на свет большими, то слопали бы мать за милую душу. А так они к моменту выхода из берлоги вырастают ростом с небольшую собачонку и разительно напоминают игрушечных медвежат. Очень любопытные, непоседливые и шаловливые, впрочем, как и все

детишки. Кстати, очень любят кататься со снежных горок, но увлекаются и ловят за это от суровой мамы увесистые шлепки и подзатыльники.

Далее медведица с медвежонком, реже двумя, целеустремленно двигается к морю и там, добыв первую в этом году нерпу, оправляется после зимней вынужденной голодовки.

...С умершей медведицы сняли шкуру, а медвежонка взял с собой Винклер, чтобы затем отправить его с самолетом в Москву, в зоопарк. Дома у него медвежонок быстро освоился, пристрастился к сгущенке, благо продавали ее тогда в трехлитровых жестяных банках, и сладко спал вместе с хозяином в одной кровати.

Однажды утром Николай проснулся от грохота посуды на кухне. Вышел и обнаружил там маленького разбойника, который с упоением лопал сгущенку прямо из банки, разбросав по столу остальную посуду. Коля отнял у него вожделенную банку, поставил ее на полку, чтобы тот не достал, дал медвежонку подзатыльник и повернулся к нему спиной. В этом и была его главная ошибка. Обиженный медвежонок бросился на него и вцепился зубами в хозяйский зад. Николай не помнил, как ему удалось оторвать медвежонка, но отшвырнул его и, закрыв рану рукой, бросился к начальнику аэропорта Паше Гусаку, дом которого стоял рядом.

Тот открыл дверь и, взглянув на почти голого, окровавленного директора заказника, обомлел.

— Николай, что с тобой произошло?

— Ничего особенного, — рявкнул тот, — не видишь что ли, медведь за жопу укусил! Давай водки стакан и посмотри, что там у меня сзади.

Тот быстро повиновался. Оказалось, что медвежонок не полностью выхватил кусок мяса. Он болтался на лоскуте кожи. Недолго думая, Паша кусок мяса вставил обратно,

сверху сильно прижал чистым полотенцем и наложил неуклюжую, но прочную повязку.

Пришлось ему ухаживать за больным Винклером и кормить маленького белого злодея. Медвежонка вскоре отправили в Москву, а кусок мяса прирос через месяц сам собой.

Я бы так и не поверил в эту историю, если бы не увидел у Николая следы укуса на «интересном» месте при совместном посещении бани на полярной станции и если бы ее не подтвердил Паша Гусак.

При всех своих недостатках характера и избытке сыпавшихся на него как из рога изобилия неприятностей Николай был очень добрым, абсолютно беззлобным человеком, готовым всегда услужить и поделиться всем, что имел сам. Но надо было отнестись к нему уважительно и непременно за что-то похвалить. Тогда он из кожи лез, чтобы оправдать доверие и уважительное отношение. И совершал при этом подлинно героические поступки.

Так, однажды он на своей «Лизетте» приехал к нам, по официальной версии — проинспектировать гнездовье белых гусей. По неофициальной — просто в гости, поскольку ему осточертело пребывание в поселке и всякая канцелярщина. Приняли его хорошо. По пути он, как это часто с ним бывало, забыл взять продукты. Немного смущаясь, он отвел меня в сторону и как страшную тайну сообщил, что был вынужден застрелить для еды двух белых гусей, но шкуры и внутренности присолил и привез для научных исследований. Поэтому просит меня записать этих двух гусей в список тех десяти, которые было разрешено отстрелять в научных целях еще в Магадане. Я был поражен такой честностью, поскольку уж директора заказника никто бы не посмел упрекнуть в браконьерстве, тем более в такой сложной ситуации. Но таков был Винклер!

Пробыл он у нас неделю. Поскольку от нас он ехал в поселок Ушаковский, то мы попросили привезти нам два ящика говяжьей тушенки.

Запасы ее у нас неожиданно кончились. А готовить вегетарианские щи из стеклянных банок означало смерть желудкам, поскольку, кроме жуткого вида и вкуса, ничего они не сулили, даже если заправить их сушеной картошкой и морковью. Боцман Хлёсткин впал вначале в тихую задумчивость, а затем начинал проявлять признаки буйства, поскольку хозработами и готовкой пищи занимался именно он. Требовалось срочно искать выход.

А тут, кстати, появился Николай на своей «Лизетте». Он узнал о нашей беде и сказал, что готов нам помочь.

— Коля! Кроме тебя, спасти нас некому. Привези два ящика говяжьей тушенки, а то нас Хлёсткин сожрет вместо мяса. Причем на мясо пустит самого мясного, то есть начальника отряда. Представляешь, что будет в Магадане, если там узнают, что на острове одичавшие ученые слопали начальника отряда! А вернешся, и мы отметим твой день рождения. У нас и подарки уже приготовлены, и начальник сам сухой закон отменит и уж по кружке спирта нальет! Мы же знаем, что ты человек чести, и поэтому на тебя вся надежда.

Так подхалимскими голосами члены отряда прославляли Винклера, как лиса ворону в известной басне Крылова.

И у Коли на самом деле вскружилась голова. Давно замечено, что даже самый умный человек порой не может отличить грубую лесть от дружеских излияний.

— Да, я такой, — отвечал он, — для близких друзей все сделаю, чего бы мне это не стоило. И день рождения мне будет приятно отметить вместе с вами, а не с поселковыми пьяницами!

Наскоро попив чая, Коля взял деньги, вскочил в кабину «Лизетты», сказал, чтобы мы ждали его через неделю и

умчался как ветер. По нашим расчетам, он должен был обернуться дня за три-четыре.

Но через четыре дня его не было, не было и через шесть.

Прошло две недели — его не было. Сотрудники отряда решили, что он в очередной раз загулял в поселке и попросту забыл о нашей просьбе.

Каково же было наше удивление, когда дня через три мы вначале услыхали жуткий рев, а затем примерно через полчаса показалась «Лизетта».

Метрах в десяти от балка вездеход остановился и из кабины выскочил изрядно похудевший Николай.

К его приезду у нас уже был согрет чай со знаменитыми ландориками Хлёсткина, и мы пригласили директора заказника попить с дороги чая с ландориками и сгущенкой.

— Два пошли вы все к такой-то матери вместе с вашей сгущенкой! — взревел Николай. — Я жрать хочу, а сгущенку уберите от греха подальше!

Все оторопели. После того, как его накормили супом и котлетами из оленины, Николай немного оттаял и поведал, чем объясняется его неадекватное поведение. Оказалось, он завершил свои дела в Ушаковском и, купив два ящика тушенки, отправился домой в Звездный; там пробыл недолго, даже не ночевал, и выехал к нам в надежде быстро добраться. И опять не взял с собой продукты. Торопился он по вполне понятным причинам — оканчивался двухнедельный срок и, кроме того, приближался его сорокалетний юбилей, который он хотел отметить вместе с нами, тем более, что в отряде был сухой закон, а тратить деньги на повальную пьянку в поселке ему не хотелось.

Но несчастья на него валились как из рога изобилия. На полпути при переправе через речку Мамонтовую «Лизетта» сдохла. Каким-то образом сорвало шатун, он вылетел

вместе с поршнем, пробив головку блока двигателя, и вездеход стал намертво.

Я всегда удивлялся, почему Николай в кузове «Лизетты» возит с собой запчасти на половину вездехода. Оказалось, что делает он это не случайно! Вообще, то, что он совершил, равносильно подвигу. В одиночку снял двигатель, разобрал его, починил, поставил на место и приехал.

На реанимацию вездехода затратил примерно трое суток, причем почти не спал, поскольку помнил о сроке. Самое интересное, что когда проголодался, решил поесть тушенки и вскрыл ящики, но в них оказалась сгущенное молоко. В результате злодейских действий продавцов из Ушаковского он, как грудной младенец, трое суток питался одним молоком, запивая его водой из речки. Поэтому вполне понятна его реакция, когда мы предложили поесть сгущенки сразу после приезда. Кстати, после того случая мне не доводилось ни разу видеть Николая, употребляющего сгущенное молоко.

Его юбилей мы отметили классно. Испекли большой торт со свечами и надписью из крема, надарили юбиляру массу полезных и приятных для мужчины вещей, пели песни и вообще веселились от души.

В заключение Николай сказал, что у него ни разу не было такого хорошего дня рождения, а мы пообещали ему, что уж на 50-летие обязательно будем у него и отметим его праздник еще веселее.

Правда, однажды он отмечал день рождения в Ушаковском на полярной станции (попросту, «полярке», как ее обычно называли), хотя народу там было довольно много, и по пьянке пообещал испечь на всю толпу торт, но оговорился, что ему нужен помощник. Когда он протрезвел и ему напомнили о его обещании, Коля схватился за голову. Но не признаваться же в том, что торты он только ел!

Делать нечего, «назвался груздем — полезай в кузов». Коля потребовал выделить себе помощника и ушел на камбуз. По пути он мучительно вспоминал, из чего вообще состоят торты. Конечно, мука, масло, соль, сахар, возможно, яйца, может быть, молоко. Все это надо перемешивать и ставить в печку. Так он и поступил. Причем делал все по наитию, на глазок. По его команде помощник находил ингредиент и сыпал в здоровенную кастрюлю, пока не звучала команда — «Хватит!».

Молоко изготовили, разведя сухой порошок; так же поступили и с яичным порошком, добавили еще уксуса, соды и зачем-то дрожжей и сухого изюма. Всю получившуюся массу тщательно перемешали, вывалили на нагретую громадную сковороду и запихали в печь.

После того как эта масса испеклась, ее вынули, аккуратно срезали верх, залили сверху и по бокам вареными сгущенными сливками и кофе, перемешанными с чистым снегом, а под конец полили коньяком. Да еще украсили дольками яблок и груш из консервированных компотов. Назвали это произведение «Полярный торт».

Я не знаю почему, но торт слопали с удовольствием, даже женщины хвалили и рецепт требовали. Наверное, или много выпили до этого, или меня пожалели. Лично я к нему и не притронулся, все ждал, что меня отлупят. Но ничего, обошлось.

...К великому сожалению, как это часто бывает, время нас жестко поправило. Образовался заповедник, директором был назначен другой человек, Николай уехал с острова, и следы его затерялись.

Перед отъездом он в припадке великодушия подарил нам отличный балок, сделанный из восьмислойной бакелитовой авиационной фанеры, с окнами в виде иллюминаторов и утепленный проложенной между наружной и внутренней

стенками стекловатой. Правда, при этом он умудрился после нашего отъезда сменять его у военных на новый стационарный дизельный двигатель и одновременно продать Провиденской гидробазе, но это уже отдельная история.

Начавшаяся перестройка дополнительно перетасовала человеческие судьбы. Но до сих пор Винклер вспоминается мне и моим друзьям как одна из самых колоритных личностей острова, с кем пришлось не только встретиться и поработать, но и по-настоящему подружиться.

Ульвелькот

Этот абориген, на мой взгляд, был одним из наиболее характерных личностей острова Врангеля. Небольшого роста, сухощавый, подвижный, со слегка хитроватым выражением черных глаз на прокопченном солнцем, покрытым сетью морщин лице, он являлся настоящим представителем своего северного малочисленного народа.

Знакомство с ним произошло в довольно необычной ситуации.

Несколько дней тому назад мы с трудом добрались до острова, пережили небольшую весеннюю пургу, и нашему немногочисленному полевому отряду было необходимо как можно быстрее попасть на уникальное гнездовье белых гусей, которое располагалось почти в центре острова, ближе к северу. Двоим из отряда, мужу с женой, надо было добраться до мыса Уэринг, который являлся крайней восточной точкой острова.

Ранним солнечным утром я сидел на крыльце дома, отведенного под биологический стационар для зоологов из магаданского института, в маленьком поселке с гордым названием «Звездный», и задумчиво курил. Задуматься было от чего.

Чтобы попасть к месту наших исследований, нужен был трактор с «пеной».

«Пена» — это большое железное корыто, иногда просто здоровенный кусок железа, который волочит за собой трактор с одинаковым успехом по снегу, камням или заболоченной тундре. На «пене» можно разместить полторы-две

тонны любого груза: уголь, бочки, ящики или людей. Можно и все вместе. Придумано просто и здорово.

Трактор-болотник своими широкими гусеницами не так рвет гусеницами тундру, как вездеход, кроме того, «пена» немного заглаживает тракторный след. В результате хоть как-то соблюдается экология, и можно на весь полевой сезон забросить и людей, и продукты, и оборудование, и бочки с соляркой, которой мы топили печки и заправляли примуса и керогаз.

Двигался трактор медленно и тем самым выматывал душу, но на острове обычно никто и никуда особо не торопился. А то, что на «пене» за поездку можно было пассажирам за время длительного путешествия прикипеть соплями к бортам железного корыта, поскольку в мае морозы стояли нешуточные, не особо волновало тракториста. У него в кабине было тепло.

Были и еще положительные моменты. Не надо гонять туда-сюда вездеход, тем более что собственного транспорта у нас тогда не было и мы «христорадничали» — просили вездеход или у руководителя отделения оленеводческого совхоза «Пионер» Юнака, или у Николая Винклера — директора тамошнего заказника.

Таким образом, проще всего было арендовать трактор и решить одним махом все проблемы. Надо было, правда, помимо самой аренды уговорить тракториста, поскольку не каждый из них знал в совершенстве остров, да и обычно отсутствовало желание в начале мая переться в тундру. Не дай бог, оттепель грянет, снег поплывет и застрянешь. Хорошо, если на несколько дней, а то можно вляпаться и на две недели, пока не сойдет основной снег и не прорежутся реки и ручьи. Эта «романтика» никого особо не прельщала.

Был и еще один важный момент. Я впервые попал на Врангель, впервые выступал в роли начальника отряда и со-

вершенно не знал людей на острове. Для того, чтобы хотя бы узнать, где сейчас находится трактор, надо находиться в поселке Ушаковский. Этот главный административный центр острова размещался примерно в пятидесяти километрах от Звездного. Идти пешком туда не хотелось, а вездеход Николая Винклера, носящий нежное имя «Лизетта», то ли был сломан, то ли сам Винклер по каким-то своим причинам не хотел появляться в Ушаковском. Может, мешала и обыкновенная лень, в которой Коля обычно пребывал.

Мне он понравился, поскольку совершенно не корчил из себя большого начальника, и мы с ним быстро перешли на «ты». Темы для обсуждения были разные, но как только я заводил разговор о поездке, то он сразу же убегал на огромную помойку и с загадочным видом копался там, как старатель.

— Коля, что ты там все выискиваешь? — однажды не выдержал я.

— Запчасти для «Лизетты», — ответил он.

— А это что, склад, замаскированный специально под помойку, чтобы американцы не пронюхали?

— Нет, — гордо ответил Николай, — но если как следует в ней покопаться, то можно еще две «Лизетты» собрать, а может, и на космический корабль хватит. А запчасти для вездехода мне уже третий год только обещают.

Ну что на это можно было ответить? Или расхохотаться, или взять шанцевый инструмент и помочь несчастному директору заказника в его раскопках, что я и делал, надеясь, что доконаю Колю, а он все-таки реанимирует «Лизетту», поборет свою лень и отвезет меня в Ушаковский.

...Так я и сидел на крыльце дома в позе роденовского Мыслителя, пока меня не привлек какой-то шум, который доносился из соседнего дома.

— Что это людям не спится? — только подумал я, как двери этого дома с треском распахнулись. Оттуда вылетела

какая-то женщина, по виду чукчанка. Выглядела она более чем странно: волосы на голове были всклокочены, в них торчали перья и щепки, шея — цвета кирзового сапога, лицо испещрено морщинами, через которые проглядывала татуировка, губы накрашены ядовито-фиолетовой помадой. Одета она была в длинное, темно-зеленого цвета тяжелое платье, похоже, из бархата. Промчавшись по ступенькам крыльца и несколько отбежав от дома, она согнулась в поясе и, показывая одной рукой на дом, а другой, придерживая поясницу, разразилась отборной руганью на русском языке.

Следом за ней выкатился мертвецки пьяный сравнительно молодой чукча, которого буквально пинками подбадривал пожилой абориген, по всей видимости, хозяин.

— Сука! — кричала пронзительным голосом чукчанка, — Ты зачем моего мужа обижаешь?

Молодой мужик даже и не пытался отвечать. Слабо защищаясь от града пинков, которыми его одаривал «гостеприимный хозяин», он просто скатился со ступенек крыльца и затих.

У меня от этого представления даже сигарета из рук вывалилась.

— Братцы, да вы же его совсем убьете! — крикнул я.

— А, ничего, не подохнет, — спокойно ответил пожилой чукча, задумчиво посмотрел на лежащего без признаков жизни мужика, почесал голову и не спеша пошел обратно в дом.

Следом за ним, также внезапно успокоившись, двинулась и «дама» в вечернем платье.

Я не стал больше вмешиваться и побежал к директору заказника. Коля сидел на кухне перед раскрытой банкой тушенки и задумчиво в ней ковырялся столовой ложкой. Окно его кухни выходило как раз на дом, где разыгрались недавние события.

— Коля, ты видел? Что это было? — спросил я.

— А ничего, просто Ульвелькот с женой, видимо, слегка со своим родственником повздорили, — спокойно ответил тот.

— Ничего себе, «слегка повздорили», — изумился я, — Ведь они его вроде как убили!

— Ну, уж прям и убили. Ульвелькот его немного попинал ногами, а на них торбаса, а не кованые сапоги. Так что волноваться нечего, отлежится, а к вечеру все помирятся. И нечего к ним лезть, все равно ничего не поймешь, кто прав, а кто виноват. Тем более, Ульвелькот — мой работник, егерь, который остров лучше всех знает. А его личная жизнь меня не касается. Давай ставь чайник, попьем чаю, потом сходим к Ульвелькоту в гости, и я тебя с ним познакомлю. Можешь спирту взять для знакомства, но совсем чуть-чуть, тем более что сегодня «Лизетту» я обязательно починю и завтра поедем в Ушаковский.

Его слова меня вдохновили, я поставил и вскипятил воду, заварил чай и накрыл стол. Коля в это время курил и с большим одобрением наблюдал за моими действиями.

Примерно полчаса мы с ним провели за чаепитием, потом я починил ему примус «Шмель», который работал с перебоями, а он рассказал, что родом с Подмосковья, там у него живет старенькая мама, у которой он один остался. Раз в два года он едет к ней и как хороший сын хлопочет весь отпуск, чтобы маме в доме жилось уютно и хорошо. Только вот она все время ругает его за то, что он не женится, а ей нужны внуки. Но женщины сейчас пошли меркантильные и подлые, подлавливают доверчивых северян, обирают их, а иногда и в тюрьму упрятывают, чтобы окончательно у них все отобрать. Но он — мужчина самостоятельный, все их уловки чует и поэтому не женится. Да и какая дура поедет на Север, где дикий холод, постоянные ветра да еще полярная ночь в придачу. Поэтому он лучше доживет здесь до пенсии,

а потом вернется в свое родное Подмосковье к маме. Тогда, может быть, и женится.

Я сбегал к себе, налил полбутылки спирта, зашел к Коле, и мы пошли в гости к Ульвелькоту. Его родственник к тому времени таинственным образом испарился.

Ульвелкот встретил нас с достоинством. Казалось, он непостижимым образом догадался, что к нему придут гости.

Он сидел в новой клетчатой рубашке за столом, чисто выбритый, с трубкой в зубах, и с интересом читал газету двухмесячной давности. Его супруга хлопотала на кухне. На столе все было приготовлено для чая. Обычный северный набор: сгущенка, сахар, галеты и сливочное масло.

Мы познакомились; оказалось, зовут его Иван Петрович. Я передал ему спирт. Он оживился, тут же утащил бутылку и через некоторое время вернул ее полной, уже с разведенным спиртом, и торжественно водрузил на середину стола. Затем позвал супругу. Она несколько жеманно протянула мне руку и коротко отрекомендовалась: «Клява».

— Клава? — переспросил я, думая, что это чукотское произношение русского имени.

— Нет, Клява, — поправил Ульвелькот, — Это ее чукотское имя.

Мы выпили по рюмочке за знакомство.

— Спасибо, больше я пить не буду, — сказал я, — У нас в отряде вообще-то сухой закон.

— Очень хорошо, водка — отрава! — коротко сказал хозяин дома, и бутылка, как в цирке, исчезла со стола. Лишь у Коли я заметил некоторую тоску во взоре. Вскоре он встал, буркнул, что ему пора идти к «Лизетте», и ушел. Исчезла куда-то и Клява.

— Ну что, понравилась тебе моя бабушка? — лукаво прищуриваясь, спросил Ульвелькот.

Я ошалело на него уставился, не зная, что и ответить. С одной стороны, как может понравиться такое «чудо в перьях»? С другой стороны, правду ведь не скажешь, поскольку хозяина обидишь.

— Многие думают ее у меня отбить, но боятся: я ужас какой ревнивый, — продолжил он, также лукаво глядя на меня.

— Иван Петрович, ведь я женат, — заметил я, —жену свою люблю, думаю, что я хороший семьянин, такой же, как и ты.

Похоже, этот ответ его удовлетворил, и к теме межполовых отношений мы больше не возвращались. Ульвелькот много интересного рассказал об острове. Оказалось, что он достаточно грамотный человек, даже одно время работал радистом, но там работа сидячая, а ему по душе больше ходить по тундре. Поэтому он работает егерем. И все бы ничего, но зарплата маленькая, а у него еще две дочки. Кроме того, еще и каждый месяц штраф выплачивает как злостный браконьер.

— Как это? — изумился я.

— Да белого медведя застрелил, — коротко заметил Ульвелькот.

Оказалось, что на острове каждый год добывают несколько моржей. Мясо их идет в пищу чукчам и эскимосам, на корм собачьим упряжкам и как приманка для песцов, на которых разрешена зимой охота.

Вот прошлой осенью для Ульвелкота привезли моржатины и свалили около дома. Он вышел с топором и стал разрубать его на куски, чтобы можно было складировать. Льды в это время течением прибило к берегу. На запах свежего мяса с моря пришел белый медведь и начал разрубленные куски трудолюбиво перетаскивать на льдину. Конечно, Ульвелькоту это не очень понравилось. Он и кричал на медведя,

и стучал топором по железной бочке, но тот свой грабеж не прекратил. Тогда возмущенный Ульвелькот вынес карабин и стал стрелять, вначале в воздух. Медведя и это не впечатлило. В результате пришлось его застрелить.

Так получилось, что в поселке Ульвелькот был один с женой и дочками. Остальные немногочисленные жители уехали в поселок Ушаковский праздновать 7 ноября. Медведь то ли утонул, то ли его на льдине отнесло в море. Так что можно было этот случай спокойно скрыть. Но Ульвелькот рассказал все честно директору заказника, тот доложил руководству. В результате завели дело и присудили выплатить немалый штраф, который он выплачивает сейчас ежемесячно частями, и будет платить еще года два с половиной.

Эта история меня потрясла. Но Ульвелькот рассказывал ее с невозмутимым видом, будто она его и не касалась.

— Ты приходи завтра, — сказал он на прощанье. — Должен вездеход из Ушаковского подъехать, дочек мне привезет. Тогда с Николаичем, — так он уважительно величал Колю Винклера, — на двух вездеходах поедете в Ушаковский, а то его «Лизетта» старенькая, может в пути подохнуть!

...Утро я безбожно проспал. А когда проснулся, пошел к Ульвелькоту. Оказалось, вчерашняя история с его племянником имела весьма неприятное продолжение.

Войдя в дом, я увидел, что Ульвелькот сидит голый рядом с кроватью на полу, а на голове у него, как тюрбан, намотана окровавленная простыня.

— Иван Петрович, что произошло? — спросил я в полном обалдении.

— Да сам не знаю, что, — ответил тот. — Лежу, сплю, тут приходит племянник и давай меня будить. А я немного выпил и не хочу просыпаться. Вот он ждал, ждал, потом взял табуретку, да как даст мне по башке, и ушел. И на хрена мне такие родственники!

Я помог ему перевязать голову, хотя комизм и трагизм ситуации заставлял еле сдерживать душивший меня смех, и пошел к себе.

Мне, как оказалось, также не повезло. Коля, видимо презирая меня за необдуманно провозглашенный «сухой закон», уехал в Ушаковское ночью, не удосужившись меня предупредить. Зато на следующий день пришел поселковый вездеход и привез Ульвелькоту дочек. Я, когда их увидел, остолбенел. Они, особенно старшая, были в том возрасте, который ушлые американцы называют «возраст дьявола». Это когда юная девушка выглядит, как только начавшая распускаться роза, и сама еще не осознает колдовской силы своей красоты. Стройные, со сверкающими черными глазами, ослепительно белыми зубами, персиковым цветом лица — глаз невозможно оторвать — девчонки были чудо как хороши!

Одно мне было непонятно: они разительно отличались от своей матери. Я спустя некоторое время очень осторожно поинтересовался у Ульвелькота, почему так произошло.

— Все очень просто, — ответил он, весьма польщенный впечатлением, которое на меня произвели его дочери, — у них мать не Клява, а моя первая жена.

— А куда она подевалась? — не отставал от него я.

— А подохла, — коротко ответил он.

Надо сказать, что к смерти чукчи, по крайней мере те, которых знал я, относятся философски, с некоторым оттенком фатализма. Но об этом позже.

— Как подохла, отчего?

— Да мы поругались с ней немного, вот она и подохла.

— Помилуй, Иван Петрович, да от этого ни одна баба еще не подохла, и, на мой взгляд, ругаться — это их любимое занятие!

— Да я ей еще ногу отрубил, вот она и подохла!

Этот аргумент надолго заставил меня замолчать.

— Ну, и что было потом? — спустя некоторое время спросил я.

— Да посадили меня, отсидел я немного, потом отпустили, — был ответ.

— А почему?

— Да я «чайником» притворился. Сделал вид, что ничего не понимаю по-русски, а переводчиков в лагере не было. Вот начальство и решило: все равно на Врангеле я как в ссылке и нечего на меня государственные деньги переводить. Короче, ушел на условно-досрочное освобождение, вернулся на остров и женился на Кляве. Так и живем!

После нашего знакомства мы подружились. Каждую весну я заходил к Ульвелькоту, взяв с собою бутылку спирта, которую он тут же разливал пополам, одну половину прятал от Клявы, а другую доливал водой, убирал в шкаф и, хитро улыбаясь, говорил, что женщинам пить много нельзя, от водки они совсем дурные становятся и только ругаются шибко сильно.

Я с ним до сих пор согласен, с одной поправкой —выпивать им вообще нельзя, поскольку нет более отвратительного зрелища, чем пьяная женщина. Да и курящая тоже. Понятно, когда курит трубку старая цыганка или индейская скво, но когда видишь за таким занятием молодую девчонку или юную женщину, то хочется дать ей подзатыльник и вымыть рот с мылом.

Потом мы долго пили с ним чай, он рассказывал все островные новости, и мы расставались до осени.

В год моего последнего пребывания на острове, когда вместо заказника там был уже заповедник, до меня дошли слухи, что Ульвелькот летом ведет себя странно: дома почти

не бывает, а уходит с запасом продуктов в тундру, возвращается примерно через две недели и после короткого отдыха опять уходит. Руководство заповедника не возражало, поскольку он остался при должности, вел фенологические наблюдения и порой много сообщал интересного о животном мире в глухих местах острова.

Причину такого поведения я узнал, когда зашел к нему попрощаться перед окончательным отъездом. Клявы дома не было.

— Ну, все, Иван Петрович, давай прощаться, теперь я уеду и вряд ли когда появлюсь, — вынимая традиционную бутылку со спиртом, сказал я.

— Погоди, — загадочно улыбаясь, ответил он.

После этого встал, запер дверь изнутри и задернул занавески на окнах.

— Все думают, что Ульвелькот бедный, а он, может, самый богатый на острове, богаче самого Акуленкова (председатель поселкового совета поселка Ушаковский в то время). Вот скажи, ты богатый или нет?

— Нет, конечно, какой я богатый. Зарплата у меня маленькая, зато есть жена, дети и друзья — вот это и все мое богатство, — ответил искренне я.

— Ты хороший человек и мой друг, — сказал Ульвелькот, — и я сейчас сделаю тебя богатым!

С этими словами он поставил на стол два увесистых холщовых мешочка.

— Бери, один из них твой!

— А что в них? — спросил я.

— Золото, — тихо сказал Ульвелькот. — Я его в прошлом году нашел в хрустальной жиле, а в этом году все лето собирал.

«Неужто в самом деле металл, — подумал я, —это же чистая уголовщина!» В то время могли припаять срок, если бы обнаружили дома образец с несколькими граммами зо-

лота. А тут в двух мешочках не менее полутора-двух килограммов!

Я развязал один из мешочков, и у меня отлегло от сердца. В нем лежали необычайно крупные золотистого цвета кристаллы пирита (сульфида железа). Его часто непрофессионалы путают с золотом из-за желтого цвета.

Но надо было как-то выходить из сложной ситуации. С одной стороны, не хотелось обижать Ульвелькота и говорить ему, что это не золото. Но и брать с собой весь мешочек тоже нельзя.

Я задумался и, на мой взгляд, нашел достойный выход.

— Спасибо от всей души, друг, я не могу принять такой дорогой подарок. У тебя семья, дочки, родственники и на острове, и в поселке Ванкарем, зарплата маленькая — пусть будет запас на черный день. А в знак нашей дружбы, если можно, я возьму немного на память. А деньги только портят дружбу. Я молодой, здоровый, еще заработаю!

С этими словами я отложил несколько красивых кристаллов.

— Ну, как знаешь, — сказал Ульвелькот.

Было видно, что он оценил мой поступок.

Мешочки с «золотом» он куда-то унес и, видимо, надежно припрятал.

Мы попили с ним чай, обнялись и расстались.

Лишь спустя несколько лет я узнал, что он умер и похоронен на высокой сопке недалеко от поселка, где прожил жизнь, и что сопку назвали его именем. Дочки его уехали и работают в районном центре. О судьбе Клявы сведений не было. Лишь в конце 2006 года Никита Овсянников, сотрудник заповедника, сообщил мне, что ее тоже нет в живых.

У меня Иван Петрович Ульвелькот навсегда остался в памяти как мудрый, немного лукавый, с мягким юмором, один из старожилов и настоящих знатоков острова Врангеля, человек с открытым сердцем и бескорыстной душой.

Кто на острове хозяин?

Странное дело, но почти каждого, кто впервые попал на остров, начинал рано или поздно волновать именно этот вопрос. По сути, хозяев на острове было несколько.

Первый — это председатель поселкового совета поселка Ушаковский — Акуленков. Он являлся законным представителем Советской власти.

Второй — зав. отделением совхоза «Пионер» — Юнак. У него были в подчинении пастухи-оленеводы, которые пасли стада оленей, численность которых не знал никто, но никто в этом не признавался.

Третий — директор заказника «Остров Врангеля» — Винклер. У него в подчинении находились егеря и фактически целый поселок — Звездный.

В число претендентов мог входить и заведующий торгово-заготовительным пунктом (ТЗП). Он также обладал определенной властью, поскольку в его ведении находились запасы продовольствия и, что особенно важно, спиртного.

Оставались еще военные и полярная метеостанция, которые также могли претендовать на первенство, но, похоже, к этому особо не стремились, по крайней мере, от них таких претензий не поступало ни в трезвом, ни в ином виде.

Не избежал обсуждения этого вопроса и наш отряд. Как-то вечером, разомлев после ужина и нескольких кружек чая, вольготно растянувшись поверх спальных мешков, мы стали рассуждать об оторванности острова от материка и о том, что ему нужен настоящий хозяин — то есть крутой начальник. Безусловно, только он мог бы навести настоящий

порядок хотя бы на этом клочке суши, в отличие от того, что творится на большой земле. Но вот кто?

— Для начала надо захватить средства связи, склонить на нашу сторону военных, объявить суверенитет и обратиться за помощью к международной общественности, — заявил диссидентски настроенный Москвич.

— Конечно, под международной общественностью надо понимать США с его шестым флотом, — ехидно заметил я. — Американцы тут же направят свой шестой флот в защиту демократии и разразится очередной кризис, только не карибский, а чукотский! Кроме того, опять встает вопрос, а кто будет обращаться? Не группа же товарищей. Значит должен быть премьер-министр или президент. Но их надо избирать, а как, если мы даже не знаем, какая у нас будет форма правления. Кроме того, долгая процедура выборов, всякие демократические слюни, в то время как промедление смерти подобно!

— Значит, нужен диктатор, а он у нас уже есть, —подал голос Валентин. — И нечего голову ломать. Командует же он нашим полевым отрядом, будет командовать и островом!

— Хорошо, — как-то подозрительно быстро согласился Москвич, — тогда пусть я буду министром обороны, Валентин — министром по делам промышленности, поставок и торговли, Никита — министром культуры, пропаганды и связи с общественностью.

— А я? — подал голос студент-практикант Хлебосолов.

— А ты — министр по социальным вопросам, связям с молодежью, особенно с женской ее частью. Тут тебе и карты в руки, ведь ты самый молодой!

— А что будет делать конкретно министр обороны? — полюбопытствовал я.

— Как что? — сказал Москвич. — Укреплять оборону острова и готовить военный переворот с целью свержения

диктатора острова. Так всегда бывает, народ доволен, международная общественность ликует, на остров дождем льются новые инвестиции и кредиты. Можно лет пять-десять безбедно существовать, а затем сбежать в Швейцарию, поближе к украденным деньгам, не дожидаясь нового переворота.

— Вот ведь подлец, как все красиво распланировал, — в сердцах сплюнул Валентин. — Недаром москвичей в России так народ не любит. Обязательно нагреют тебя, как бы сладко не пели!

— Да, видимо, эта проблема не только нас на острове поставила в тупик. Скорее всего, заниматься ею не стоит. Хлопот много, а развязка наступит быстро, и мявкнуть не успеете. Короче, надо пока навести порядок вначале у себя дома, то есть, в отряде. Слушай все сюда! Поскольку у нас команда небольшая, а начальник отряда я, то пусть будет все как на корабле. Я — Капитан. Валентин Хлёсткин — Боцман, отвечает за все продовольственно-хозяйственное обеспечение и, поскольку самый опытный полевик, лично проверяет всех, кто уходит в маршруты, особенно дальние. Все его указания по этой части выполнять как мои. Никита Вронский — Матрос, слушает во всем Боцмана и первый ему помощник. Москвич будет первым замом капитана в его отсутствие, но по хозяйственной части все равно подчиняется Боцману.

— А в его присутствие буду представлять официальную оппозицию действиям Капитана, — не преминул опять проявить свою бунтарскую сущность тот.

— Проявляй на здоровье, но конструктивную, и чтобы не развращал мне команду, особенно молодежь, — подвел итог я.

Странно, но такая форма правления, хотя и была принята в виде шутки, всем понравилась и прижилась на годы. Сегодня, когда члены команды постарели, стали весьма солидными людьми, но по-прежнему с большой теплотой

На острове Врангеля

Фото Н. Вронского, Е. Хлебосолова и И. Дорогого

Капитан — Евгений Сычёв — с птенцом кулика-камнешарки

Москвич

Боцман — Валентин Хлёсткин — мастерит загон для белых гусей

Боцман один на один с древностью

Матрос — Никита Вронский — в день своего 30-летия на вершине горы Советская

Юнга — Женя Хлебосолов

Хижина орнитологов на гнездовье белых гусей под пиком Тундровый

Врангелевский холодильник

Юнга с останками северных оленей

встречаются друг с другом и откликаются на звания, полученные на Врангеле. Некоторые даже получили повышение по службе. Так, Матрос Никита Вронский в августе 2006 года был удостоен звания Боцмана, чему был искренне рад, так же как и его семья.

А у острова хозяин вскоре определился. Им стал директор созданного заповедника с одноименным названием. Но это уже совсем другая история.

Юнга Хлебосолов

Поскольку полевой отряд имел Капитана, его первого помощника, Боцмана и Матроса, то не хватало только Юнги. Он не замедлил появиться. Им стал студент-охотовед Евгений Хлебосолов. Крепкий, плотного сложения парень, он приехал набирать материал для своей дипломной работы и как-то сразу органично влился в команду. Доброжелательный, трудолюбивый, с постоянной улыбкой, он как никто другой подходил под определение Юнги.

Конечно, всем не терпелось его воспитывать. Но Юнга правильно выбрал нужные ориентиры и сразу же прилепился к Боцману Хлёсткину. Он внимательно выполнял все его указания, старался проявлять разумную инициативу и тем самым постепенно завоевал его сердце. Хотя, конечно, не обходилось без курьезов. Так, однажды утром, перед тем как надо было на вездеходе выехать к северному побережью острова, Юнга вконец истерзал Боцмана. Ему взбрело в голову отведать утренней дозы чифира Валентина, и он пристал к нему с этой нелепой просьбой как репей к собачьему хвосту.

Наконец, после долгих уговоров, что это напиток не для младенцев, что неизвестно, чем этот эксперимент закончится, и какие последствия будут для молодого растущего организма, Хлёсткин сдался. Пили они чифир вместе и тайно от остальной команды.

Когда садились в кузов вездехода, Валентин выглядел как обычно, деловым и обстоятельным. А у Юнги подозрительно блестели глаза. Заметил этот факт только Москвич.

— А что это у нас Юнга радостный такой? — спросил он задумчиво. — Он что, думает, нас фрегат на побережье ждет? Так там ничего, кроме мутного моря и заиленного дна, нет. Я однажды бродил в тех местах, так чуть с тоски не повесился, благо ни деревьев, ни, тем более, мачт там нет!

— Было бы кого повесить, а уж как и на чем — об этом не беспокойся, — мрачно заметил Капитан.

— Ну почему я уродился такой несчастный, — продолжал развивать тему Москвич. — Вот скажите, кого из вас били по голове палкой сухой колбасы?

— Небось, салями, — мечтательно заметил Матрос.

— Совершенно верно, притом настоящей финской!

— Везет же людям, — заметил Капитан, — я бы ее на лету всю изгрыз!

— Видимо, поэтому таких людей бьют по башке не салями, а колом или ломом, — глубокомысленно заметил Боцман.

— Совершенно с тобой, Валя, согласен, — тут же поддакнул Москвич. — О таких людях еще Тихонов писал, что «гвозди бы делать из этих людей, не было крепче бы в мире гвоздей». А я бы добавил, что об их головы можно было бы затем гвозди и выпрямлять. Представляешь, какая была бы польза народному хозяйству!

Команда расселась, и вездеход покатился по направлению к морю. Рядом с вездеходчиком, на своем законном месте, сидел Капитан. Остальные тряслись в кузове. Картина, расстилавшаяся у них перед глазами, не радовала своим разнообразием. Некое подобие дороги, проходившей в основном по пересохшему руслу реки, унылая пожелтевшая тундра с редкими зелеными островками растительности над песцовыми норами — вот, пожалуй, и весь осенний пейзаж. И, как назло, никакой живности. От этого однообразия и монотонности клонило в сон. Но отсутствие комфорта в ка-

бине рыскающего из стороны в сторону вездехода к нему отнюдь не располагало.

— А это еще что за явление Христа народу? — вскричал вдруг вездеходчик Дима.

Капитан очнулся от полудремы и увидел впереди вездехода бегущего Юнгу. «Совсем юноша свихнулся, — подумал он. — Но ничего, пусть побегает, наверное, совсем ошалел от болтанки в кузове».

Меж тем Юнга взял хороший темп и отбежал от вездехода на приличное расстояние. Затем стал бежать медленнее, постепенно перешел на шаг и под конец лег. Когда вездеход подошел к нему вплотную, то он мирно спал как дитя, подложив кулак под голову вместо подушки.

Все высыпались из вездехода как горох и молча окружили спящего.

— Ну, и как прикажете это понимать? — спросил Капитан. — Давай, ты колись первый.

— А что я? — возмутился Москвич. — Мое дело — сторона. Я вообще с ним сегодня не общался. Что глазки у него подозрительно блестели, это было, но спиртным не пахло. Да и кто ему даст, он в основном сгущенкой питается, которой Боцман его откармливает вместе с ландориками. Может, утром он ими просто обожрался. Отсюда и такая необычная реакция.

— С тобой все ясно, от твоих речей любой следователь может застрелиться; давай теперь ты, Валентин. Не наркотиков же он, в конце концов, нажрался, этого только нам и не хватало для полного счастья в начале полевого сезона!

— Ну, наркотиков, не наркотиков, а немного вроде того, — промолвил, уткнувши взор в землю, красный как рак Боцман.

— Чего?! — взревел Капитан. — И что ты ему дал, старый ты хрен?

— Да ничего страшного, чифирнул он со мной немного утром. Прилип как банный лист к голой жопе, дай и дай попробовать! Откуда я знал, что он такие фортеля будет выкидывать? Ехали мы мирно, беседовали, а затем он вдруг говорит, что, мол, слишком медленно едем, перемахнул через борт и умчался как ветер. Знал бы я, что так получится, дал бы ему не чифиру, а по морде, и вся недолга!

— Ладно, грузите тело в вездеход и поехали дальше. Случай не смертельный, но с Боцманом разговор у меня еще впереди!

Юнгу погрузили в кузов, и вездеход двинулся дальше. Через некоторое время неудавшийся чифирист проснулся.

— И что это со мной было? — изумленно окидывая всех взглядом, промолвил он.

— А то, что из-за тебя Капитан чуть было Боцману морду не отполировал, — ответил ему с явным удовольствием Москвич. — Но ты особо не горюй, твоя награда за потребление чифира не заставит себя долго ждать.

— А что, Валя, кто нас сдал? — поинтересовался неугомонный юноша.

— Я сам и раскололся, — ответил тот. — Который раз убеждаюсь, что скрывай, не скрывай — все равно дерьмо на поверхность выплывет и получишь по полной программе. Прав был папа Мюллер. То, что знают двое, знает и свинья.

Мрачно закурил свою термоядерную папиросу «Север» и надолго замолчал.

После этого случая он уже никого чифирем не угощал, а пил его сам в гордом одиночестве.

Второй раз Юнга отличился в конце полевого сезона. Все работы были свернуты, и отряд в Тундре Академии дожидался вездехода, чтобы выбраться в поселок. Делать было решительно нечего, народ несколько страдал от безделья. По рации кормили обещаниями, а в тундре настал мертвый

сезон. Лишь только песцы иногда устраивали выволочки своим выросшим детишкам, которые по своей глупости полагали, что их папа с мамой будут заботиться о своих чадах всю жизнь. Но вместо пищи натыкались на родительские оскаленные морды и получали приличный треп. Суровые полярные законы диктовали одно — каждый сам за себя!

Да и погода не радовала. С неба все время сыпался дождь вперемежку со снегом. По руслам рек каждое утро лезли холодные туманы такой плотности, что иногда не было возможности увидеть пальцы на собственной вытянутой руке. Настроение в связи с этим упало до нулевой отметки.

Утром Юнга вдруг выглянул из палатки и радостно сообщил, что туман уполз и невдалеке небольшое стадо беспризорных оленей.

— Может быть, я сбегаю с карабином и завалю маленького олешка, а то уже живот бурчит от консервов? — попросил он.

— Черт с ним, пусть проветрится, — буркнул Боцман. — А то совсем все закисли, тошно смотреть.

— Я не против, — отозвался Капитан. — Но куда мясо девать будем, вдруг не сегодня-завтра вездеход нарисуется?

— А по-быстрому все съедим, — включился в обсуждение Матрос Никита.

— Конечно, можно просто поручить это одному Никите, — не преминул заметить, в который уже раз протирая стекла своих очков, Москвич. — При его свехстройной фигуре ему несколько часов хватит, чтобы слопать оленя без посторонней помощи. А мы, так и быть, уж кости обглодаем.

— Ладно, обсудили и хватит. Бери карабин и дуй за оленем. Одна нога здесь — другая там! — решил Капитан. — Тем более ты будущий охотовед, оленей раньше не добывал, пора когда-то и начинать.

Юнга радостно схватил карабин и умчался. Через некоторое время послышались выстрелы.

— Ой, сдается мне, что Юнга оленям устроил вендетту, а не охоту, — сказал Москвич. — Только в толк не возьму, чем они перед ним так провинились?

— «"Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать", — сказал он так и в лес оленя поволок», — несколько перефразировав дедушку Крылова, откликнулся Боцман.

— Ну, коли Боцман заговорил стихами, уж точно жди беды, — вставил Матрос Никита. — Правда, в здешнем лесу не только оленя, но и блоху прежде, чем спрятать, призадумаешься.

— Кончайте каркать, — рявкнул Капитан, — а то и впрямь беду накличете. А тебе, Боцман, не грех бы вспомнить, что означают частые выстрелы. Подними свой зад и сходи посмотри в чем дело. Если все нормально, помоги мальцу разделать тушу и тащите все мясо сюда. Прикапывать нам его незачем, да и некогда.

Вскоре оба, Юнга и Боцман, влезли в командирскую палатку.

— Ну что, завалил олешку? — задал вопрос Москвич.

— Так точно, — ответил Юнга. — Только почему-то убитых оказалось двое.

— Надеемся, что второй — не пастух?

— Да нет, тоже олень.

— И как тебе удалось сотворить сие грязное дело, почему стрелял несколько раз?

— Да я вначале выстрелил, думал — не попал. Прицелился и выстрелил дважды в другого. А им вроде ничего. Идут себе по тундре, как по бульвару. Я прицелился в третьего, смотрю, а те, в которых стрелял раньше, — лежат. Подошел, а они уже не дышат! Тут и Валентин появился.

— Ты бы еще у них пульс померил, — усмехнулся Капитан. — Брюхо хоть вспороли?

— Обижаешь, начальник, — ответил Боцман. — Всё, как учили комсомол и школа. Лежат они недалеко, мы вернулись за топором и брезентом. Сейчас все сделаем и мясо разом приволочем. Через час свеженину будете трескать!

— Ну что ж, чем добру пропадать, пусть лучше пузо лопнет! — подвел итог Капитан. — Сами виноваты, надо было Юнге растолковать, что олень порой на рану не по рангу крепок. Это только в сказках про Робин Гуда они от одной стрелы замертво валятся. А врангелевский олень лосю не уступит.

Мясо этих двух оленей запомнилось отряду надолго. Боцман буквально всех истерзал. Он готовил из него все, только компот не додумался варить. Котлеты жарил на огромной сковороде, причем одна котлета равнялась внутреннему диаметру сковороды и составляла несколько сантиметров толщиной. Если кто-то отказывался от котлеты, ему предлагался здоровенный кусок вареной оленины. А Боцман стоял над каждым, как черт над грешником, и вознаграждал тех, кто ему не перечил, маленьким кусочком хлеба, который неожиданно вдруг стал дефицитом. По этому поводу у него были постоянные препирательства с Матросом, который хлеб за еду просто не считал и мог, задумчиво его отщипывая, незаметно съесть полбуханки, что приводило Валентина в ярость.

— Ты что хлеб лопаешь без меры? Если хочешь жрать, я тебе еще котлету дам, да еще и супу налью!

— Валя, ну что ты на меня напал, ведь хлеб — не еда, я его просто так ем, от нечего делать.

— Вот и лопай оленину, а хлеб я тебе больше не дам.

С этими словами злой Боцман отбирал у него хлеб и уносил в хозяйственную палатку, куда вход был разрешен кроме него только Капитану.

Если бы мне кто сказал, что можно впятером за три дня полностью съесть двух оленей, в жизнь бы не поверил. Теперь точно знаю, что на Севере, а уж тем более на острове Врангеля, возможно все.

Третий раз Юнга отличился, когда отряд возвращался с полевых работ в поселок Ушаковский, чтобы спецрейсом улететь в районный центр — Мыс Шмидта. От поселка Звездный выехали на вездеходе, загруженном под самую крышу. Проехав примерно километров двадцать, остановились на берегу небольшой речки, которую можно было просто перепрыгнуть. На противоположном берегу лежал ничком человек, судя по одежде — местный житель. Он никак не реагировал на грохот подъехавшего вездехода, что выглядело более чем странно.

Капитан выпрыгнул из кабины, перешел речку и подошел к нему. Положил руку на шею. Пульс не прощупывался, тело уже окоченело. Это был дед Нанаун, один из старейших жителей острова. Месяц тому назад его прихватило с сердцем, и он санрейсом был отправлен в районную больницу на Мыс Шмидта. Там его подлечили, выписали, но поскольку погоды в поселке Ушаковском не было, то вертолет выгрузил Нанауна в поселке Звездный. Там он заявил, что пойдет домой пешком. И сколько его не уговаривали, что за ним придет вскоре вездеход, дед, как все старики в его возрасте, уперся и никого не слушал, молчал, курил, как паровоз, хотя врачи ему курить настрого запретили, и замкнулся в себе. Дождался ночи, пока все не уснули (а жил он у своего друга — Ульвелькота), и двинул по дороге в Ушаковский. Хватились его только утром и махнули рукой.

По следам выяснилось следующее. Дойдя до реки, он немного потоптался по берегу, разбежался и прыгнул. Видимо, этот прыжок и был его последним. Старое сердце не выдержало, тем более, никакой еды он с собою не взял.

Стали обсуждать, что делать с трупом. Брать с собой просто некуда и оставлять нельзя, поскольку песцы могут погрызть; уж нос, уши и губы отгрызут и слопают в первую очередь. Решено было ехать в поселок, там сообщить о происшествии властям, а кто-то из отряда должен их дождаться и караулить труп. И тут Юнга выступил с инициативой.

— А чего тут гадать, — сказал он, — я самый молодой, я и покараулю. Только спальник возьму, примус и чего-нибудь почавкать. А вы езжайте, и пускай они вездеход поселковый отправляют поскорее. С ним я и вернусь.

Так и сделали, тем более начинало темнеть. Утром поселковый вездеход отправился в путь. Часов через пять он вернулся с дедом Нанауном и улыбающимся Юнгой.

— Ты что лыбишься? — удивленно спросил Боцман.

— Да так, рад что опять с вами, — ответил так же коротко тот.

Оказалось, что когда утром вездеход подъехал к лежащему Нанауну, то обнаружил крепко прижавшегося к его спине Юнгу, который спал беспробудным сном. Он всю ночь распивал чай и жег крохотный костерок, а с рассветом заснул, тем более что ветер стих и стало пригревать солнышко. Его разморило, он вылез из спальника, привалился к покойнику и мирно уснул.

— Да у юноши стальные нервы, точно дослужится до Капитана! — подвел итог Москвич, когда отряд узнал все подробности. А Боцман в награду выдал храбрецу в награду неизменную банку сгущенки, которую тот тут же слопал вместе с Москвичом.

В итоге за время пребывания в отряде Юнга собрал приличный материал для диплома, успешно его защитил и был принят на работу в академический институт. Впоследствии он стал солидным человеком, доктором биологических наук, покинул Магадан и преподавал в одном из рос-

сийских университетов. По слухам, он побывал за рубежом, причем кидало его от Австралии до Англии. Одно время он довольно серьезно занимался проблемой поиска снежного человека. Думаю, что на страсть к исследованию широкого круга научных проблем в какой-то степени повлияла и его работа на острове Врангеля.

К сожалению, Женя рано ушел из жизни, но в памяти членов отряда он навсегда остался молодым и веселым Юнгой, а у Капитана дома хранится копия его институтской дипломной работы.

Алмазная лихорадка

Тундра на Чукотке в конце июня — это зрелище. Пожалуй, описать его невозможно, надо просто видеть. Сплошной ковер из цветов, незаходящее солнце, непрестанный гомон птиц, гудение здоровенных шмелей и ветер, наполненный таким разнообразием запахов, что кружится голова.

Среди этого буйства северной природы, в резиновых сапогах, в обтрепанном штормовом костюме, с биноклем на груди шел задумчивый человек. По новенькой офицерской сумке в нем легко можно было угадать начальника полевого отряда. А поскольку он был молод, то, учитывая значительность походки и выражение лица, можно было предположить, что стал он им недавно. Он шел, изредка поглядывая на тундру, делая пометки в полевом дневнике, совершенно равнодушный к летнему буйству природы.

И лишь подойдя к изгибу реки, вначале огляделся, затем почему-то стал ходить кругами, несколько раз нагнулся, размял в горсти кусок глины из берегового откоса, затем зачем-то его понюхал, выбросил и быстрым шагом пошел к еле виднеющимся в летнем мареве палаткам.

В базовом лагере он взял лопату и, ни слова не говоря, двинулся обратно. Шел вначале медленно, но затем, когда палатки скрылись за невысоким холмом, увеличил темп и к месту, где он рассматривал обнажение берегового откоса реки, почти подбежал.

Не тратя времени на перекур, он начал копать тундру, аккуратно срезая дерновину и складывая ее кусками. Под дерновиной была глина голубоватого цвета.

Постепенно площадка, освобожденная от растительности, приобрела довольно приличные размеры. Начальник отряда стал копать глину вглубь, изредка нагибаясь и растирая комки глины в руках.

Так продолжалось часа три. Наконец он вылез по ступенькам довольно приличного шурфа, сел на его край и закурил. После этого стал заваливать шурф землей и укладывать на глину дерновину. Закончив работу, спустился к реке, долго мыл там руки, лицо и лопату. Еще раз покурил, выругался, с явным отвращением оглядел место своего недавнего труда и пошел обратно в лагерь.

Было уже поздно, хотя и светло. То, что настала ночь, можно было определить только по стихнувшей тундре. Птицы и звери спали. Даже шмелей не было видно, и часть цветов закрыли лепестки. Хотя по «материковским» понятиям было раннее утро.

В «командирском» балке, как его называли в отряде, не спали. В предбаннике вовсю шумел примус, и было видно, что техник Валентин, который исполнял многочисленные обязанности, в том числе повара и завхоза, носился с огромной сковородой.

«Не спят, ждут гады!»— с внезапной злобой подумал начальник.

Так и оказалось. За столом сидели члены полевого отряда. Кто-то задумчиво курил, двое резались в шахматы, остальные с интересом слушали «вражий голос». Так начальник называл передачи американской радиостанции «Голос Америки». Эти передачи члены отряда пытались слушать регулярно, но начальник запрещал и, чтобы не слыть лютым цербером, находил в отместку свою передачу — радиовещание «Свободной Кореи», где уже второй месяц радовали слушателей подробным изложением биографии великого вождя и солнца нации — непобедимого маршала Ким Ир Сена.

Лишь иногда она прерывалась радостной песней корейских девушек под названием «Нам тепло в объятиях вождя».

От этих передач члены отряда порой давились гомерическим хохотом, но главное — идеологическая обстановка входила в норму.

— Опять эту пакость включили, — хмуро заметил начальник, войдя в балок.

— Так ведь корейцы уже не передают, у них, видимо, денег меньше, чем у Штатов, а наш «Маяк» до нас не достает, — невинно заметил бородатый Москвич, который своими диссидентскими столичными разговорами, по мнению начальника, медленно, но верно развращал отряд.

— Кстати, чай горячий; Валентин решил оленины поджарить с ландориками, — подхалимским голосом продолжал Москвич.

— Дай людям хоть в тишине посидеть, скоро еще выхлопных газов потребуешь, чтобы совсем вашей поганой Москвой здесь запахло, — рявкнул начальник.

Приемник быстро выключили, и настала неловкая тишина.

Ее разрядил Валентин, появившийся как черт из табакерки вместе со сковородой жареной оленины, на которую набросились все, будто их морили голодом не меньше недели. Затем долго пили чай с ландориками. Наконец полевики с умиротворенными лицами отвалились от стола и дружно задымили.

— А куда ты с лопатой так долго ходил? — невинно поинтересовался Москвич.

— Да так, разбрасывают по тундре всякую пакость разные придурки, поганят природу, а ты за ними прибирай, — ответил начальник. — Кстати, и тебе не мешало бы пример показать, бочки раскатал, когда солярку искал, а собирать их на место кто будет, Солженицын?

— Хорошо, — скромно потупил глаза Москвич и вышел вон, хотя в глазах у него заплясали черти.

Вернулся он довольно быстро и почему-то с лопатой.

— Валентин, будь добр, оторви мне кусок миллиметровки, — попросил он.

— Это еще зачем? — буркнул тот. — В Москву, что ли, хочешь ее на память забрать?

Но кусок миллиметровки дал.

Москвич аккуратно положил принесенную лопату на чистый кусок миллиметровки, отстегнул от кармана рубашки булавку и начал что-то выскребать из щели между лезвием лопаты и прилегающим к нему косым срезом деревянной ручки. Все, кроме начальника, обалдело смотрели на это непонятное действо.

— Ага, глинка голубая, похоже, кимберлитовая, — елейным голосом пропел Москвич. — Начальник наш — ох и непростой мужчина — совсем рядом, похоже, трубку нашел, не хуже, чем в Мирном. Только в Якутии алмазы сотни геологов искали, прежде чем обнаружили трубку, а он один хочет стать первооткрывателем. А как насчет пиропов, не обнаружил этих непременных спутников алмазов?

— Ни хрена я там не обнаружил, — обреченным голосом ответил начальник.

— Да, огорчительно, не вышло открытия. Зато не будет шума, не будет искалеченной тундры и толп придурков из Москвы. Которые все быстро к рукам приберут. А уж меня одного как-нибудь стерпите! Кстати, если бы ты прошел вверх по речке метров 150–200, то наверняка обнаружил бы там два небольших котлована. Это я там алмазы копытил в прошлом году. Правда, лопату я отмыл тщательнее, чем ты, хотя по своей природе я лентяй еще тот! Валя, забери лопату и налей, пожалуйста, чаю мне и начальнику, все-таки мы с ним хоть голубую глину нашли, значит, какие-никакие первооткрыватели.

И тут грохнул хохот. Смеялись долго, до слез, до колик в животе. К чести начальника, он ржал громче всех.

С этого момента начальственную спесь с него как ветром сдуло. И хоть он иногда и ворчал, но, в основном, по делу и к месту, поэтому в отряде установилась обычная рабочая обстановка, хотя любимым развлечением оставались дружеские подначки и розыгрыши.

Алмазов на острове мы так и не нашли. А жаль!

Матрос Никита Вронский

Знакомство с Никитой Вронским произошло весьма необычно.

Однажды в разгар полевого сезона в отряд орнитологов пришла телеграмма от директора института. Содержание ее было емким и кратким: «вам летят американцы для работы по совместной программе тчк обеспечить прием и харч».

Как говорят в армии: «Приказ начальника — голос Родины!». Началась капитальная уборка в балке. Собственно, она свелась к минимуму, поскольку вслед за уходящими гусиными выводками отряд собирался в Тундру Академии — северную заболоченную часть острова, где гуси проводили вторую половину лета, выращивая гусят и поглощая траву, как заправские мясорубки. За этот период они пополняли свои энергетические запасы, необходимые для длительного перелета на зимовку в благодатную Калифорнию.

Единственная женщина в отряде — Анна — выразила желание заняться харчем. Все дружно с ней согласились, и она на вездеходе отбыла в поселок Ушаковский. Ее отъезду были рады, поскольку в отряде она смотрелась как белая ворона, требовала к себе особого отношения и вконец доводила членов отряда, особенно начальника, непрофессиональными, а порой и просто нелепыми вопросами.

Через три дня у балка завис и приземлился вертолет. Не дожидаясь остановки винтов, из него выпрыгнуло двое худых мужиков. Один из них, судя по бейсболке и яркой куртке импортного покроя, явно был американец. Второй,

как оказалось, являлся переводчиком и коротко отрекомендовался — Никита.

Начальник поприветствовал гостей на английском. Гости обрадовались, причем Никита больше, чем американец.

— Какое счастье! — сказал он, после того как представил американского орнитолога Билла. — Вот и беседуйте себе на здоровье, а я по тундре погуляю.

— Вот тут ты не совсем угадал, — заметил начальник отряда, обрадовавшийся внезапно пришедшей в голову гениальной, на его взгляд, мысли. — Сейчас мы погрузим барахло в вертолет, покажем на карте пилотам, где вас выбросить на речке Тундровой, а я, Валентин и Билл сплавимся по Тундровой с остатками барахла.

Так мы познакомились с Никитой.

Не знаю, насколько являлся романтиком его знаменитый дед, скорее всего, по отзывам старых полевиков, он этим недостатком не страдал, но его внук в этом отношении являл собою полную противоположность. Обладая высокой культурой, блестящим образованием, тонкой и чувственной натурой, Никита разительно отличался от всех членов полевого отряда. Островом Врангеля он был очарован сразу и бесповоротно. И хотя прямой его задачей было всячески опекать американского гостя, любая свободная минута использовалась им для того, чтобы сбежать и побродить по тундре.

Особым его пристрастием, как вскоре выяснилось, было изучение карт. Дело осложнялось тем, что на картах стоял гриф «секретно», и показывать их кому бы то ни было запрещала инструкция. Но Никита вроде бы свой, а что делать с американцем? Поэтому начальник отряда решил не показывать карт никому, а Никите запретил уходить дальше, чем позволяли условия прямой видимости. Конечно, это были драконовские меры, но что делать — нарушать инструкцию по работе с секретными материалами или ждать, пока Никита не заблудится, и потом всем отрядом искать его по острову?

Так что первое поле на острове Никита провел не ахти как. Да и полем трудно назвать пребывание меньше месяца в Тундре Академии, где отряд, работая по советско-американской программе, отлавливал линные стаи гусей и метил их оранжевыми пластиковыми ошейниками и советскими алюминиевыми кольцами.

Оказалось, что Никита работал вместе с Москвичом в Центре кольцевания, и поэтому никто особенно не удивился, когда он на следующий год прибыл на остров и стал полноправным членом отряда. Более того, он с восторгом воспринял звание Матроса.

Теперь он мог без помехи досконально изучать карты, в которые вглядывался при всяком удобном случае. Но, удивительное дело, карту он читал весьма своеобразно. По крайней мере, она ему не помогала в маршруте, а только больше запутывала.

Это обнаружилось вскоре после приезда на остров Олега, который после окончания Днепропетровского университета прибыл в отряд зоологов, которые наблюдали за акклиматизацией овцебыков. Выглядел он более чем странно. Ниже среднего роста, плотного телосложения, в руках огромный желтый кожаный портфель, за плечами рюкзак, а на боку железный топорик в брезентовом зеленом чехле. На голове внушительных размеров кепка, а на ногах тяжелые ботинки. Короче, своим видом он напоминал туриста-бухгалтера и заблудившегося плантатора из Южной Родезии одновременно.

После того как Олег был накормлен и обласкан, они вместе с Никитой, захватив с собой карту, вышли из балка. Через некоторое время Никита вернулся один.

— А где Олег? — поинтересовался у него Валентин.

— А я объяснил ему, куда топать, даже по карте показал, — гордо ответил тот.

— И куда же ты его отправил? Покажи хоть на карте.

Никита показал, более того, вышел из балка и указал направление маршрута рукой.

— Молодец, — заметил Москвич, — на верную гибель мужика отправил!

— С чего ты решил? — возмутился Матрос.

— А чего тут решать? Зоологи стоят в нижнем течении реки Неизвестной, а ты отправил его в верховья. Правда, погода хорошая, все равно он в реку носом уткнется и, если не дурак, то сообразит, что маху дал. По крайней мере, пойдет вниз по течению реки и на ребят наткнется. Можно, конечно, попытаться догнать его. Но за это время он упылил километра на три, и обнаружить его будет трудновато. Через час на связь выйдем и ребятам сообщим, чтобы его встретили, а уж ежели не встретят, вместе будем искать.

На Никиту было жалко смотреть. На его порыв самому пойти за Олегом и исправить ошибку откликнулся молчавший до сих пор Капитан.

— Не суетись, — коротко заметил он. — Все правильно. Не хватало еще, чтобы и тебя черти куда-нибудь занесли. А потом вас двоих по тундре или в горах вылавливать, или прикапывать!

На этом и порешили.

Закончилась эта история на удивление благополучно.

Олег на самом деле направился в верховья реки и, хотя его мучили сомнения, неуклонно шел к центру острова. Казалось странным, что, зная, что стоянка отряда, в который он направлялся, располагается недалеко от побережья моря, никаких признаков моря он не видел. Более того, обычно реки стекают с гор в море, а он поднимался вверх, то есть

к истокам. Но как истинный упертый хохол, тем не менее, упорно шел по указанному Никитой направлению.

В верховьях реки Неизвестной бродил в это время студент-зоолог Игорь Дорогой, который проходил преддипломную практику как раз в том же самом отряде. У него была сложная проблема с армией. Ему пришла повестка на призыв, а он сделал вид, что ее не получал, и удрал в поле. Трудно представить, что происходило у него в душе, когда он увидел направляющегося в его сторону мужика с огромным портфелем. «Ну, вот и все, — подумал он. — Прокурор вышагивает, и наверняка по мою грешную душу». В отличие от Олега, Игорь был вооружен старенькой одностволкой. Разные мысли, в том числе и грешные, роились в его голове.

Когда Олег подошел поближе и Игорь увидел, что он не в форме, а ростом намного ниже его, то решил все-таки выглянуть из укрытия, притвориться аборигеном и осторожно выяснить, что представляет собой эта личность и почему он разгуливает по острову в таком необычном наряде.

Конечно, Олег, не подозревая, что был на волосок от своего трагического конца, все чистосердечно рассказал, более того, искренне обрадовался, что встретил коллегу-зоолога.

— А какой осел тебя сюда послал? — поинтересовался Игорь.

— Да орнитологи, а если конкретнее, то Никита.

— Да, очень опытный полевик, — заметил Игорь, — он кого хочешь так запутает, что потом сто чертей не распутают. Ладно, пошли в лагерь, может, к ужину и успеем.

Естественно, наши коллеги-зоологи с большим ехидством сообщили по рации, как вырвали Олега из рук неминучей гибели и предложили организовать кратковременные курсы по топографии для особо одаренных полевиков.

Отряд молча проглотил горькую пилюлю, а Никите было сделано внушение, что он пока только Матрос и может быть за подобные действия разжалован в Юнги.

Иногда Никите приходили в голову очень странные идеи. Так, однажды, возвращаясь с маршрута, Капитан увидел его стоящим в кедах и тренировочном костюме возле 500-литровой железной бочки с соляркой. Матрос очень внимательно глядел на бочку.

— Никита, — спросил начальник отряда, — ты что на бочку уставился? Гипнотизируешь ее, что ли? Так она железная!

— Да нет, у меня к тебе вопрос. Сможешь ты с места, без разбега, на эту бочку запрыгнуть?

— С рюкзаком? — поинтересовался Капитан.

— Да нет, налегке, — ответил Матрос.

— Черт его знает, попробую, если тебе так уж необходимо.

Капитан сбросил рюкзак, подтянул голенища резиновых сапог, немного потоптался и запрыгнул на бочку. Немного постоял на ней и спрыгнул обратно.

И здесь Никита, как он говорил впоследствии, понял, что если он не запрыгнет на бочку, то перестанет уважать себя.

Он сделал попытку, но не допрыгнул и ударился ногами, причем самой болезненной их частью, об острые края бочки. От внезапной боли впал в ярость и стал пытаться вновь и вновь бросаться на бочку. Брызнула кровь, но все было безуспешно.

Совершенно озверелого от злости и боли его еле-еле удалось оттащить от этого орудия добровольной пытки.

— Да что это такое! — орал возмущенно Матрос. — Я, у которого нет ни капли жира, бывший вратарь футбольной команды университета, не могу налегке запрыгнуть на эту проклятую бочку, а Капитан, весь круглый, как тюлень, запрыгнул на нее сходу, как воробышек, да еще в резиновых сапогах!

Изумленный случившимся, отряд, как мог, утешал его.

— Все дело в фамилии, — сказал глубокомысленно Боцман. — У Капитана она птичья, а у тебя нет. Кроме того, он по должности обязан быть героической личностью. Вот дослужишься хотя бы до Боцмана — тогда и попробуешь!

— Никита, не горюй, — утешал Капитан. — А слышал ли ты что-либо о взрывном прыжке? Я ведь был в армии инструктором по боевому самбо и наносил ногой в прыжке удар на высоте более полутора метров. И хотя имею некоторые накопления в организме, но в ногах жира нет. Кроме того, много лет занимался горнолыжным спортом. И зимой в Магадане регулярно катаюсь, правда, в сборную области не вхожу, но скоростной спуск иногда себе позволяю, не говоря уже о слаломе-гиганте. А у горнолыжников ноги стальные!

— Я вообще не вижу проблемы, — заметил ехидный Москвич. — Давайте эту бочку ему подарим. Пусть в Москве ее у себя дома поставит для тренировки. Думаю, в следующее поле он не только запрыгивать на нее будет, но и перепрыгивать запросто.

Выйдя утром из палаток, бочки на месте не обнаружили. Предусмотрительный Боцман перелил куда-то солярку. Бочка вообще таинственно исчезла. Лишь один Валентин ожесточенно, как недовольная жена, гремел кастрюлями в хозяйственной палатке.

— Вводить в искушение тоже грех! — ответил он ворчливо на немой вопрос Капитана.

Так и закончилась эта странная история.

Первая встреча с киношниками

Остров Врангеля исчез. На самом деле, он никуда не делся. Просто его накрыло таким плотным туманом, что не было видно даже пальцев вытянутой вперед руки. Вдобавок с неба сыпался не то снегодождь, не то дождеснег. В общем, мерзкая пакость, а не погода. В балке, сиротливо приютившимся у склона пика Тундровый, сидели трое: Капитан, Москвич и Боцман.

Делать было решительно нечего, да и не хотелось. На гнездовье белых гусей, которое служило объектом исследования магаданских и московских орнитологов, было тоже непривычно тихо. Видно, они аналогично реагировали на эту погоду и устроили себе актированный день.

Небольшим развлечением были только регулярные сеансы радиосвязи. Как и всегда, в этот день орнитологи вышли на связь и узнали, что из поселка Ушаковский на гнездовье вышел вездеход с киногруппой из Леннаучфильма, которая будет снимать фильм о белых гусях о. Врангеля, и поэтому надо приготовиться к встрече гостей, которые, скорее всего, завтра утром заедут в отряд к овцебычатникам на реке Мамонтовая, а затем направятся на гнездовье.

Это уже была не новость, а деловое сообщение. К встрече, хочешь не хочешь, надо было готовиться. Боцману было поручено сбегать к снежнику и принести свежую оленину, напечь своих знаменитых ландориков и прибраться в «командирском» балке. Сам начальник отряда вместе с Москвичом решили привести в порядок окружающую балок территорию. Надо было сменить флаг на флагштоке у туалета, который гордо реял, если кто-то восседал там в «позе орла», собрать раскатанные ветром пустые бочки из-под бензина и солярки в одну кучу, а заодно придать самим себе приличный вид. Это уже была работа и какое-то лекарство от охватившей хандры.

Следующий день порадовал погодой. Туман уполз в море, выглянуло солнце, стало тепло, гнездовье зашумело, и на душе стало веселее.

Гостей решили встретить по полной программе, но сначала проверить на «вшивость», то есть на прочность к северным приколам. До этого вышли на связь и посоветовали коллегам на Мамонтовой, чтобы те слегка напустили на киношников страху. Те с восторгом согласились, более того, договорились обмениваться информацией вплоть до отъезда гостей на пик Тундровый.

Все пошло по плану. С Мамонтовой сообщили, чтобы мы не суетились с кормежкой, киношники у них хорошо заправились. Кроме того, они не совсем уж зеленые, у них все есть для самостоятельной жизни: палатки, печки, примусы, полевое шмутье, плюс еда с куревом примерно на месяц. Вездеход в поселке им выделили новый и максимум через часа три они прибудут.

Трое в балке провели короткое совещание и стали ждать гостей. Вскоре послышался далекий рев вездехода. Через полчаса он подъехал и остановился у балка. Из вездехода лихо выскочили три мужика с радостными лицами. Механик-водитель медленно вышел из кабины, не выключая двигателя, и встал рядом. У балка никого не было.

— А где хозяева? — обратился к водителю один из киношников.

— А черт их маму знает! — хмуро ответил тот. — Народ тут живет странноватый, вы с ними поосторожнее будьте!

Тут дверь балка открылась и на пороге возник начальник отряда в драной тельняшке, абсолютно лысый, с окровавленными, засученными по локоть руками, в которых был огромный охотничий нож. С ножа крупными каплями на крыльцо капала кровь.

— Приехали, — сказал он, медленно переводя глаза с оного на другого, — как нам и сообщали. С Ленфильма, значит, ну-ну! Что ж, делать нечего, будете гостями. Только вот какая просьба. Прежде, чем лезть в балок, надо головы вам обрить. Мы тут регулярно бошки обриваем в плане личной гигиены. Вот, кстати, сейчас одного лично побрил. Эй, ты, обритый, иди покажись гостям!

Из-под мышки начальника появилась окровавленная голова Москвича.

— Вы не бойтесь, это совсем не больно, зато быстро, и голову можно помыть прямо из умывальника, — с умильным выражением на лице пропел он.

Киношники остолбенели. Разрядил ситуацию один из них, как оказалось впоследствии, кинооператор.

— Мужики, не знаю, как остальные, а я готов, тем более что я уже лысый почти на сто процентов, — снял при этом кепку, и оказалось, что он и в самом деле лысый, лишь над ушами курчавился легкий, как нимб у святого, остаток былой шевелюры.

— Тебе можно, проходи, базара нет, — сказал начальник, — а остальные пусть подумают.

— А что тут думать, я директор фильма, мне и решать, — ответил один из оставшихся. — Вы не будете против, если мы в километре от вас, естественно, не на гнездовье, поставим палатку? Будем жить самостоятельно, чтобы вам не мешать. А в гости к вечеру приглашаю вас на новоселье.

— Вольному воля, спасенному рай! — буркнул начальник отряда, вытирая о штаны окровавленный нож, повернулся спиной и захлопнул дверь.

— Я вас предупреждал, что они тут совсем одичали, — заметил вездеходчик. — А это их начальник отряда. Совсем озверел. Зато стреляет как бог. Гагу на лету кладет из карабина на двести метров. К ним особенно в гости никто не рвется из поселковых, даже вояки. А вы, как я погляжу, отчаянный народ. Ну, дай вам бог здесь прожить без особых потерь. Поедем лучше место для вашего стана выбирать!

Вездеход взревел, и киношники отбыли, за исключением оператора.

Когда он вошел в балок, то увидел, что Москвич на самом деле моет голову под рукомойником, но никаких порезов на ней нет. Начальник отряда смыл кровь с ножа и рук и, улыбнувшись, пригласил к столу, на котором был свежеиспеченный хлеб, вареная и жареная оленина, соленая капуста и прочая снедь.

— Давайте поедим, ребята, нам больше достанется, — усмехнулся он. — А слабые духом пусть живут и харчуются отдельно!

— Так вы что, на самом деле никого не брили? — изумился оператор.

— Конечно, — ответил тот. — Что я — Фигаро, что ли, этих балбесов брить, сами пусть себя бреют, коли хотят. Кстати, Валентин у нас не желает бриться и не бреется, но он мужчина холостой, ему шевелюра и в поле нужна, может, в поселке какая-нибудь молодка и клюнет.

— Ребята, да вы гении! — завопил оператор. — Мы сами приколисты еще те, когда сюда летели, знали, что будут попытки нас развести, но чтобы так!

И он свалился в приступе неудержимого хохота.

— Теперь пропали мои коллеги напрочь. Да я с них кровь стаканами пить буду, иначе всем киношникам расска-

жу, как мы вляпались на Врангеле. Валентин, будь добр, для полного эффекта сбрей мне остатки волос на башке, когда я пойду к ним ночевать. Пусть до утра трясутся. Нет, как гениально, словно по нотам, вы нас разыграли. Высший пилотаж — ничего не скажешь. Бутылка коньяка с меня.

— Каждому, — скромно заметил Москвич.

— Конечно, каждому, непременно каждому от меня и от них тоже.

Впоследствии киношники оказались неплохими ребятами, преданными своему делу, и орнитологи оказывали им посильную помощь, но это уже другая история.

Как снимаются фильмы о природе

Ранним июньским утром на гнездовье белых гусей к балку, где жили работавшие уже не первый полевой сезон орнитологи с Магадана и Москвы, подошло трое киношников, которые приехали снимать фильм о белых гусях.

Они застали полевой отряд биологов в полном составе. Ребята завтракали и обменивались мнениями: кто и куда пойдет в этот день, по какому маршруту и на какой срок. Начальник отряда, крепко сбитый, обритый наголо, с небольшими татарскими усами и бородой тридцатилетний мужик по кличке Капитан, внимательно прислушивался к разговору и изредка вносил коррективы в их планы. Завтрак был обычный: бульон со здоровенным куском оленины и чай. Некоторые пили разведенный кипятком сгущенный кофе. Хотя на столе были и галеты, и вафли, и сливочное масло, их почти никто не ел.

Техник Валентин Хлёсткин по кличке Боцман — сухощавый, небольшого роста, с остатками легких как пух волос на голове — вполуха прислушивался к разговору, успевая при этом подавать еду, убирать со стола грязные миски, да еще умудрялся при этом засовывать в рюкзаки каждому члену отряда паек на день. Паек был стандартный: пачка галет, полпачки чая, коробок спичек, несколько кусков сахара и две пачки сигарет. Еще к этому полагалась кружка и пустая литровая жестяная банка. Это чтобы на маршруте можно

было почаевать у какой-нибудь речки. Обед полагался после возвращения, часов в 9 вечера.

Гостям предложили чаю, от которого они гордо отказались и сидели в ожидании окончания завтрака. Наконец все вопросы были решены. Начальник закурил, и все остальные тоже задымили как по команде.

— Ну, с чем пожаловали? — наконец обратил внимание на гостей Капитан. — Что гусей вы должны снимать, мы уже поняли, что к нам пришли вначале — тоже хорошо, без разрешения по гнездовью будете шляться — морду вначале набью, а если кого не проймет — пристрелю. Мне некоторые гуси людей дороже!

— Мы поэтому и пришли, чтобы с вами уточнить сценарий, — сказал плотный коренастый мужчина с быстро бегающими карими глазами, который представился директором фильма. — Еще мы просим помогать нам во всем, а мы за это вас в кино снимем!

Орнитологи дружно захохотали, от чего киношники слегка оторопели.

— А с чего вы взяли, что мы будем на вас пахать, да и в кино лично у меня никакой охоты сниматься нет, я не сопливая девчонка, чтобы радостно визжать от таких предложений. А к тем из отряда, кто без моего ведома работу будет путать с Голливудом, спрос будет особый.

— Да нет, вы нас неправильно поняли, — тут же начал изворачиваться директор фильма. — Просто в фильмах о природе должен быть «оживляж», вот мы и хотим ввести в него, кроме гусей, человека, тем более это есть в сценарии фильма.

— Понятно, — прищурился Капитан. — А позвольте узнать, кто и где писал вам сценарий, и не могли бы вы его вкратце нам рассказать? А то читать недосуг, да и не наше это дело — вмешиваться в ваши творческие планы.

— Охотно и с превеликим удовольствием, — ответил собеседник.

Вкратце сценарий таков: белые гуси прилетают на суровый северный остров, вьют гнезда, откладывают в них свои яйца и спокойно сидят. Но ведь остров северный, суровый. Внезапно налетает жестокая пурга, но гуси продолжают мужественно сидеть на гнездах, их заносит по шею снегом, но они, голодные, измученные, продолжают сидеть в снежном плену. И тут появляется человек. Он помогает мужественным птицам выбраться из снега, откапывает гнезда. Гуси вьются над ним, и после его ухода, благодарные за спасение, садятся вновь высиживать птенцов.

— Ну и бредятина! — заметил Валентин Хлёсткин, стоящий с папиросой в дверях. — Вот уже который год я на гнездовье и ни разу такого не видел. И в какой безумной башке родились такие идеи?

— На самом деле, как вы думаете выполнять такой сценарий? — подключился москвич-биолог. — Во-первых, весенние пурги уже закончились, во-вторых, на гнездовье несколько десятков тысяч гусей. Это сколько же надо мужиков, чтобы их освобождать из снега! Да вам всего населения Врангеля не хватит в качестве статистов, даже если каждый будет работать круглосуточно. И в-третьих, как к этому отнесутся сами гуси? Вы живого дикого гуся когда-нибудь в руках держали? От его удара крылом песец кубарем летит. И клюв у него как железный. Попробуй его удержать! Мы, когда на них пластмассовые ошейники в тундре одевали, неделю в синяках ходили. Так они там после гнездовья слабые, теряют половину веса и маховых перьев нет, и то ого-го как дерутся. А на гнездовье у них сил невпроворот, после зимовки в Калифорнии. Так что вряд ли кто даже за деньги согласится проделывать с гусями такие трюки. Да плюс к тому же гуси в это время не летают по причине полной потери маховых перьев.

— Ничего, опыт у нас есть, — подключился к разговору режиссер фильма, высокий худощавый мужчина по имени Саша. — Мы фильмы о природе не первый год снимаем. Для нас главное одно — если это в природе есть, то мы снимем обязательно. А то, что не удастся, смоделируем. Так что будем ждать!

— Ну что ж, флаг вам в руки, — подвел итог начальник отряда. — Походите по краю гнездовья, поснимайте гусей, только упаси вас бог лезть вглубь, там у нас контрольные гнезда находятся, и я башку оторву, если кого увижу. Впрочем, об этом я уже предупреждал, повторяться не буду. Всё, разговоры закончены. Мужики, собирайтесь и дуйте по маршрутам. Удачного дня всем. Боцман, ты идешь сегодня со мной вниз по реке Тундровой. Будем картировать песцовые норы, а заодно приглядим, куда будем все перебираться, когда гуси с птенцами попрут в Тундру Академии. Для всех контрольное время возврата 20.00. Рацию беру с собой. Евгений, — обратился он к молодому студенту-практиканту, которого все называли Юнга, — ты приходишь в 18.00, ставишь чай и варишь мясо к нашему приходу. Вопросы есть? Нет вопросов у матросов. Всем общий привет.

С этими словами он взял рацию, снял со стены карабин и вышел из балка.

— Да, не зря нам говорили, что начальник у орнитологов — зверь, — промолвил после его ухода директор фильма.

— Увидишь мамонта ты коль — не верь глазам своим, — перефразировал сходу философскую фразу бессмертного Козьмы Пруткова Москвич, протирая очки. — На лицо мы все ужасные, но бесконечно добрые внутри. Правда, по гнездовью и впрямь советую не шастать, нечего птичек беспокоить, да и в начальнике попусту зверя будить.

После этого он мило улыбнулся гостям и тоже вышел.

Киношники поглядели друг на друга.

— Ничего себе, поговорили, — сказал директор фильма.

— А ты что хотел? Чтобы они тебе на шею бросились? Люди заняты делом, а мы им нужны как лишняя дырка в голове. И надо спокойно к этому относиться. Я думаю, что со временем все наладится. Не знаю, как вам, а мне ребята, да и начальник их, понравились, — заметил оператор. — Другие могли бы вообще попереть нас отсюда, а они все же отнеслись с пониманием. Вспомните, как к нам отнеслись на Командорах. Тоже вначале чуть нам морды не побили, а расставались как братья. Такая уж у нас профессия…

Кто бы мог подумать, что безумный сценарий, сочиненный неизвестно кем в Петербурге, смог в точности воплотиться в реальность на деле.

Буквально через три дня после визита киношников отряд орнитологов как по команде почти одновременно проснулся среди ночи от воя ветра. За балком бесновалась пурга. Спать уже никто не мог.

— Вот приехали, туды их мать, накаркали, и теперь гусям хана, — причитал суеверный Боцман.

— Да, и в страшном сне такого не привидится, — вторил ему Москвич.

— Что же будет с моей дипломной работой? —причитал Юнга.

Лишь начальник лежал молча и мрачно курил. Наконец он вылез из спальника, с отвращением выпил холодной воды из чайника и опять закурил.

— Не травите душу воплями, — буркнул он, — и так тошно. Спать, видно, уже не будем. Валентин, ставь чай. Пока попьем, может, немного утихнет, и надо посмотреть контрольные гнезда, как там гуси себя чувствуют, и не вошли ли песцы в полный распояс в связи с этой пакостной погодой. Далеко от балка не отходить. Юнга идет вместе с Валентином. А я пойду к киношникам, попроведаю их, как они думают, снимать кино или нет?

— Может, и морды им заодно поправишь? — с надеждой спросил Боцман.

— Думаю, это лишнее, — усмехнулся начальник. — Они к погоде отношения не имеют, а попроведать надо, может, они и сами не рады такому воплощению сценария.

К несчастью, погода к утру не утихла. Так же валил снег, дул ветер, но немного потеплело.

Злой как черт, начальник отряда шел к палатке киношников. По пути он увидел несколько занесенных снегом гнезд, из которых торчали головы гусынь. Возле одного гнезда снег был окровавлен. Яиц в нем не было.

— Ну, собачки гадские, поживились, даром времени не теряют, — сквозь зубы процедил начальник. — Жаль, карабин оставил, я бы им немного праздник подпортил!

Песцы, эти постоянные враги гусей и орнитологов, как назло, не попадались. У палатки киношников следов не было, а вход был застегнут изнутри. Не было даже дыма из трубы.

— Да что они, сдохли что ли? — подумал начальник. — Эй! Живые есть?

— Есть, есть, — послышались голоса из палатки. — Кого это ветром принесло?

— Открывайте и увидите, — ответил Капитан, тщательно отряхивая набившийся в складки одежды снег.

То, что он увидел, войдя в палатку, несколько его удивило. Аппаратура стояла тщательно упакованная. Киношники лежали, до носа застегнутые в спальниках. Только оператор Юра, который впустил его в палатку, возился с примусом, чтобы поставить чай.

— А что вы лежите, как чурки? — изумился Капитан. — Ваш дурацкий сценарий идет полным ходом. Гусей занесло по шею, песцы их на гнездах дерут почем зря, снимай только!

— А зачем? — лениво потягиваясь, ответил директор фильма. — Освещение поганое, ветер, снег —получится не фильм, а белая муть. Кому интересно это смотреть? Вот утихнет все — тогда пойдем поглядим. Да и типаж к вечеру должен подъехать.

— Какой еще типаж? — обалдело спросил начальник.

— А директор заказника — Коля Винклер, — ответил режиссер. — Мы с ним еще вчера с вечера договорились, как только снег пошел. Он и будет у нас главным героем. А пока отдыхать будем!

К этому времени поспел чай. На завтрак была предложена сырокопченая колбаса, иностранный растворимый кофе, сыр и пряники с шоколадными конфетами.

— Кучеряво живете, — косясь на накрытый стол, отметил начальник.

— Так ведь и гость непростой, — подхалимским голосом произнес директор фильма. — Может, по такому случаю по коньячку вдарим?

— Вообще-то у нас в отряде на все поле, кроме дня рождения моей жены, «сухой закон», — ответил начальник. — Ну да черт с ним, только понемногу, может, гуси и оправятся после этой мерзкой погоды.

Тут же появилась бутылка коньяка; атмосфера в палатке стала сразу теплее. Оказалось, что киношники не новички в поле. В поисках интересных сюжетов они объездили почти весь Советский Союз, на деньги «Леннаучфильм» не скупился, а директор фильма в прошлом возглавлял всю фирму, но ошалел от бюрократической работы и сбежал. Но нужные связи сохранил. Поэтому их группа пользовалась режимом благоприятствования.

После чая с коньяком они просветили начальника отряда на счет моделирования природных ситуаций.

— Возьмем, к примеру, случай из жизни нашей съемочной группы, — начал свой рассказ директор фильма. — Нам было поручено снять эпизод, как уж ест лягушку. Казалось, чего бы проще, все знают, что ужи жрут лягушек. Для этого и ездить далеко не надо.

Засняли мы отдельно озеро с лягушками. Достали ужа и лягушек. Поставили камеру. Ужа три дня не кормили специально. Сделали вольеру, сняли ужа крупным планом и запустили лягушку. А тот ее не жрет — хоть застрелись! Она вокруг него скачет, а он лежит себе, солнечные ванны принимает или сбежать пытается. Совсем мы измучились. Часа через три решили перекурить. Только достали сигареты, а он — хоп! — и лягушки нет. Мы час матерились. Потом успокоились, решили, что лягушки одной ему мало. Запустили еще одну — может, клюнет. Опять та же история. Юра, наш оператор, от отчаянья чуть последние клочки волос у себя на голове не выдрал.

А выручил нас его помощник. Вот уж был изобретательный стервец! Он взял тонкую капроновую леску с иглой, проколол лягушке нижнюю челюсть и завязал леску. Затем проколол горло ужу и продел изнутри второй конец лески. Взял ужа в одну руку, а лягушку в другую, я дернул за кончик лески и влетела лягушка в пасть ужу, как миленькая. Мы аж пять дублей сделали. Руки остались за кадром, леску при монтаже не видно, она же прозрачная. А зритель видит злобного ужа и павшую смертью храбрых лягушку. Ну и чем мы погрешили против природы? Ну, допустим, три лягушки загубили, ну и что? Все равно они бы погибли лютой смертью. Может, был нервный стресс у ужа и он теперь не ест лягушек, а питается исключительно мышами. Но ведь живой!

— Кстати, с нерпой тоже он помог решить проблему, — заметил режиссер. — Да там была мелочь. Просто мы снимали фильм про нерп, и нам надо было снять крупным планом голову нерпы. Но возникла проблема с глазами. Они у нее все время слезятся, как у столетней старухи, и какие-то вогнутые. Так помощник враз снял проблему. Он уселся на нерпу верхом и сдавил ей глотку. Она стала задыхаться, и глаза начали выпучиваться. Чтобы не сдохла, изредка давали ей подпитку. Немного подышит, и опять кислород перекрывали. Три дубля отсняли, зато глаза у ней получились, как у восточной красавицы, сами потом любовались. Нерпу потом отпустили, конечно. Ну, остались у нее неприятные воспоминания, так она в суд на нас не подала, а фильм получился отличный. Народ даже у нас на студии балдел. А помощник за смекалку дополнительно премию получил, на пиво хватило.

— А что, все фильмы о природе так снимаются? — спросил начальник отряда.

— Все или почти все, — ответил директор фильма, — и наши, и зарубежные. Без этого ни в какой бюджет не влезешь ни по времени, ни по деньгам. А у нас тоже планирование существует. И попробуй не уложись, начальство сожрет вместе с потрохами. Вот такие вот коврижки!

...К вечеру непогодь и в самом деле улеглась. На гнездовье на своем вездеходе по имени «Лизетта», которое было белой краской крупно написано на боку, подъехал директор заказника «Остров Врангеля» Николай Винклер. Как типаж он выглядел в самом деле замечательно. Смуглый, сухопарый, с кудрявым чубом, роскошными черными усами, орлиным носом и яркими карими глазами под бровями вразлет — ну вылитый лихой казак Гришка Мелехов. Он привез в подарок блок «Стюардессы» и несколько банок сгущенного какао. Кроме того, письма и кучу новостей, из которых главная заключалась в том, что остров скоро будет объявлен заповедником союзного значения и начальником его, конечно, будет он.

Николай после обильного ужина прошелся по гнездовью, поглядел на брошенные гнезда, обилие песцов и устроенную ими бойню и сильно расстроился.

— Да, дела! — горестно качал он головой после возвращения. — Надо принимать меры!

— И какие же? — поинтересовались орнитологи.

— Песцов немедленно всех перестрелять, на гнездовье никого не пускать, даже вас. Пусть оставшиеся гуси спокойно отдохнут и выведут птенцов.

— Ну, Коля, ты и экстремист! — прокомментировал его выступление начальник отряда. — Гуси гнездились здесь, возможно, сотнями лет. И песцы их жрали по возможности. А бездумное вмешательство человека в сложившуюся экосистему еще ни к чему хорошему не приводило. Для песцов главная пища на острове — лемминги, а не гуси. Вот пик численности лемминга упадет, по исследованиям наших зоологов, через год, и песцы сократят свою численность по одной простой причине, что жрать им будет нечего. А гуси дадут вспышку размножения. И опять биологическое равновесие на острове восстановится. Дай тебе волю — ты такого наворотишь, что десятилетия придется расхлебывать!

— Ну, вы люди ученые, в городах живете, вам виднее, — обиделся Николай и поехал к киношникам.

Снимать его в качестве главного героя сейчас те отказались, поскольку гуси еще не потеряли маховые перья окончательно и поймать их было практически невозможно. Решено было смоделировать ситуацию в начале июля.

Так и сделали. К тому времени отряд орнитологов перебазировался в Тундру Академии, куда ежегодно гуси уводили свои выводки и там же линяли и усиленно наращивали вес для перелета к местам зимовки. Там же магаданские орнитологи отрабатывали американо-советскую программу: отлавливали гусей стаями, одевали на шеи оранжевые

пластмассовые американские ошейники, а на лапы — советские алюминиевые кольца — и выпускали на волю.

По просьбе киношников отловили двух оставшихся без птенцов и самцов гусыни, упаковали их в картонные ящики и повезли на гнездовье.

Там и происходило моделирование ситуации, которую не засняли во время пурги.

Нашли подходящий снежник. Одну из гусынь осторожно вытащили из коробки и усадили в вырытую заранее снежную яму. Затем засыпали снегом по шею, установили аппаратуру, и съемка началась. Директор фильма стал на корточки и начал забрасывать ее снегом. Гусыне это не понравилось, и она всячески уворачивалась.

— Стоп, — сказал режиссер, — снято!

Затем к ней подходил обсыпанный снегом Коля Винклер, откапывал, нежно гладил и подбрасывал в воздух. Гусыня начинала орать и махать крыльями, но поскольку маховых перьев не было (гуси в этот период линяют и летать не могут), то тяжело шлепалась в снег. Ее ловили, опять зарывали и снимали еще один дубль. Так было сделано несколько дублей. Потом, обогащенные опытом, снимали двух гусынь вместе. Вторую уже не вытаскивали из импровизированного гнезда — она работала за «массовку».

Больше всех радовался этой работе директор заказника — главный типаж фильма. Вся съемка заняла от силы часполтора времени. После этого гусынь-артисток вновь посадили в ящики, отвезли в родную стаю и выпустили.

С тех пор я всегда фильмы о природе смотрю с известной долей иронии, поскольку теперь знаю, как они снимаются.

Отснятый киношниками фильм отряд так ни разу не видел. Может, оно и к лучшему.

Режиссер и кинооператор Ледин

Уж кто «доставал» отряд орнитологов на гнездовье, так это многочисленные работники средств массовой информации. Отчасти в этом виноват был председатель поселкового совета Акуленков, отчасти директор заказника Винклер. Но первого можно было понять. Чтобы прилетевшие «акулы пера» не шлялись по поселку и не совали свои любопытные носы туда, куда не следует, он спешил всеми правдами и неправдами избавиться от непрошенных гостей. Поскольку те вечно попадали в, мягко говоря, пикантные ситуации. Так, ранней весной на остров принесла нелегкая одну даму, аж из самой Москвы. Плотно пообедав, она решила уединиться.

А надо сказать, что на Севере проблемы туалета решались просто. Недалеко от гостиницы стоял туалет, который напоминал вышку. Внутри он был снабжен обогревателем и книжной полкой с набором периодики и художественной литературы. Внизу красовалось отверстие, куда отходы человеческого производства улетали согласно законам всемирного тяготения и радостно съедались поселковыми псами, которые явно испытывали минеральный голод. Таким образом в поселке и чистота сохранялась, и экология не нарушалась.

Дама уютно устроилась в тепле и несколько зачиталась, как вдруг услышала снизу недовольное ворчание. Естественно, поглядела вниз и обмерла, увидев абсолютно белую

лохматую морду и горящие от нетерпения глаза. Со страху ей показалось, что на нее снизу уставился белый медведь.

Вначале она на некоторое время лишилась дара речи, но потом издала такой визг, что в поселке решили, что где-то включили сирену.

Скандал в результате разразился страшный. Об Акуленкове говорить нечего, он чуть было не лишился своего поста, но главное, пострадали собаки. Теперь под отверстие ставили пустые 500-килограммовые бочки и по мере их наполнения подгоняли трактор с «пеной», выпучив глаза, закатывали на нее бочку и торжественно везли ее через весь поселок за окраину.

Винклер же очень любил, когда его фотографировали, а потом присылали газеты или журналы с его мужественной физиономией. Поэтому, когда появлялись гости, то тут они действовали с Акуленковым заодно. Рекламировали экзотические места на острове. У гостей зажигались зеленым светом глаза, и они мчались за северной романтикой. Какой только после экзотической дряни не опубликовывали в расчете, что сама северная тематика будет проглочена доверчивым читателем сходу. Что, впрочем, в большинстве случаев и происходило. А страдать и в моральном, и, в известной форме, материальном планах приходилось полевикам. Мало того, что гости отвлекали от напряженной работы, они еще умудрялись совать везде свои любопытные носы, мучить дурацкими расспросами и постоянно влезать в щекотливые ситуации.

Естественно, известие, что в район гнездовья белых гусей прибудет очередной кинорежиссер, не доставило орнитологам радости.

— Хорошо хоть, что гусята уже вылупились и топают в массе с родителями в Тундру Академии ускоренным мар-

шем, — не без злорадства в голосе заметил Боцман, — а там пусть за стаями погоняется. Сразу станет тощий, как песец.

Появляться в гости новый кинорежиссер не спешил. Это несколько заинтриговывало. Хотя по рации сказали, что он мужик самостоятельный, у него все есть для полевой жизни, и он никому навязываться не собирается, было интересно, где он остановился.

Обнаружили его случайно. Обходя гнездовье белых гусей по периметру, начальник отряда заметил на берегу реки Тундровой маленький, стоящий на широких полозьях фанерный домик. Он стоял за излучиной реки, укрытый от северного ветра высокой галечниковой террасой, и с тундры был почти незаметен, поскольку сливался с ней окраской.

Подойдя к домику, он обнаружил сидящего на ступеньках невысокого, худощавого бородатого мужчину с обветренным и загорелым до черноты лицом.

— Ледин, оператор, кинорежиссер и сценарист, а также директор фильма, триедин, как бог, — коротко представился тот.

Начальник отряда также назвал свою фамилию и должность.

— Если хочешь, то можешь звать для краткости Капитаном, — сказал начальник отряда. — Меня так мужики в отряде кличут.

— Да уж, знаю, информацию кое-какую получил и на Шмидте, и в поселке Ушаковский, — усмехнулся Ледин.

— Представляю, чего они там напели, — улыбнулся Капитан.

— Да что бы ни пели, я привык оценивать людей сам, не в первый раз в поле и на Севере. Надеюсь, что и не в последний. Расшаркиваться особенно нечего, друг о друге мы минимум знаем. Сейчас мои девки прибудут, кофе заварят свежий и что-нибудь на скорую руку сварганят. А сейчас посидим, покурим, если не возражаешь, — сказал Ледин.

Они закурили. Вскоре послышался звук двигателя, и носом в берег ткнулась небольшая лодочка, в которой сидели двое, женщина и девочка лет двенадцати. Они вышли из лодки, закрепили ее за крупный валун и стали разгружать. Ледин с интересом наблюдал за этим процессом. Когда женщина потащила на плече к домику тяжелую профессиональную камеру «Конвас», да еще и вместе со штативом, Капитан не выдержал.

— Может, надо помочь? — обратился он к Ледину.

— Сиди и не суетись, — посоветовал тот. — Жена у меня официально работает ассистентом режиссера и за это деньги получает. А дочка, коль увязалась в поле, то пусть отрабатывает свой хлеб тоже. По крайней мере поймет, что работа на Севере — это далеко не сахар. Да и характер пусть закаляет!

Капитан не стал возражать. Жена с дочкой приветливо улыбнулись гостю.

— Люда, — просто представилась миловидная женщина, — а это наша дочка Вероника.

Та молча, несколько смущенно, глянула на Капитана и скрылась за дверью балочка.

Вскоре оттуда вкусно запахло свежезаваренным кофе, высунулась симпатичная девичья мордашка и пригласила к столу. Поместиться за ним вчетвером было практически невозможно. Поэтому, расставив все на столе для кофе, жена и дочка, захватив примус, улетучились.

На столе особых разносолов не наблюдалось, за исключением натурального кофе «Арабика» и настоящей финской салями. Оказалось, вместе с какими-то сигариллами, источающими запах хорошего турецкого табака, салями и кофе составляют основу пищи Ледина в поле.

Сам он, по его рассказам, работает в новосибирской студии, но числится там номинально, поскольку много лет

снимает фильмы о природе самостоятельно, без всяких помощников. В основном они идут за рубеж, пропагандируя яркую и самобытную красоту российского Севера. За это платят очень неплохие деньги, которых вполне хватает и на жизнь, и на выполнение его творческих замыслов.

В свое время он был даже удостоен встречи с министром культуры Е. А. Фурцевой, которую творческая шатия за глаза величала «Екатерина Великая». Кстати, это с ее легкой руки началось строительство спортивного комплекса «Лужники». На встречу с ней его взял председатель Госкино СССР А. В. Романов, видимо, для экзотики. А Ледину для того, чтобы снять фильм про белых медведей, необходимо было добыть деньги, которых катастрофически не хватало. Когда зашел разговор про фильм, Фурцева нахмурилась.

— Ну вот, — промолвила она, поморщив напудренный нос, — и так Россию зовут дикой страной, где одни медведи и холод. Зачем это еще и пропагандировать?!

Ледин с ужасом понял, что еще немного, и фильм зарубят на корню.

— Позвольте, — вышел он внезапно вперед. — Нигде медведей уже не осталось, кроме как в зоопарках. А у нас они на свободе живут, поскольку мы в плане охраны природы впереди планеты всей!

— Интересная точка зрения, — прищурилась министр. — А вы кто, собственно, такой будете?

— А это режиссер Ледин, — выскочил вперед председатель Госкино. — Он, собственно, и хотел этот фильм про белых медведей снять.

— Так выделите ему деньги, чтобы не стыдно было потом и нам посмотреть, и за рубежом показать, — вынесла свой вердикт Фурцева.

— Конечно, после этой встречи председатель орал на меня и топал ногами, — с усмешкой закуривая, вещал Ледин. — Зато фильм был спасен и вроде неплохой получился. Да и известность в высоких кругах я приобрел нежданно-негаданно. Это иногда помогало в острых ситуациях.

В сердце Капитана постепенно таял холодок неприязни. Ледин оказался и впрямь не новичком в поле. Для передвижения по тундре приспособил снегоход «Буран», а для жилья — уже упомянутый домик на санях, которые легко двигались за мотонартами со всем скарбом. Широкие полозья практически не нарушали скудный растительный покров, а поскольку плита топилась газом, то отпадала необходимость в громадном расходе топлива. Примечательно было и то, что у балка не наблюдалось даже фантика от конфеты или окурка, уж не говоря просто о мусоре.

Из средств передвижения было еще две лодки. Одна маленькая, с движителем, вмещавшая максимум двух человек. Другая — цельносварной «Крым» с двигателем «Вихрь» для путешествий вдоль берега острова и по крупным рекам.

Оборудование для качественной звукозаписи он приобрел в Лондоне, в магазине, который торговал вышедшими из моды «шпионскими» прибамбасами. Там, например, он приобрел остронаправленный и особо чувствительный микрофон, благодаря которому можно было за 150 метров услышать, как возятся и «воркают» в норе под землей щенки песцов. В Голландии — очень дорогой магнитофон ручной сборки, которых в мире считанные единицы. В Японии — мини-рации «Воки-токи», умещавшиеся в нагрудном кармане куртки у всех членов его семьи. Всему этому великолепию можно было только завидовать белой завистью, вспоминая тот примитив, которым мы располагали в то время.

Наверное поэтому, да и просто потому, что Ледин оказался настоящим полевиком, то есть немногословным, работящим и влюбленным в свое дело и Север человеком, он мгновенно снискал признание всех членов отряда. Потом мы

поработали вместе с ним на мысе Блоссом — южной оконечности острова — и окончательно подружились.

Для нас мыс Блоссом был интересен тем, что с него отлетали на материк гусиные стаи. Ледин надеялся там поснимать белого медведя. Кроме того, на Блоссоме была выносная полярная станция, которая обслуживала караваны судов в проливе Лонга. Этим проливом остров Врангеля отделялся от материковой части Чукотки, а мыс Блоссом разделял два моря: Восточно-Сибирское и Чукотское. Вдоль врангелевского берега пролива шло очень сильное отбойное течение. Полярники по этому поводу шутили, что это одно море переливается в другое. Течение несло льды, и на этих льдинах любили кататься моржи, у которых на Блоссоме было лежбище. Причем чем льдина была меньше, тем престижнее было на ней проехаться.

Часто можно было видеть, как течением несло маленькую льдинку, почти скрывшуюся под водой от тяжести туши взгромоздившегося на нее моржа. Стоило ему только поудобнее на ней устроиться, как вдруг льдина из-под него стремительно вылетала и высовывалась довольная усатая морда очередного любителя прокатиться. И все начиналось сначала. Смотреть за этой игрой было очень интересно, поскольку она напоминала мальчишескую «Царь горы». Только вместо горы была льдинка.

Лежбище на мысе Блоссом было довольно многочисленным и включало в себя как взрослых особей, так и моржат, которые находились там вместе со своими мамашами. Ранее таких лежбищ на острове было несколько, но многолетний промысел сократил их до одного. Теперь добыча моржей разрешалась только местному населению по специальным лицензиям и только в море. Поэтому беспокоили моржей на Блоссоме лишь белые медведи. Впрямую они на

моржей не нападали, в основном питались павшими по разным причинам животными. Хотя иногда попытки и были.

Заключались они в следующем. Какой-нибудь медведь шатался параллельно лежащему стаду. Моржи на него особого внимания не обращали. Подойдя на близкое расстояние, медведь круто разворачивался и бросался на стадо, но, не добегая несколько метров, резко тормозил. Стадо инстинктивно кидалось к воде, и в этот момент мамаши забывали про детенышей и некоторых просто случайно задавливали. Медведь садился поодаль и ждал, когда горестная усатая мамашка кончит караулить свое мертвое дитя. Тогда белый бандит бросался, выхватывал моржонка, оттаскивал его поодаль и съедал.

Но происходило это редко. Обычно медведи довольствовались тушами умерших взрослых животных. И упаси бог медведя встретиться с моржом в воде. Неуклюжие на суше, моржи проявляют чудеса ловкости в воде. И достаточно одного взмаха клыками, чтобы нанести медведю смертельные раны. Видимо поэтому, вопреки расхожему мнению, белые медведи не любят плавать, а делают это лишь в случае крайней необходимости.

В конце августа на мысе Блоссом мы вновь встретились с Юрием Лединым. Своих женщин он отправил домой, а сам решил поснимать белых медведей, которые, по заверениям полярников, бродили на опустевшем моржовом лежбище буквально толпами. Ледин мотался вдоль побережья на «Крыме» злой как черт, поскольку медведи куда-то подевались. Я решил составить ему компанию, поскольку до массового отлета белых гусей с острова оставалось еще время и очень хотелось поснимать белых медведей с помощью «Фотоснайпера», который давал приличное увеличение снимаемого объекта, был предельно прост и надежен в работе.

Рано утром мы с Юрием загрузили в лодку необходимые для съемки принадлежности и выехали к месту лежбища, где лежали туши умерших моржей. Лодка, тихо лавируя, пробиралась между плавающими льдинами, постепенно приближаясь к намеченному месту высадки. Наконец Ледин направил ее в небольшой заливчик, и мы причалили к берегу. Там выгрузили и перетаскали аппаратуру. Только собрались закурить, как из-за расположенной метрах в ста от нас туши моржа вылез, потягиваясь, очевидно, со сна, приличных размеров медведь. Белым его было назвать трудно, поскольку вся голова, передние лапы и грудь у него были грязно-бурого цвета. Он встал во весь рост, и тут сзади у него, как из брандспойта, ударила толстая черная струя. Я прицелился и хотел сфотографировать эту замечательную картину фотоснайпером, но Ледин властно положил руку на объектив и буквально пригнул его к земле.

— Нечего снимать его в таком виде, — сказал он, — это все равно как кинозвезду в туалете фотографировать. Ну, поносит мишку от не слишком свежей моржатины, так он сам, наверное, не рад, что обожрался!

Самое интересное, что белые медведи, когда еды было вдосталь, хотя и не в свежем виде, не помышляли о свежении. Понятно, что, разделывая тушу моржа, медведь не заботился о своей внешности и был весь измазан в крови, жире и просто морском песке, так что вид у него был явно не царственный. Да тут вдобавок и мучения с животом. Ледин был прав, и я не стал фотографировать мишку в столь непрезентабельном виде.

Так мы и сидели себе спокойно, пока я не услышал за спиной какое-то сопение. Я повернулся и обомлел — прямо за спиной у нас стояла средних размеров медведица и втягивала в себя с шумом воздух.

— Юра, — сказал я, — у нас тут сзади медведь принюхивается!

Он мельком бросил взгляд назад и спросил:

— Ты ракеты захватил?

— Захватил, — ответил я, — вот они, рядом с фотоснайпером лежат.

— А ракетница где?

— А ракетница твоя, ты должен был сам ее взять!

— Так я ее в лодке забыл!

Ситуация сложилась комичная, но смеяться почему-то не хотелось.

— И что будем делать? — спросил я у Ледина.

— А что тут делать? — вопросом на вопрос ответил он. — Давай закурим и одновременно тихо встанем и повернемся к медведю лицом.

Так и сделали. Правда, прикурил я после третьей попытки, когда догадался сразу зажечь одновременно пучок спичек. Когда повернулись к медведице и на нее пошел сигаретный дым, она смешно сморщила нос, чихнула и стала пятиться, но как-то одновременно назад и вбок. Так она отошла, не теряя достоинства, к гряде торосов, и только под прикрытием их стала двигаться от нас быстрее. Здесь и мы обнаглели, стали орать и стучать по треноге штатива кинокамеры и корпусу фотоснайпера. Медведица перешла на рысь. Некоторое время мы видели ее толстый зад, а затем она растворилась среди торосов.

Мы еще раз закурили. Меня поразило, как она могла так тихо подойти по гальке. Видимо, площадь опоры при ходьбе была такая большая, что ее немалый вес оказывал минимальное давление. Оно было и не удивительно, поскольку следы белого медведя на снегу были диаметром как у абажура, модного в тридцатые годы.

— Вообще, белые медведи — интересные звери, — заметил Ледин. — Самое главное, не приучать их к себе и всегда помнить, что это не плюшевый мишка, а опасный и могучий зверь, можно сказать, царь Арктики. Естественных врагов, кроме, пожалуй, человека, у него нет. Он вечный бродяга, особенно самцы. Они, в отличие от самок, в берлоги не ложатся, а шляются круглый год. И сентиментальностью и отцовскими чувствами не обременены. Могут при случае сожрать и самку, и медвежат. Лишь в период гона у них амурные отношения, и все. А жрут они, как ты и сам заметил, что ни попадя. И если на берегу есть какая-нибудь пропастина, то он, не обладая ложной брезгливостью, будет ее лопать, а не караулить свеженькую нерпу, на которую надо силы тратить. На Шпицбергене, когда я там находился в поле, был случай, когда шайка туристов стала прикармливать медведя. Он ходил туда, как в столовую. Постепенно аппетит у него стал увеличиваться, и они резко уменьшили ему рацион. Однажды утром один из туристов решил поспать рядом с палаткой. Лежал себе и сладко дрых, укутавшись в пуховый спальник, на солнышке. Мишка подошел, взял зубами за спальник и потащил этого охломона во льды. А надо отметить, что они от берега отошли метров на 70. Он спокойно перетащил спальник с орущим от ужаса мужиком через воду на ледяное поле. Туристы высыпали из палатки и наблюдали всю картину. Орали, стреляли из ракетниц, но медведь и ухом не повел. А несчастный мужик не мог расстегнуть молнию на спальнике и продолжал орать.

Медведь послушал, послушал, а потом просто надавил лапой тому на грудь. Мужик затих. Медведь задумчиво немного пожевал спальник, затем повернулся и ушел во льды.

Пока вышли на радиосвязь, прилетел вертолет, и любителя поспать на свежем воздухе сняли со льдины, тот был

уже готов. Да и грудь у него выглядела так, будто по нему бульдозер проехал.

Медведя того они так больше и не увидели. В тот же день вся группа туристов снялась и отбыла то ли в норвежский поселок Лонгир, то ли в российский поселок Пирамида.

После этого рассказа Ледина я окончательно понял, что его можно считать настоящим полевиком.

Пожалуй, он был единственный из всей многочисленной братии, за исключением, пожалуй, ленинградцев с «Ленаучфильма», о котором остались самые добрые воспоминания.

Позже я узнал, что он стал обладателем многочисленных зарубежных премий, заслуженно признан одним из самых талантливых режиссеров-документалистов в области природы, и о его творчестве был снят фильм. Жаль только, что широкая общественность ничего об этом не знает, а упивается слюнявыми телесериалами.

Доктор Гриша

Доктор попал к нам в отряд с подачи Москвича. Естественно, вначале вопрос о его присутствии в отряде в качестве рабочего был обговорен зимой, причем, пользуясь своим влиянием на магаданских биологов (в том числе, директора института и нашего зав. лаборатории), сделать это было нетрудно. Поэтому начальнику будущего отряда и думать было нечего, за него уже все решили старшие товарищи.

Положительным моментом являлась степень кандидата медицинских наук (вот в отряде и врач бесплатный), а наличие интеллигентности и возраста вообще придавало ему солидности. Мне он заранее почему-то представлялся доктором Айболитом, упитанным, розовощеким и веселым.

Действительность, как всегда, несколько разочаровала. Тощий, с крючковатым носом и впалыми щеками, несколько меланхоличный и мрачноватый, он сильно отличался от придуманного мною образа и разительно напоминал библейских пророков в пору, когда Христос только собирал их в единую команду.

Вдобавок, по словам москвича, должность его в Москве была ужасна. Он возглавлял медицинскую комиссию, выносившую вердикт летчикам гражданской авиации по здоровью, и здесь мнение Гриши было решающим. Зачастую мужественные асы, которые летали по всему миру, валялись у него в ногах, чтобы тот разрешил хотя бы еще полгодика полетать. Но доктор Гриша был непреклонен и свято верил показаниям анализов и всяких хитроумных приборов. Обращаться к нему с такими просьбами — это все равно что

умолять смерть заглянуть через полгодика, когда она уже подкралась к намеченной жертве и размахнулась косой.

Конечно, собираясь на остров, он прихватил с собой всевозможные лекарства, поскольку можно было только представить, что ему напел в уши Москвич перед отъездом, для которого разыграть очередного клиента было несомненным подарком. Лекарства понадобились неожиданно быстро. Нельзя сказать, что их у нас не было вовсе. Каждый полевой отряд обязан был по инструкции иметь медицинскую аптечку. Кое-что мы докупали сами.

Моя мама, поскольку всю войну прошла хирургической медсестрой, скомплектовала специальную аптечку, в которой были даже эфир, шприц, всевозможные зажимы Кохера и даже кетгут — это специальная нить, которой можно зашивать раны. Затем она сама рассасывалась, и швы не надо было снимать.

Я твердо знал, что в «поле» ничего не бывает лишним, так что Гришины лекарства не помешают. Хотя члены отряда болели исключительно редко и были здоровы до безобразия.

Выехали мы к горе Тундровой рано утром. Прямо в лицо дул противный и холодный северный ветер с колючей поземкой. Трактор тянул «пену» с нашим скарбом, часто останавливался, «пена» на отполированном ветром насте выписывала такие кренделя, что основная задача была не свалиться с нее во время движения, а если тебя все же угораздило, то догнать и заскочить обратно, и при том смотреть, чтобы ее краем не повредить себе ног. Короче, сплошная эквилибристика, только цирк уехал, а клоуны остались! К этому прибавлялись скачущие, как живые, рюкзаки, ящики, мешки и бочки, которые жили своей непонятной жизнью и все время норовили спрыгнуть на снег или дать по голове зазевавшимся пассажирам. Короче, все было как обычно.

Вдобавок, где-то или в Москве, или по пути на остров, Москвич умудрился подхватить грипп. От этого стал злой, прикипал постоянно текущими соплями к металлу и ругался на чем свет стоит. Ехать в кабине трактора он наотрез отказался из-за жары (у него ее и так хватало из-за поднявшейся температуры), грохота и вони. А спокойно лежать на куче нашего барахла было невозможно.

— Ну, потерпи немного, — успокаивали его мы. — Вот приедем, затопим печку, ляжешь в тепле и через два-три дня будешь как новенький. К этому моменту и погода наладится, и гуси начнут подлетать, и вообще жизнь заблещет красками!

— Для кого и наладится, а для кого и нет, — сварливо злобствовал он. — Жаль только, что мерзлую тундру копать под могилу тяжело. Лучше забросьте, как сдохну, на сопку — хоть зверюшки тундровые подкормятся, все же как-никак польза будет от моей смерти!

— Брось Лазаря петь, с нами доктор, он вмиг тебя на ноги поставит!

— Пользы от этих докторов как от козла молока, многим они помогли пораньше на тот свет уйти, — продолжал злобствовать больной, — хрен я им в руки дамся!

Гриша слушал своего московского друга и мрачно сверкал на него мудрыми библейскими глазами.

Наконец вдали появился пик Тундровый, на душе стало полегче, и через небольшой промежуток времени отряд радостно затягивал полевые шмотки в небольшой домик.

Быстро наладили капельницу. О ней надо сказать особо. Приспособление довольно простое. В лодочный бачок заливалась арктическая солярка. От бачка шел резиновый шланг с грушей для подкачки, Другой конец его заканчивался металлической трубкой с игольчатым краном. В конце трубки, которая через боковое отверстие просовывалась в печку, просверливалось несколько отверстий, а самый кончик ее

наглухо заделывался. Конец трубки покоился на дне небольшой чугунной сковороды. В сковороду наливалось немного солярки, она поджигалась, и пламя сильно нагревало трубку. Затем понемногу отворачивался кран, солярка достигала конца металлической трубки, жидкость приобретала газообразное состояние и с ревом била огненными струями через просверленные отверстия. В результате печка мгновенно нагревалась, и в доме спустя несколько минут устанавливался, по выражению Валентина, настоящий «Ташкент».

Были, однако, и неустранимые недостатки. За системой надо было внимательно наблюдать, тщательно дозировать поступление топлива. Кроме того, в самой печке, особенно ее трубе, через некоторое время скапливалась сажа, которая могла по недосмотру взорваться.

Когда капельницу закрывали и «укукулялись»*, как говорили полевики, в доме еще было довольно тепло. Затем температура в домике неуклонно падала и к утру сравнивалась с наружной. Поэтому вставать и вылезать из нагретого изнутри кукуля никому не хотелось. Обычно это делал или Валентин, или я. Поднимать спящих здоровым и крепким сном мужиков было исключительно мучительным занятием.

Но на это имелись специальные изуверские методы. В умывальник вставлялась спичка. Вода тонкой струйкой мелодично журчала в таз. Выдержать этого не мог никто. Матюгаясь, члены балка бежали за домик и возвращались оттуда с просветленным взором. После этого спать уже не хотел никто!

Но все равно, преимущества капельницы были налицо. Не надо было заготавливать и везти дрова и уголь, на весь период полевого сезона хватало 200-литровой бочки топли-

* Кукуль — это спальный мешок (прим. автора).

ва, а его на аэродроме в поселке Звездный было немереное количество, заготовленное еще с военных времен.

С отъездом систему разбирали и увозили с собой или прикапывали в надежном месте, чтобы местные аборигены, которые отличались отчаянной беспечностью, не смогли ею воспользоваться и сжечь домик (что и произошло, к сожалению, в 1976 году, когда пастухи нашли спрятанную капельницу, воспользовались ею, вовремя не выключили и сожгли дом дотла). Хорошо, что уцелели сами, правда, оставшись при этом только в обуви и трусах.

...После небольшого ужина все со вкусом закурили и повалились на нары. Москвичу дали жаропонижающее, а начальник отряда распаковал и начал чистить новехонький карабин «Барс».

Дело было в том, что оружие выдавалось начальникам полевых отрядов не для охоты, а для защиты секретных карт, за которые каждый расписывался и нес ответственность вплоть до уголовной. Вообще-то полагался пистолет, обычно револьвер типа наган или еще хуже — ТТ. Толку от них не было никакого. Носить тяжело, охотиться несподручно, можно было только надежно застрелиться самому.

Для карт полагалось еще возить специальный железный ящик с замком. Смотреть их мог только начальник отряда. Карты были старые, 30-х годов, вдобавок на них были тщательно зачеркнута координатная сетка, реки за сорок лет изменили русла, поэтому карты часто врали, но зато в углу стоял жирный штамп «СЕКРЕТНО». И была толстенная инструкция, тоже какого-то 30-лохматого года. Ее каждый год перед выходом в поле заставляли читать и расписываться. Пистолет таскать по тундре мог только сумасшедший, а карты обычно носил при себе начальник отряда в полевой офицерской сумке тщательно завернутыми в полиэтилен, дабы уберечь от дождя и вообще от греха подальше.

Старые полевики рассказывали мне забавный случай, который произошел с геофизиками в одном из магаданских академических институтов. Случилось это во время геофизической съемки в проливе Лонга, которая производилась с помощью вертолета. Геофизики сидели в кабине вертолета, который летел к очередной точке съемки, и дружно курили вместе с пилотами. Одна форточка со стороны первого пилота была приоткрыта. Чтобы дым не ел глаза, приоткрыли другую, противоположную. И тут секретная карта, которая лежала на коленях у начальника геофизической партии вдруг ожила, встрепенулась и как птица упорхнула через форточку. Тот схватился за голову, но было поздно: потоком воздуха ее отбросило за хвост вертолета — только ее и видели. Куда она приземлилась, не видел никто. Поиски длились довольно долго, но результат был нулевой — попробуй, разыщи белую карту среди абсолютно белых торосов!

Естественно, сообщили в Магадан. Мгновенно туда был срочно вызван начальник отряда, у которого, понятное дело, решетка уже маячила перед глазами. Директор института только получил звание академика и, безусловно, пользовался весом в Магадане, в том числе, и в органах. Поэтому решение отдали на откуп ему, тем более что нрав у него был крутой.

Перед разговором с начальником отряда он вызвал к себе на совет старых полевиков. Коротко изложил суть проблемы и спросил, могло ли быть это в принципе. Те матюгнулись и честно признались, что такое было почти с каждым, благо, что происходило на земле, а не в воздухе. Карты, конечно, отыскивались, но нередко в рваном виде. Поэтому в нарушение инструкции после получения секретных карт с них снимались копии. С ними и работали. А оригиналы или оставались дома, или хранились в поле в опечатанном железном ящике, который даже не открывался.

Академик вызвал к себе виновника, для приличия наорал, но дело прикрыл, заметив при этом, что если еще кто-то допустит такую промашку, то без разговоров выгонит виновника из института, и пусть дальше органы разбираются — продал тот Родину или нет.

...В тот год мне повезло, удалось взять вместо абсолютно ненужного пистолета новехонький карабин «Барс». Он был похож на детское ружье «Монте-Кристо», из которого стреляли барчуки в царское время. Легкий, прикладистый, калибр 5,65 мм, 4-х кратный оптический прицел, прямой выстрел — 300 метров, очень мощный заряд патрона, ствол внутри хромированный — достоинств не перечесть. Полуоболочная пуля вылила оленя с ног мгновенно. Если входное отверстие было незаметно, то на выходе была дыра, в которую спокойно пролезал кулак.

...Когда я достал карабин и повесил его на гвоздь над своей лежанкой, то у доктора вдруг возник какой-то подозрительный блеск в глазах, а руки сами собой потянулись к винтовке.

— Можно посмотреть? — каким-то чужим голосом промолвил он.

— Да бери, за погляд денег не берем, — ответил я.

Гриша схватил карабин, прижал его к груди, затем стал разглядывать то вблизи, то издали.

— А внутри посмотреть можно?

— Да наслаждайся хоть до утра, только не заряжай, а то сдуру здесь выстрелишь, потом хлопот не оберешься!

Доктор онемел от счастья. Он без конца открывал и закрывал затвор, смотрел в ствол, как в глаза любимой женщины, тряпочкой ласково протирал части карабина и прицела. Похоже, спать ему не хотелось.

— Ну и черт с тобой, обнимайся с ним, — сказал я, поскольку порядком надоела эта возня Гриши с карабином. — Назначаю тебя оруженосцем, теперь смотреть за пушкой будешь ты. Хранение, уход, то есть чистка, за тобой, и никому пока не давай карабин без моего разрешения.

Доктор обнял карабин и орлиным взором оглядел всех.

— Ну, всё, — заметил Валентин. — Привезли нормального, вроде, доктора, а он свихнулся и довольно быстро.

Гриша на эту ехидную эскападу никак не реагировал, по-прежнему занятый карабином. Вскоре все, кроме него, дружно захрапели. Правда, перед сном забросили в рот больному еще горсть таблеток.

Каково же было удивление, когда, отоспавшись и продрав глаза, все увидели Гришу с лоснившимся, любовно смазанным карабином в руках.

— Ты что, совсем не ложился? — с изумлением спросил Валентин.

— Что-то не хотелось, зато я досконально изучил оружие, — ответил тот.

— Ну, и что дальше?

— А как его заряжать и стрелять? — спросил доктор.

— А это довольно простое дело, сейчас чаю попьем, и пока Валентин сообразит чего-либо существенное, я тебя враз обучу, надо только пустую бочку оттащить от домика метров на 50 и положить ее, чтобы можно стрелять в дно, — сказал я.

— А лечить меня ты собираешься, помощник смерти? — промолвил жалобным голосом Москвич.

— Отстань, не до тебя, видишь, мы мужским делом собираемся заняться, — сурово ответил Гриша, — Я пошел бочку устанавливать, а чай пить не буду!

— Да, боюсь с таким доктором ты долго не проживешь, — заметил Валентин, — но ты не волнуйся, мы тебя прикопаем в хорошем месте и даже какой-нибудь мелкий ручей назовем твоим именем!

— Спасибо, утешили. — отозвался больной, — Не надейтесь, постараюсь не доставить вам такой радости.

Вскоре за стеной загремели выстрелы. Затем в домик зашел веселый раскрасневшийся доктор.

— А олени далеко? — спросил он.

— Да вроде бы отсюда не видать, особенно если не выходить наружу, — сказал Валентин, открывая килограммовую банку тушенки. — Ты лучше открывай банки, а я пойду, макароны заварю.

— Поскольку оружие ты изучил, то тебе и карты в руки, — сказал начальник. — Возьми карабин, патроны и сходи на пик Тундровый. Может, они вокруг него шляются. Если не очень далеко, то грохни одного, смотри только, пастуха случайно не застрелили.

После второго завтрака Гришу как ветром сдуло. Не было его примерно часа три. Наконец он ввалился в домик. По его счастливому виду было ясно — сходил он не впустую.

— Всё, добыл! — радостно сообщил он.

— А кишки ему выпустил? — поинтересовался больной Москвич.

— А зачем? — спросил доктор.

— А затем, что его раздует вскоре как бочку, — ответил тот, — желудок лопнет, а мясо провоняет и никто его есть не будет. Кроме того, надо его освежевать, расчленить и притащить сюда.

— А как? — опять спросил Гриша. — Я ведь только умерших людей вскрывал, а олень весь в шерсти!

— Так нам что, его для тебя специально побрить? — вмешался в разговор Валентин.

— Нет, конечно, но я думал, что вы пойдете вместе со мной и поможете!

— Ты убил, тебе им и заниматься. Мясо потом закопаешь в снежник недалеко от дома. Одну ногу принесешь мне

для харча, я уж с ней сам распоряжусь, —прозвучал суровый приговор.

Энтузиазм Гриши как рукой сняло. Он понуро повесил карабин и со словами «потом почищу» вышел вон.

Отсутствовал он долго. Истомившись ожиданием, Валентин решительно встал на лыжи.

— Пойду, помогу, — буркнул он, — не хватало нам еще, чтобы еще один Москвич сдох, туды их в столицу мать!

Видимо, близкий конец больного Москвича не вызывал у него особых сомнений.

Капитан только хмыкнул. Почему-то вспомнил, как в институте перед отъездом в «поле» инженер по технике безопасности вручил бланки актов на предмет несчастных случаев. Между собой начальники полевых отрядов называли их актами на списание людей. В актах подробно расписывалось, что нужно делать в случае несчастного случая почему-то на производстве (можно подумать, что в тайге и тундре существовали подпольные заводы и фабрики!).

Обычно, прибыв на место полевых исследований, Капитан собирал отряд и выступал с короткой речью. Напоминал, что поодиночке можно ходить только в пределах прямой видимости от базы. Правда, это правило опытными полевиками постоянно нарушалось, впрочем, как и самим начальником отряда, но по возможности ходили все-таки вдвоем. Требовал обязательно перед выходом в маршрут укомплектовать рюкзак и дать на проверку (в отряде этим ведал Валентин). Расписаться в журнале, при этом указать маршрут и контрольный срок возвращения. А самое главное, не лезть во всякую задницу и не строить из себя героя. Таких героев полно валяется разобранными на запчасти, по всей территории Колымы и Чукотки. В заключение он вынимал акты на списание и тряс ими в воздухе.

— Помните, что на каждого из вас акт уже имеется. В случае чего спишу к чертовой матери. И не дождетесь, что-

бы из-за очередного придурка я сел в тюрьму. У меня, как и у вас, семья есть, и ей отец и муж нужен, а не зэк. Поэтому пока предупреждаю, если кому-то не нравится то, что я сейчас требую, то лучше уехать сразу. Чем акт на списание на каждого подписывать, я лучше ему морду начищу. И буду делать это регулярно, пока до извилин не дойдет.

Такой монолог предназначался, конечно, для новичков, обычно полевых рабочих и студентов. Те, кто знал начальника ранее и уже ходил с ним в поля, только усмехались, но тем не менее авторитет его не роняли. Поскольку знали, что при случае он может и на самом деле в морду дать, если уж очень зарываться начнешь. Водился за ним такой грех.

Да и весил он под девяносто килограмм. Так что спорить и качать права было опасно для здоровья, да никто, впрочем, без нужды и не пытался.

Наконец Валентин с доктором ввалились с задней оленьей ногой в домик.

— Ну, и чего вы приперлись? — изогнул вопросительно бровь начальник.

— Знамо дело, чего, — ответил Валентин. — Доложить!

— Ну и докладывай, кто тебя за хвост держит!

— Короче, доктор завалил важенку, возраст примерно года два, хорошо, что пастухи не видели, а то бы обрыдались.

— А я откуда знал, что это самка, — виновато влез в доклад Гриша. — У нее, оказывается, тоже рога имеются, я подумал, что это самец!

— Мужики тоже самцы, и у многих рога тоже имеются, надо только их вовремя разглядеть, — ехидно заметил Москвич.

Все, включая доктора, расхохотались.

— Мясо хоть прикопали?

— Обижаешь, — ответил Валентин, — все по уму, в снежнике, метрах в ста пятидесяти на склоне пика в двух

ведрах с крышками лежит — хрена с два веселые собачки слопают, даже если докопаются!

Веселыми собачками он называл песцов, которых люто ненавидел, поскольку они каждый год разоряли гнезда гусей с завидным постоянством. Песцы, теряя свою роскошную белую шубку, с каждым днем становились все наглее, радостно ожидая, как и орнитологи, прилета гусей. Только интересы у них были разные: у ученых — научно-академические, а у песцов — гастрономические.

— Ну и хорошо, — подвел итог начальник. —Боцман, жарь свеженину, Грише — чистить карабин, остальные балдейте пока, а как поедим — по маршрутам.

— А я? — подал голос Москвич.

— А тебе бока обминать, пока не поправишься. Валентин за тобой приглядит, чтобы температура не зашкалила, да чтобы таблетки вовремя жрал.

— Так зачем же я сюда доктора притащил? Он должен сидеть у постели тяжело больного, гладить его по головке и приговаривать, что вы, батенька мой, уже получше выглядите, скоро совсем станете здоровеньким! Ведь лечит не столько химия, сколько доброе слово и участие. А то доктор бегает, как лось, в обнимку с карабином по тундре, убивает невинных важенок и вообще похож не на доброго Айболита, а на Али-Бабу и сорок разбойников сразу.

— Ну, с меня довольно, — рявкнул Гриша и сорвал со стены карабин. — Вставай и пошли!

— Куда? — опешил Москвич.

— Можешь не одеваться, одежда тебе ни к чему, болезнь твоя слишком затянулась, я тебя пулей враз успокою, и лекарства будут целы. А начальник спишет, я первый распишусь в акте. Сактируем тебя по причине сердечной недостаточности, и все дела.

— Боже мой, — заорал Москвич, — и это интеллигентный человек, кандидат наук, без пяти минут доктор. Братцы,

кого я привез, это же врач-убийца, он нас тут всех под акт подведет. А диагноз каков! С таким диагнозом на Колыме тысячи политзаключенных списаны вчистую. Ну и зверюга! Я думал, один только начальник у нас такой, но ему вроде бы по должности положено на всех рычать. Но чтобы Гришка, которого я знаю столько лет, показал свой кровожадный оскал — это же надо так быстро превратиться в монстра! Всё, бывший друг, видит бог, я страшно тебе отомщу!

Надо заметить, то ли после Гришиной угрозы, то ли вконец обессилев, вирус сам по себе сдох. Болезнь резко пошла на убыль, и через три дня бывший больной весело скакал по тундре, как молодой песец.

Надо отметить, что слово свое он сдержал. Так получилось, что в Москву он попал раньше доктора, и сразу же позвонил его супруге.

— Как Гриша, скоро ли будет в Москве, — поинтересовалась она, — и правда ли, что он на острове убил оленя?

— Какого оленя? А что, Гриша убил оленя? — спросил Москвич, умело изобразив замешательство, и, как талантливый артист, выдержал паузу. — Ах, да, Гриша, да, конечно, он, вроде бы, убил оленя!

В результате доверие к доктору как охотнику было навсегда подорвано.

Но этого ему показалось мало. В этом же году Григорию исполнялся юбилей, на который он пригласил своих друзей, в том числе и недавнего больного.

Москвич оказался верен себе. Заказал бронзовую роскошную табличку с гравировкой: «Здесь живет врач-убийца, кандидат медицинских наук» и ниже фамилию и инициалы Гриши. В ночь перед юбилеем он привинтил ее на входную дверь доктора, а головки шурупов залил эпоксидным клеем, чтобы их нельзя было отвернуть. С утра к Грише как известному и уважаемому медику потянулись гости, которые буквально теряли дар речи при взгляде на табличку, но как люди вежливые и интеллигентные юбиляру ничего не говорили.

К обеду появился Москвич. К этому моменту, отказавшись от безуспешных попыток снять табличку с двери, Гриша почти успокоился, но при виде своего заклятого друга взревел, как больной слон.

— Гришенька, успокойся и прими мои самые искренние поздравления, — фальшиво улыбаясь, промолвил тот. — Я в честь тебя две ночи не спал, все оду сочинял, сейчас прочту!

С этими словами он развернул сверток и достал настоящий пергамент с красной печатью. Выставив вперед ногу и напыжившись, он завывающим голосом, каким большинство поэтов, особенно женщины, читают свои стихи, прочел следующие строки:

Ходит по тундре легенда-плач,
Лечит пулею белый врач,
Тверда рука его и верен глаз,
Все болезни вылечит враз!

И далее — посвящается главному врачу-убийце с о. Врангеля, доктору (фамилия, имя и отчество).

Реакцию собравшихся гостей надо было видеть!

Затем Москвич сказал, что он отомщен, месть в его душе улеглась и он прощает Гришу, готов даже помочь снять табличку с двери.

Конечно, родным и коллегам этот юбилей доктора Гриши запомнился надолго. А он сам, надеюсь, с доброй улыбкой вспоминает остров, где впервые взял в руки оружие и ощутил себя настоящим добытчиком и мужчиной!

Охота на оленей

Первого в своей жизни оленя я добыл в Колючинской губе. И добыл, если быть точным, не я, а пес по кличке Уран, которого в поле взял наш начальник отряда Олег. Его, чистокровную немецкую овчарку, он привез с «материка», где тот был призером многих выставок, в том числе и международных. Соответственно, медалей у него было целый иконостас, «почти как у Брежнева», как ядовито заметил наш техник Валентин.

Скоро после прилета и обустройства я решил прогуляться по заснеженной тундре. Начальник отряда не возражал, только посоветовал взять с собою Урана и карабин.

— Далеко не шастайте. — сказал он. — С Ураном будь построже, можешь и по морде ему дать, но только за дело. Если просто так, то пес бросится и в клочья порвет. Он у меня умный и обидчивый.

— А если олень попадется? — спросил я.

— А что, ты и оленю хочешь по морде дать? — засмеялся он.

— Да нет, конечно, а вдруг удастся подстрелить? А то не сидеть же на одной тушенке все время, — с надеждой задал я очередной вопрос.

— Если стадо, то ничего не вздумай предпринимать. Значит, это домашние олени и невдалеке пастухи. Если один и не важенка, то можно осмотреться и затем грохнуть. Значит, это дикарь, — посоветовал техник Валентин, — за него ничего не будет, пастухи их сами стреляют, чтобы важенок из стада не уводили.

— А как их отличить, ведь у них у всех рога?

— А надо подкрасться поближе и заглянуть под хвост, они штанов не носят, поэтому сразу увидишь, кто мальчик, а кто девочка, — очень серьезно посоветовал начальник отряда.

В ответ на это замечание грянул такой хохот, что на столе задребезжали кружки.

Сборы были недолгими: я взял рюкзак, нож, карабин, моток веревки, бинокль, небольшой запас продуктов, на шею повесил шнурок с пропарафиненными и упакованными в презерватив спичками с кусочком коробка (опять забота предусмотрительного Валентина), и мы с Ураном двинулись в путь. Внешне, похоже, наша пара напоминала пограничный наряд, впервые выступивший на охрану государственной границы.

Вначале идти было приятно; светило солнце, где-то орали дикими голосами ошалевшие от страсти куропачи, весело пересвистывались пуночки, в вышине заливался трелями рогатый жаворонок. Пес носился по тундре, как щенок, видимо, начисто позабыв то, что он заслуженный чемпион в своем собачьем мире.

Но часа через три погода стало быстро меняться: откуда-то полез туман и совершенно преобразил всю местность. Небо слилось по цвету с тундрой, сопки исчезли, и в белесой мути было непонятно, куда идти. Надо было возвращаться. У Урана тоже пропал весь его задор, он опустил морду и понуро поплелся рядом со мной.

Неожиданно впереди я увидел большой белый холм с деревом наверху, внимательно к нему пригляделся и вдруг увидел медведя, который стоял на задних лапах и принюхивался. Мордой он стоял к нам и наверняка нас видел. Я лихорадочно сорвал карабин, передернул затвор, но прицеливаться не стал.

Еще отец, когда наставлял меня насчет охоты, говорил, что ни в коем случае нельзя стрелять медведя и кабана, когда они стоят мордой к тебе. Кости на башке пологие, пуля может срикошетить, а второй раз выстрелить просто не успеешь, зверь тебя сомнет.

— А как стрелять? — спросил я.

— Жди, когда он повернется боком и стреляй под ухо или по левой лопатке, тогда ляжет сразу!

Помня эти наставления, я ждал, когда медведь повернется, чтобы стрелять наверняка. Но тут Уран повел себя странным образом. Он оживился и помчался на медведя.

— Час от часу не легче, — подумал я. — Сейчас медведь задерет глупого пса и прощай его награды. Кроме того, я окажусь опять крайним, поскольку не удержал этого идиота-чемпиона, и начальник отряда тогда меня живьем сожрет, не хуже медведя!

Но и медведь при виде собаки тоже повел себя уж совсем неподобающим ему образом: как-то подпрыгнул, свистнул, махнул непонятно откуда взявшимся пушистым хвостом и как сквозь землю провалился. Пес же подбежал к тому месту, где стоял медведь, и стал рыть снег.

Крайне заинтригованный, я все же с опаской подошел к дереву и обомлел. Оказалось, что это большой куст полыни, а под ним — нора. Я обалдело на нее уставился, а потом буквально задохнулся от хохота. Оказывается, я принял в тумане не только куст полыни за дерево, но и евражка (полярный суслик) показался мне медведем.

Пес бросил копать и уставился на меня в полном недоумении. Видно, решил, что я свихнулся.

После небольшого перекура мы двинулись дальше. Подул ветерок, туман стал уползать, видимость значительно улучшилась. Птицы вновь оживились, и на душе стало веселее.

Так мы шли около получаса. Вдруг Уран стал принюхиваться, а затем опять куда-то помчался. Я присел на колено и стал наблюдать, что его так привлекло.

Оказалось, примерно в двухстах метрах брела одинокая важенка с маленьким олененком. И если олененок не шел, а буквально вытанцовывал на снегу, то его мамаша шла тяжело, все время проваливаясь в снег. К ним-то и мчался Уран.

Я попытался отозвать собаку, но куда там! Уран стлался над снегом по-волчьи, не обращая никакого внимания на мои вопли. Он налетел на оленуху и вцепился ей в горло. Та пыталась отбиваться от озверелого пса, но у нее ничего не получалось. У пса, видимо, тоже дела шли неважно, поскольку он никак не мог сквозь шерсть прокусить горло. Так они некоторое время кружились в смертельном танце, пока Урана не осенило — он забежал сзади и моментально перекусил важенке задние ноги. Та сразу рухнула на снег.

Когда я подбежал, почти все было кончено, мне оставалась только прирезать ее, чтобы избавить от мучительной смерти, что я и сделал. И тут заметил, что из вымени у нее сочится молоко, которое радостно слизывает Уран. Это меня вконец доконало, и я с удовольствием дал этому гурману несколько раз по морде. Прав был начальник отряда, пес даже не огрызнулся. При разделке туши я его не обидел. Видимо, поэтому, наевшись до отвала, он даже начал лизать мне руки.

Во время разделки и упаковки в рюкзак мяса я чувствовал себя очень неуютно. Мне все время казалось, что за мной с интересом наблюдают сквозь прорезь прицела хозяева важенки, и нам с Ураном эта охота может вылезти боком.

С тревогой я осмотрел окрестности в бинокль и ничего не увидел. Олененок будто растворился в тундре. Да и пастухов нигде не было видно.

Возникла извечная проблема всех убийц: куда девать труп? И тут нам повезло. Недалеко было озеро. Оно растаяло частично. То есть, основная масса льда плавала в центре, а по краям берега освободились, и темнела открытая вода. Меня осенило. Надо все, что осталось от важенки, собрать в шкуру и концы в воду. Сказано — сделано. Я сложил требуху, ноги, голову с рогами в снятую шкуру, завязал и с облегчением закинул весь этот тюк в озеро. Не тут-то было, он не желал тонуть. «Ничего, — подумал я, — сейчас мы это дело поправим».

Вытащил шкуру на берег, ножом наделал в ней дыр и опять бросил в воду. Она по-прежнему не тонула. Надо было что-то делать. Я немного подумал и стал собирать камни по берегам озера. Натаскал их приличную кучу, сложил в шкуру и, наконец, она медленно затонула.

С чувством исполненного долга я помыл руки, взвалил на плечи тяжеленный рюкзак и двинулся в обратный путь. Черт меня дернул через километр обернуться и посмотреть в бинокль на озеро. Шкура опять красиво плавала вблизи берега.

Пришлось возвращаться, опять собирать камни, каждый обвязывать бечевой, предварительно расплетая для этого капроновый фал, привязывать камни к шкуре и только после того, как она окончательно пошла на дно, я успокоился и пошел в сторону нашего домика, где спокойно отдыхал весь отряд.

Мясу, конечно, были рады. Мне же и глядеть на него было противно. Позже, когда я рассказал о своих мытарствах со шкурой, начальник отряда заметил, что опытные браконьеры поступают иначе. Надо было оленьи ноги с копытами раскидать по тундре, от головы отбить рога и тоже раскидать, песцы их в момент растащат в разные стороны и прикопают. А шкуру ножом располосовать на ленточки. На

солнце эти ленточки завернуться в колечки и первый же ветерок их раздует по тундре, а там зверюшки и птицы очень будут рады неожиданной пище и готовому строительному материалу. Верхом глупости было пытаться утопить шкуру; волос у оленя полый, наполнен воздухом, поэтому олени на воде не тонут, а оленьи спальники (кукули) — самые лучшие. В них можно спать на снегу в любой мороз. Правда, поскольку олений волос полый, он хрупкий и легко ломается. И вылезая из такого спальника, ты весь осыпан этими «макаронами» (как их называют полевики). Эти «макароны» летают везде, особенно их много попадает в миску, но суп от этого вкус не теряет. Лишь всякие придурки с материка с непривычки рожи кривят, да и то лишь поначалу, потом быстро привыкают и лопают за двоих.

В этом я довольно быстро убедился, когда впервые переночевал в яранге и поел мяса с бульоном. «Макарон» в бульоне было полно, но никого это, в том числе и меня, не смущало. Правда, удивило, что мясо варят очень недолго и без соли. Но, оказывается, это правильно.

В этом я убедился недавно, читая подаренную мне уникальную кулинарную энциклопедию Похлёбкина. В ней он пишет о том, что при варке мяса соль кладут за несколько минут до окончания. А уж ему нельзя не верить!

Так я добыл, вернее, мы с Ураном добыли, первого моего оленя на Чукотке. Только было жаль олененка, лишившегося матери. Хочется надеяться, что он остался жив, хотя вряд ли.

Позднее я узнал, да и сам на острове Врангеля видел, что почти сразу после отела самка оленя покидает малыша. Он рождается темным и совершенно не заметен на обнажившейся тундре. Лежит себе, свернувшись, и греется на солнышке. Лишь к вечеру мать прибегает к нему, кормит окрепшего малыша и забирает в стадо. Через день этот олененок

носится как угорелый. Я, начитавшись рассказов о животных, думал, что неблюй (так зовут чукчи только что родившегося детеныша оленя) слабый и не приспособленный к жизни, как человеческое дитя. Оказалось, что мать-природа намного мудрее. Жаль, что мы об этом часто забываем. Да еще с дури пытаемся жить не по ее законам, а по своим, неизвестно кем выдуманным.

Олени, добытые Москвичом

Надо признаться, что один из первых оленей, убитый орнитологами, погиб от злодейской руки Москвича. Прибыв впервые на остров, он умудрился тайком провезти с собой мелкашку и патроны к ней. Время тогда было спокойное; отгородившись от остального мира «железным занавесом», страна и знать ничего не хотела о каких-то там террористах. Ну, борются люди за свободу от проклятого ярма империализма, чего-то там изредка взрывают, ну а у нас против кого бороться? Против собственного народа? Да, есть инакомыслящие, чего-то там изредка орут и дружно потом в психушки попадают. Выходят тихие и умиротворенные, и все им нравится. Так думало большинство населения и правоохранительные органы тоже.

Поэтому, если ты вез оружие, тщательно упакованное в багаже, то это никого не волновало. Лишь бы не торчало за поясом или не болталось на плече. Тогда необходимо было показать разрешение и сдать оружие экипажу на время полета.

А уж в тундре, тем более на острове Врангеля, батарею гвардейских минометов можно было упрятать, не говоря уж о маленькой мелкашке. Маленькая-то маленькая, но оленя со 150–200 метров валила запросто, если бить по левой лопатке. Главное, что выстрел негромкий, олень совершенно его не пугался, просто устало ложился на тундру и тихо умирал.

Первого оленя Москвич встретил в Тундре Академии в нижнем течении реки Тундровая. Громадный, как лось, он

лежал на противоположном берегу озера. Особенно впечатляли рога, громадные и ветвистые. Дул сильный и порывистый ветер, что осложняло стрельбу. Москвич учел это обстоятельство, поэтому первый выстрел сделал заведомо выше. Пуля взбила фонтанчик земли в полуметре над головой оленя. Вторая легла ниже, почти у самого уреза воды. Взяв таким образом оленя в артиллерийскую вилку, Москвич выстрелил точно по цели. По оленю словно ударили кнутом, взбив небольшое облачко пыли. Он вскочил и почему-то бросился в воду. Озера на Врангеле относительно мелкие, глубина редко превышает полтора метра. Поэтому олень не плыл, а бежал по дну озера и, добежав до середины, благополучно скончался.

Москвич пошел его вытаскивать. Пройдя некоторое время, обнаружил, что вода начинает заливать болотные сапоги. Делать нечего, пришлось вернуться, снять сапоги и идти без них. Оказалось, что под тонким слоем ила на дне озера сплошной лед. Пока он шел до оленя, стараясь удержать разъезжающиеся ноги, пришлось несколько раз упасть плашмя лицом в весьма прохладную воду. Как он тащил оленя на берег и что при этом говорил, не узнает, наверное, никто. Наконец весь злой и мокрый Москвич принес полтуши оленя в балок. Олень оказался к тому же и старый. Соответственно своему почтенному возрасту, он не поддавался ни жарке, ни варке. Сделать мясо съедобным удалось только с помощью мясорубки.

Члены отряда мужественно ели котлеты и рассуждали, что это великий грех — убить оленьего патриарха, который существовал на острове, наверное, со времен Ушакова и решил сам тихо уйти из жизни. Ан нет, погиб от злодейской руки убийцы. И хотел того забодать, но сил не хватило нести такие роскошные рога. А может, не хотел замарать их черной поганой кровью подлого убийцы и уйти к «верхним

людям» в бесчисленные оленьи стада с гордо поднятой рогатой головой.

Москвич, сам великий мастер розыгрыша, тихо сопел в миску, в душе проклиная и красавца оленя, и озеро, и великолепный выстрел, и себя. Поистине, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. С тех пор он бил оленей только на выбор, желательно недалеко от дома и нестарых.

Следуя золотому правилу, он однажды подогнал небольшое стадо оленей прямо к балку, завалил из своей мелкашки важенку, вспорол ей брюхо и с чувством глубокого удовлетворения пошел в балок пить чай. Благо, в балке он был в это время один.

Поставив на примус чайник, Москвич тщательно почистил винтовку, повесил ее на стену и вдруг услышал за стеной балка какие-то голоса. Выглянув в окошко, он увидел двоих пастухов, которые стояли у тела мертвой важенки, размахивали руками и о чем-то оживленно спорили.

Москвич спокойно вышел в предбанник, снял закипевший чайник и стал заваривать чай. В это время в балок вошли двое, один — молодой парень-эскимос а второй — пожилой чукча.

— Вы зачем убили оленя? — не откладывая дело в долгий ящик, спросил пожилой чукча.

— Какого оленя? — изобразив на лице неподдельное удивление, ответил вопросом на вопрос Москвич.

— Как какого? — вступил в разговор молодой пастух. — У вашего балка лежит убитый олень!

— И с чего вы решили, что я его убил? Может, его кто-то убил и мне подбросил, а может быть, он сам сдох.

— Не мог он сам сдохнуть: во-первых, это молодая важенка, а во-вторых, у нее пузо разрезано и кишки лежат наружу, — резонно возразил старик.

— Слушайте, вы мне со своим оленем уже надоели, — нагло заявил Москвич. — Кто за оленями должен смотреть, вы или я? Они бегают у вас по тундре, подыхают, где им вздумуется, кто-то им пуза вспарывает, а порядочные люди должны за все это безобразие отвечать!

— А можно винтовку посмотреть? — гнул свое хитрый старик.

— Да, пожалуйста! — ответил Москвич, — хотя вы и не следователь, а я не подозреваемый и не обвиняемый!

— Какомей! — удивился старик, заглянув в дуло, — однако совсем чисто! Кто же важенку убил?

— В который раз говорю, не знаю я никакой важенки, не слышал никаких выстрелов и никого не видел. Спал, правда, крепко, а затем стал чай варить. Потом вы пришли, — с невозмутимым видом дурил пастухам головы Москвич.

— И что же нам теперь делать? — зачесал наконец старик озадаченно в своей полуседой, но густой шевелюре.

— А что хотите, то и делайте. Ваш олень — вам и решать.

Вконец обалдевшие от такой наглости пастухи коротко посовещались и вынесли вердикт: оленя подарить, поскольку он уже мертвый, себе взять немного свежего мяса, а часть приготовить прямо сейчас. Москвич не возражал против такого варианта.

Важенку быстро разделали, немного мяса и голову пастухи упаковали в свои рюкзаки, заднюю часть сварили и пожарили, а остатки туши прикопали в снежник неподалеку от балка.

Только закончили трапезу, причем от доброты душевной Москвич преподнес им по рюмке спирта, и перешли к чаю, откуда ни возьмись появился вездеход с начальником отделения оленеводческого совхоза.

Он, как охотничий пес, верхним чутьем шел на запах оленины. Тут еще старик оленевод, видимо под влиянием

спирта, опять затянул старую песню, что вот, мол, какую хорошую важенку загубили!

— Это какую важенку и кто загубил? — тут же встал в стойку, как пойнтер, мгновенно насторожившийся Юнак.

— Никто никого не загубил. Это я подарил своего оленя ребятам. Пусть едят, да и мы себе мяса немного взяли, — спас положение молодой пастух, ногой лягнув под столом старика.

— Это хорошо, это не возбраняется, — с удовлетворением отметил Юнак. — А меня свеженинкой хоть угостите?

Отобедав, гости загрузились в вездеход и благополучно отбыли восвояси.

— Самое главное — никогда и ни в чем не сознаваться, — поучал членов отряда Москвич, поведавший свои давние приключения на острове. — Обязанность доказывания лежит на следствии. Надо твердо помнить 49 и 51 статьи Конституции Российской Федерации. Желательно знать их наизусть!

— Да, я хоть по рождению и сам москвич, но таких пройдох даже в Москве, наверное, вряд ли больше десятка найдется, — заметил Хлёсткин. — Впрочем, может, ты в чем-то и прав. Народ у нас слишком забитый, скомандуешь повеситься, так не только сами в очередь выстроятся, но еще и мыло в складчину купят!

— Вот и я говорю, — мгновенно откликнулся Москвич, — надо знать свои права и, как Ося Бендер говорил, чтить Уголовный кодекс. Тогда тебе сам черт не брат!

...Последнего своего оленя в этот полевой сезон Москвич завалил на глазах у начальника отряда.

Дело обстояло следующим образом. Они вместе вечером, голодные, как два песца, возвращались с маршрута. У начальника на плече болтался карабин «Барс». До базы у горы Тундровой оставалось менее километра, когда вдруг Москвич взял за плечо Капитана.

— Что это ты обниматься надумал, ничего съестного у меня в карманах нет, — невежливо буркнул тот.

— Тихо: олени, и по-моему, приличное стадо, — почему-то шепотом промолвил Москвич. — Давай я одного завалю, тащить недалеко, зато с мясом будем. То-то Боцман рад будет!

— Да я не против, — откликнулся Капитан. — Твоя идея — вот и давись ею! А я пока чай закочегарю, а потом тебе помогу рогатого в голом виде дотащить.

С этими словами он сдернул с плеча карабин, передал его Москвичу и, раскачиваясь, как старый чукча, двинулся по кочковатой тундре к дому. Дошел он быстро. В домике никого еще не было.

Капитан мгновенно разжег «Шмель», поставил на него прокопченный чайник и, прихватив подзорную трубу, которая позволяла увеличить рассматриваемый объект в 32 раза, вышел понаблюдать за действиями Москвича. Видно было все как на ладони.

Москвич, в три погибели согнувшись, приближался к медленно движущемуся стаду. Вот он опустился на колени и пополз, вот стал поднимать ствол карабина. Стадо резко дернулось, пробежало несколько метров и опять стало спокойно пастись. Москвич отложил карабин в сторону, сел и спокойно закурил.

— Все грамотно сделал, собака, — уважительно подумал Капитан, — а выстрела не слышно из-за ветра. Теперь ждет, чтобы олешек «заскучал» окончательно.

В трубу было великолепно видно, как один олень отделился от стада и лег на тундру, но голову пока держал высоко. Москвич встал и пошел прямо к оленю. Стадо ускорило шаг и вскоре скрылось за ближайшим холмом.

— Что-то рановато его черти к оленю понесли, — подумал про Москвича Капитан. — Как бы тот ему не начал фортеля выкидывать.

Тем временем тот подошел к оленю сзади и нагнулся над ним. Олень поднял голову, оглянулся и копытом ударил незадачливого охотника в живот. Удар, видимо, был не слабый, поскольку Москвич даже выронил карабин и отлетел метра на два. Поднявшись на ноги и подобрав карабин, незадачливый охотник обошел оленя сбоку и прицелился ему в голову. Затем опять отложил карабин, выхватил нож и ухватил оленя за отросток рога. Тому не понравилось такое фамильярное отношение, он резко мотнул башкой, и Москвич вновь полетел по воздуху, только держа в руках уже не карабин, а нож. Приземлившись, как кот, на четыре конечности, он стал буквально бросаться на оленя. Как продолжалась эта схватка дальше, Капитан видеть не мог, поскольку согнувшись пополам и обняв бочку, на которой стояла подзорная труба, он буквально рыдал от хохота.

Вскоре подошел Москвич. Оглядев бочку, подзорную трубу и подозрительно равнодушного Капитана, он сразу все понял.

— Ну, что, все видел? — спросил он хмуро. —Представляешь, я ему и глотку перерезал, а он все никак не успокоится. Какой-то бешеного здоровья олень попался.

— Бывает, — согласился Капитан. — А куда ты в него пулей попал и почему не добил из карабина?

— Так в карабине был всего один патрон, и пуля вошла оленю в задницу. Стал бы я на него с ножом бросаться, как взбесившийся от ревности восточный мужчина, — расхохотался наконец-то Москвич. — Ты что, специально один патрон оставил?

— Да нет, конечно. Просто ты не спросил, а я не подумал. Видимо, степень дурости у нас примерно одинакова, — ответил, усмехаясь, Капитан. — Ладно, пошли, притащим этого героя с пулей в заднице, пока ребят нет.

Вдвоем они быстро разделали оленя, притащили домой и даже поставили жариться мясо в большой сковороде. Тут подошли остальные и, как волки, накинулись на свежеванину. Капитан решил умолчать про подробности охоты, но Москвич, ничуть не смущаясь, в красках расписал свою битву с рогатым в таких образных выражениях, что народ ржал, как безумный. А Капитан хохотал от души с остальными и думал, как ему повезло: жить и работать рядом с такими замечательными ребятами — настоящими полевиками, как говорится, от бога.

Кто в оленьем стаде вожак?

До тех пор, пока я не видел оленей в природе, то считал, что вожак — это могучий самец с огромными рогами, который руководит робкими самками и шаловливыми оленятами. Естественно, что ему подчиняются и молодые, но еще слабые самцы. Потому в стаде царит полная гармония, и лишь во время гона происходят слабые попытки померяться силой с вожаком.

Только попав на остров Врангеля и вдоволь насмотревшись на реальную жизнь оленьего стада, я понял, насколько был заражен антропоморфизмом и пропитан духом Бред Гарта, Сетон-Томсона и Киплинга.

Может быть, у материковых диких оленей и существовала какая-то иерархия в стаде, но у островных она отсутствовала напрочь! Они шлялись по острову когда, куда и где хотели, почти не обращая внимания на так называемых пастухов. Те просто ходили пассивно за стадом, целыми днями сидели в палатке, играли в покер и выпивали при этом неимоверное количество чая.

Да и чего было надоедать оленям. С острова они не уходили, всякий гнус отсутствовал. Он появился лишь после очередной безумной идеи заведующего отделением совхоза «Пионер», который размечтался о несметных стадах белых оленей на острове. Капитан, и не только он один, пытались объяснить ему, что белые особи появляются в результате рецессивного гена и обречены на вымирание. С таким же успехом можно было бы заняться разведением белых ворон. Но все уговоры были тщетны!

Окончательно зациклившись на этой идее, радостный Юнак специально привез несколько белых оленей на остров с Таймыра, а заодно завез и овода. Так на острове появился этот злобный кровосос, который сразу же занял удобную экологическую нишу и начал усиленно размножаться, а у оленей кончились золотые денечки.

А до этого в благодатных условиях острова, при полном отсутствии врагов и паразитов, практически в санаторных, по их меркам, условиях, олени вырастали громадные, как лоси, и славились по всей Чукотке. Их мясом снабжались два прииска — Полярный и Ленинградский — естественно, и жители самого острова не оставались без оленины.

Человека врангелевские олени не то, чтобы боялись, просто старались избегать. Но можно было сутки–двое походить вместе со стадом, и они переставали обращать на тебя внимание. Стадом после этого можно было управлять, постепенно заставляя двигаться в нужном тебе направлении. В этом и заключался, как я понял, выпас оленей на острове.

Конечно, изредка стадо подгоняли ближе к поселку для проведения зоотехнических мероприятий или для забоя, но такие события происходили редко, поэтому практически вольный выпас устраивал всех: и оленей, и пастухов, и, в конечном итоге, отряд орнитологов, поскольку баночная диета в поле надоедала до смерти.

И все же вопрос иерархии в стаде оленей Капитана занимал вплоть до одного случая.

Как-то на склоне пика Тундровый, у подножья которого стоял наш маленький домик, он увидел небольшое, голов в 70, стадо оленей, с совсем маленькими телятами.

— Попробую загнать их на вершину пика, — подумал Капитан. — Малыши наверняка устанут лезть на гору, они же маленькие и слабые, может, мне удастся поймать хоть одного. Будет у нас свой олень в отряде. Может, сделаем его ездовым?

Решив так, он бросился за стадом вверх по склону пика. Но через короткое время понял, что четыре ноги намного лучше, чем две, а то, что олени не курят, позволяет им дышать более свободно, чем 30-летним самоуверенным идиотам вроде него.

Короче, когда он наконец, обливаясь по́том и задыхаясь, добрался до вершины, оленей там давно и след простыл. Они мчались по тундре километрах в трех-четырех от подножья горы, причем впереди стада неслись как угорелые, именно «маленькие и слабенькие» оленята.

Примерно с полчаса Капитан сидел на вершине пика, отдыхал от этой гонки за оленями и хохотал над своей собственной дурью.

За оленями он больше с тех пор не бегал, поскольку это совершенно бесполезное занятие, до жути напоминающее то, как некоторые собаки бросаются с лаем вслед за проезжающими мимо машинами.

Наблюдая затем за стадом оленей на отдыхе, во время кормежки или перекочевки, Капитан заметил, что совершенно не важно, кто в стаде поднял панику и по какому поводу. Это может быть огромный самец, молодая важенка или олененок, которому и недели не исполнилось со дня рождения. Стадо как по команде бросается за убегающим в панике животным, затем так же внезапно останавливается и спокойно пасется до следующего истеричного броска.

Может, эти инстинкты были заложены эволюцией? Ведь когда каждому животному в стаде грозит смертельная опасность, рассуждать времени нет, и тут спасение только в быстрой реакции. И рассчитывать приходится только на быстроту ног! Или такие броски входят в расписание ежедневных спортивных тренировок каждого оленя. Кто знает? Толковых объяснений от тундровиков он не слышал, а сами олени по этому поводу многозначительно молчат.

Может ли олень быть хищником?

Казалось бы, совершенно глупый вопрос. Все равно как может ли волк быть травоядным? Для Капитана этот вопрос до острова Врангеля был ясен как божий день. Однако, внимательно наблюдая за питанием оленей, он начал понемногу задумываться.

Видели ли вы тундру после того, как по ней прошло стадо оленей? Она выглядит, как будто Мамай прошел войной. Широкая полоса, где не осталось ничего живого. Это «милое животное» лопает все подряд: траву, грибы, яйца птиц вместе со скорлупой, птенцов, леммингов, жуков и пауков, короче все, что хоть мало-мальски пригодно в пищу. Даже грызет сброшенные прошлогодние рога, как ребятишки козинаки. Особенную ненависть у орнитологов вызывала его прямо-таки патологическая страсть к поеданию птичьих гнезд.

Надо отметить, что в то время отряд работал по совместной советско-американской программе, посвященной изучению экологии белого гуся, который гнездился на острове Врангеля, а на зимовку улетал в Калифорнию. Чтобы лучше различать птиц, американцы придумали легкие оранжевые ошейники с номерами. Российские ученые отлавливали гусей во время линьки, одевали им ошейники, и они держались на птицах два-три года, позволяя без отстрела наблюдать птиц на местах гнездования, зимовок и во время перелетов при помощи оптики. Особую ценность представляли загнездившиеся пары, где оба гуся были с ошейниками.

Однажды под вечер Капитан возвращался с маршрута и заметил на гнездовье оленей. Нехорошее предчувствие сжало сердце. В двухстах метрах от балка орнитологов было контрольное гнездо, где и гусак, и гусыня были с ошейниками. Причем птицы так к орнитологам привыкли, что на них почти не реагировали и позволяли спокойно за ними наблюдать. Гусыня отложила шесть яиц и трудолюбиво их насижывала. Песцы, поскольку балок был недалеко, шастали рядом, но гнезду не угрожали. Короче, гуси были отряду как родные, а гнездо было так дорого, как будто весь отряд туда отложил яйца.

И что же Капитан увидел?! Недалеко от гнезда стояли печальные гуси и с обреченным видом смотрели, как засунув свою наглую морду в гнездо, словно в сковородку, олень с упоением пожирал яйца.

— Перестань немедленно, проклятая скотина! —завопил он, срывая с плеча карабин «Барс».

Не тут-то было! Рогатый уже не мог оторваться от такого угощения и стал торопливо доедать яйца, озираясь и хищно слизывая с губ скорлупу с остатками желтка. Вытерпеть такую наглость было свыше человеческих сил!

Капитан выстрелил прямо по правой лопатке. Пули в карабине были полуоболочные. Такой снаряд при скорости 300 м/сек как нож в масло входит в тело, но, встретив сопротивление в виде кости, принимает грибовидную форму и выносит кость вместе с мясом напрочь.

Так получилось и с этим злополучным гурманом. Его левую лопатку почти оторвало вместе с ногой. Олень очень удивился, прыгнул и попытался приземлиться, но ноги не было, и поэтому он красиво, как в американском боевике, кувыркнулся через рога и затих.

В другое время можно было бы порадоваться такому красивому выстрелу, почти как в голливудском фильме, но не сейчас. Капитан подошел, убедился, что яиц в гнезде не осталось, несколько раз со злобой пнул оленя и пошел к балку. Там некоторое время просто сидел и нервно курил, а народ терпеливо ждал рассказа о том, что произошло.

— Что произошло? А то, что сожрало «милое травоядное» наше лучшее контрольное гнездо, чтобы ему подавиться на том свете. Идите и заберите эту скотину на мясо. Лично мне на него смотреть противно, да и есть я эту падаль не буду. А увидите пастухов, то хоть одного за шкирку притащите сюда. Разговор серьезный к ним есть.

Ребята освежевали и прикопали в снежник оленя, а на следующий день рано утром пастухи сами заявились в гости. Встретили их неласково.

— Вот гнездовье, вот ваши олени, вот вы, — сказал Капитан, — предлагаю вам убраться в течение получаса с гнездовья. Через полчаса начинаю стрелять. Время пошло!

Пастухи молча переглянулись и вышли. В течение получаса на гнездовье оленей не было, как, впрочем, и пастухов. И вообще, в этот сезон мы пастухов больше не встречали, что было удивительно. Обычно они хоть раз в две недели появлялись у нас, делились островными новостями, приносили и забирали почту, а тут как вымерли все.

Заехавший на гнездовье Винклер легко разрешил недоумение по этому поводу.

— Сами виноваты, — сказал он, хитро улыбаясь в свои роскошные усы. — Бедные оленеводы примчались в поселок и сказали, что ваш начальник с ума сошел, велел не появляться вблизи гнездовья и по людям стреляет из карабина. Кому же охота пулю получить! Это мне на все плевать, семьи и детей нет, если и застрелят, то горевать особо некому. Поэтому я и приехал, такой уж я отчаянный мужчина!

Ребята валялись от хохота, а Капитан задумался: какую же силу имеет слово, особенно если оно не понято и неверно истолковано.

С тех пор к северному оленю, особенно врангевской популяции, у Капитана стало отношение особое. Видимо, ему сильно не хватает минеральных солей, поэтому он и стал такой всеядный. А может, подобный спектр питания у него запрограммирован суровостью северной природы? Кто может дать однозначный ответ? Лично для орнитологов он травоядное животное, которое с превеликой радостью способно превращаться в хищника. И попробуйте их в этом переубедить!

А с пастухами отряд осенью все же встретился в поселке и наладил отношения. По крайней мере, с Капитана спала маска кровожадного тундрового монстра, охотника за невинными пастухами-оленеводами.

Кибернетик Леонид

С какими только личностями порой не сталкивает нас судьба!

Перед началом этого полевого сезона директор института сказал, что у него есть приятель, который мечтает провести свой отпуск в северных диких местах, то есть там, где минимум людей и максимум природы. К трудностям он готов, бывал уже в полях и, хоть по характеру своей работы является кабинетным ученым, готов к любой работе. Короче, он выделяет ставку рабочего, вот на эту ставку и следует его взять. Прибудет он на остров самостоятельно к началу июля, месяц пробудет с нами, а затем также самостоятельно покинет отряд.

Спорить с руководством — плевать против ветра. И хотя Капитан был против случайных людей в отряде, в принципе он не перечил.

Отработав положенное время на гнездовье белых гусей, отряд вместе с последними уходящими выводками покинул базу на пике Тундровый и спустился по речке с одноименным названием в Тундру Академии — довольно большую северную равнинную часть острова. Там в изобилии росла трава, и гуси вместе с птенцами ели ее почти непрерывно, набирая вес и силы для дальнего путешествия к местам зимовок на американском материке. Примечательна эта местность была еще и тем, что изобиловала массой озер, ручейков и речек. Взрослые гуси, которые из-за выпавших маховых перьев и сильной потери веса становились в этот период совершенно беззащитными, могли использовать от-

крытые водные пространства для спасения от песцов. Те же совершенно нагло шастали по тундре, похожие на облезлых дворняг, и давили всех: леммингов, гусят, птенцов других птиц и даже пытались укусить за сапог человека, если тот проходил слишком близко от их нор.

Поведение песцов было вполне объяснимо. Лемминга в этот год хватало и поэтому почти в каждой норе находилась по тощей самке с целой кучей толстомордых, веселых и голодных щенят, казалось готовых съесть за один присест если не лошадь, то уж оленя средней величины точно. Пока щенки не начинали охотиться самостоятельно, проблемами питания песцовой семьи был озабочен самец, который гонялся, как заведенный, по своему охотничьему участку в надежде сцапать уж если не гуся, то, по крайней мере, зазевавшегося птенца. По пути потявкать на соседа, прогнать его со своей территории, а может, и самому что-то прихватить на чужом охотничьем участке. За день глава большого семейства так урабатывался, что порой просто дрых без задних ног. Иногда можно было подойти и пнуть безмятежно спящего лохматого папашку, на что он долго и визгливо ругался на своем песчином языке.

...Не успели орнитологи толком обжиться на новом месте в долине реки Тундровой, как к ним пожаловали гости из Ушаковского и доставили нового члена отряда. Леонид, как он коротко представился, был довольно плотного сложения, выше среднего роста, с красивой седой шевелюрой и еще более красивыми очками в дорогой черепаховой оправе. От всего его облика исходила аура солидности и академизма. Одет он был в новехонький штормовой костюм, высокие резиновые импортные сапоги, вдобавок имел настоящий «абалаковский» рюкзак — предмет мечтаний каждого альпиниста и полевика. Орнитологи на его фоне смотрелись, как шайка оборванцев.

— Да, крутой парниша! — с известной долей ехидства и зависти произнес Москвич.

— Крутыми бывают горы и яйца! — буркнул Боцман. — В деле посмотрим, потом и определимся.

Леонид, к его чести, сделал вид, что не слышал этих реплик, улыбнулся, подхватил рюкзак и безошибочно направился к Валентину.

— Я тут по дороге кое-что прихватил из еды. Возьмите на общий кошт, может, что-то и пригодится? — обратился он к нему.

— Пойдем на камбуз, там разберемся, — проворчал заметно подобревшим голосом тот, и они скрылись в соседней палатке, куда Боцман пускал далеко не каждого и где находились все запасы продовольствия

«Кажется, мужик и в самом деле не такой уж придурок, каким мы его представляли, — с известной долей облегчения подумал Капитан, — может быть, и приживется».

Оказалось, что он доктор физико-математических наук, по специальности радиоинженер, работает в Киевском институте кибернетики завлабом, в поля ходил и раньше, поскольку считает это наилучшим отдыхом от своей кабинетной работы, да и вообще сам по натуре романтик.

Это последнее его определение нас несколько насторожило. Да, полевики, как и моряки, — люди романтической профессии, но упаси бог открыто об этом заявить в компании себе подобных! Высмеют и сожрут без масла тут же, да еще и кличку какую-нибудь прилепят, что вовек не отмоешься. Это все равно как певцу самого себя называть великим артистом, или женщине в кругу подруг назвать себя самой прекрасной из них.

Способности каждого человека проверяются в поле сразу — это аксиома. Не избежал этой участи и Леонид. На следующий день надо было устанавливать антенну для радиостанции «Карат», чтобы связаться с группой из нашего отряда, которая работала на мысе Уэринг (крайней северо-восточной оконечности острова), где изучала птичьи базары. А это было приличное расстояние, которое превышало стандартные характеристики рации примерно в десять раз.

«Карат» очень облегчал нам работу. Жаль только, что частота у него была фиксированная, а дальность связи сравнительно небольшая. Как говорилось в инструкции, «гарантирована связь примерно в пять километров в условиях прямой видимости». Правда, как и у всех приборов, изготовляющихся в советское время, был у него приличный запас прочности, а возможности зачастую превосходили стандартные характеристики.

По правилам техники безопасности требовалась устойчивая радиосвязь, что при маломощности таких раций было весьма проблематично. Короче, требовалась надежная антенна.

— Стоп! — хлопнул себя по лбу Москвич. — Чего мы тут напрягаем свои гуманитарные мозги, если у нас радиоинженер без дела засыхает. Пусть рассчитает нам оптимальную антенну, исходя из технических возможностей имеющейся в наличии аппаратуры, и дело в шляпе!

— Ну, голова! — восхитился Капитан. — Валентин, тащи сюда Леонида.

— В чем проблема? — с достоинством спросил Леонид, влезая в командирскую палатку.

Капитан быстро объяснил ему суть.

— Решить ее не составляет труда, — заметил тот, — но мне необходим минимум подручных средств.

— Каких? — уставились ребята на него.

— Стопка чистой бумаги, карта острова с отмеченными точками корреспондентов, характеристики раций и время.

— Все мы готовы предоставить тебе в течение трех минут, сиди и твори. Полдня тебе хватит?

— Вполне, больше ничего не надо, весь необходимый математический аппарат у меня здесь, — и он костяшками пальцев постучал себя по лбу.

Члены отряда с чувством глубокого уважения посмотрели на его вместилище для математического аппарата и тихо вышли, чтобы не мешать доктору наук творить во имя общего блага, а Боцман мигом предоставил необходимый подсобный материал.

Времени потребовалось несколько больше, но Леонид отказался даже обедать, а все с нетерпением ожидали результатов его напряженного интеллектуального труда.

Наконец он выглянул из палатки, вытер пот со лба и пригласил орнитологов, чтобы огласить результат. Перед ним лежал огрызок карандаша и листов двадцать бумаги, сплошь покрытые формулами.

— Чтобы при такой малой мощности рации установить устойчивую связь, нам потребуется антенное поле размером примерно в квадратный километр, — заявил с облегчением светоч науки.

Ребята обалдело переглянулись. Первым очнулся Боцман.

— Ты что, совсем с ума спрыгнул? — гаркнул он. — Да мы без твоего антенного поля установим антенну и сегодня уже свяжемся с ребятами. И нечего мозги нам парить, привыкли с государства дармовые деньги тягать, ученые тоже, так вашу мать!

— Ты бы, Валя, умерил свой пыл, — попытался Капитан притушить его праведный гнев. — Мы ведь в поля тоже не за свои кровные летаем.

— Так мы хоть дело делаем, а не черкаем чистую бумагу всякой абракадаброй, — продолжал кипятиться тот.

— Ладно, чего тут воздух без толку сотрясать, пошли антенну ставить, — подал голос дипломатичный Москвич.

Поскольку антенну надо было и в самом деле ставить быстрее, ибо приближался срок связи, довод его оказался самым весомым.

Остов антенны представлял собой три довольно тонких хлыста общей длиной примерно метров 12. Надо было их связать между собой, установить вертикально, а от верхней части должны были отходить собственно сама антенна и противовес.

Орнитологи быстро связали хлысты, но здесь опять заискрилась радиоинженерная мысль Леонида.

— Эту антенну вам не удастся поднять, — авторитетно заявил он.

— Позволь узнать, почему? — ехидно поинтересовался Москвич.

— Потому, что это противоречит законам элементарной физики, — ответил тот.

— Братцы, подержите меня, иначе я его убью, — взревел Валентин. — Ты кто такой? Эта антенна у нас в прошлом году стояла, как у тебя никогда ничего стоять не будет! И вообще, ты здесь рабочий. Вот и молчи в тряпочку, если тебя не спрашивают, а высказывать свои соображения будешь дома бабе своей.

— Хорошо, — как-то подозрительно быстро согласился Леонид.

К связанным хлыстам прикрепили систему оттяжек, разошлись по местам и по команде быстро подняли и укрепили остов антенны, установили противовес и через час связались с ребятами на мысе Уэринг. А Леонид долго бродил кругами вокруг палаток и бормотал себе под нос: «Это невозможно, это невозможно».

Капитану, наконец, стало его жалко, и он объяснил, что, как ему кажется, благодаря тому, что на острове горы, а над ними почти всегда висят облака, то радиоволны от на-

шей рации отражаются от облаков и идут к антенне раций остальных групп, поэтому связь осуществляется на расстояние, намного превышающее записанное в инструкции. Иногда мы можем даже слушать радиотелефонные переговоры районного центра Мыса Шмидта с Магаданом.

А у Боцмана благодаря этому случаю сложились весьма непростые отношения с Леонидом. Когда тот на следующее утро спросил, что ему делать, то Валентин поручил ему вымыть после обеда посуду. Тот безропотно согласился и с грудой грязной посуды отправился на берег реки. Там, прямо недалеко от палаток, был высокий берег; в свободное время под ним углубили дно реки, чтобы можно было намылиться и сигануть прямо в небольшой омут. В погожие солнечные дни вода прогревалась до 8–10 градусов, так что такие ванны хорошо освежали, а дубленые шкуры полевиков легко выдерживали температурные перепады. Невозможно было припомнить, чтобы кто-то даже хоть раз чихнул, не говоря уже о серьезной простуде.

Именно в этом месте берега уселся злополучный рабочий, поставил рядом с собой ведро с горячей водой и начал мыть посуду. Только уселся он почему-то задом к речке. Только ребята закурили после обеда, как со стороны реки послышался страшный вопль и грохот.

Как ошпаренные, все вылетели из палаток и увидали, что Леонид в одежде плывет с перекошенным лицом к берегу, тарелки и кружки частично утонули, а остальные тихо и самостоятельно сплавляются вниз по реке. На Боцмана в этот момент было страшно смотреть. Лицо у него было такое, будто при нем безжалостно топили его любимых родственников. Некоторое время он стоял, застыв на месте, а краски на его лице менялись, как цвета на светофоре. Затем он заревел, как больной слон, и бросился в реку спасать посуду, не обращая никакого внимания на Леонида.

Капитан понял, что если не проявить решительных действий, то в отряде произойдет если не убийство, то уж умышленное членовредительство точно.

— Подключайтесь, мужики, что рты разинули, надо помочь Валентину спасать посуду. А тебе, — обратился он к выбравшемуся из воды и стоящему на четырех конечностях Леониду, до жути напоминающего пса, которого только что топили, но внезапно пожалели, — советую побыстрее переодеться. Затем дуй в тундру. Погуляй там, только далеко не уходи и до ужина не появляйся, это для тебя небезопасно.

Часть посуды утонула, часть ее унесло, но полевики все равно ее вытащили на перекате примерно в полукилометре, чем немного сняли напряжение с Боцмана. К вечеру он совсем оттаял и даже вызвался сходить поискать Леонида.

— А искать, Валя, пойдешь с карабином или без? — не преминул ехидно поинтересоваться Москвич.

— Что же я, совершенно изверг что ли, — проворчал Боцман, — чай и Леонид сам не рад свалиться задницей вперед в холодную реку, он ведь не лебедь!

В палатке грянул громовой хохот. Никто не мог представить себе сваливавшегося в реку задом вперед лебедя. Через некоторое время захохотал и Валентин.

Когда появился Леонид, члены отряда никак не могли понять, что за хомут он тащит на шее. Оказалось, что он на одной из отмелей реки нашел нижнюю челюсть мамонта. Он подошел и робко спросил:

— А можно я эту кость с собой увезу?

— Да на здоровье! — сказали все одновременно.

— Я в Москве потом ее в музей сдам, — гордо промолвил неудавшийся мойщик посуды.

— Да хоть в сервант вставь заместо хрусталя, — заметил Боцман, — и то будет чем жену порадовать. А пока да-

вай поешь, а то совсем с лица спал. И он как-то по-доброму улыбнулся.

Лишь после ужина, когда все лежали в спальниках, Валентин опять продолжил видимо больную для него тему.

— Леонид, признайся честно, кто ты на самом деле? Радиоинженер из тебя никакой, рабочий тоже, даже посуду толком помыть не можешь, явно ты не наш советский человек!

Большие голубые глаза ученого, и без того увеличенные очками, расширились еще больше.

— А как ты сам думаешь, Валя? — озадаченно спросил он.

— По-моему, ты египетский шпион!

Все целую минуту молчали, пытаясь осознать сказанное, а потом опять разразились хохотом. Никто не мог себе представить, как выглядят египетские шпионы, если они есть у Египта вообще. Тем более, уж Леонид ну никак не тянул на эту роль. Лишь Валентин молча усмехался в усы, хотя в глазах у него плясали не чертенята, а здоровенные черти.

Утром Боцман приспособил найденную Леонидом челюсть. Взял и привалил ее к северной стенке палатки, чтобы ту поменьше трепало ветром. Остальные стенки мы впоследствии укрепили бивнями и зубами мамонта. Тогда они особой ценности не представляли и можно было их найти в любом количестве на галечниковых отмелях реки, а иногда и просто в тундре. Откуда на острове было столько мамонтов, будто они специально шли сюда умирать со всей Сибири, толком объяснить не мог никто. А в отряде их использовали чисто для хозяйственных нужд. Сейчас даже вспоминать об этом смешно.

Понемногу все наладилось, хотя иногда Леонид продолжал нас удивлять и бесить Боцмана. Так, однажды он завел разговор, как был в поле вместе с геологами и проверил там себя как мужчина.

— Это каким же образом? — поинтересовался Москвич, — Отряд геологов вырос через год вдвое за счет родившихся младенцев-кибернетиков?

— Нет, конечно, — смутился Леонид. — Там и женщин совсем не было! Просто мы втроем возвращались из маршрута и тащили рюкзаки с образцами. Устали, конечно. Тогда решили перераспределить груз. Образцы достались мне, а геологи пошли налегке. Я шел один, два раза терял сознание, но все-таки дошел!

В палатке установилась гнетущая тишина.

— Я что-то опять не так сказал? — беспомощно спросил Леонид.

— Нет, ты тут ни при чем, — заметил Валентин. — Ну как вам нравятся такие суки?

— Какие, Валя?

— Да те, которых ты назвал геологами! — задохнувшись от злости, бросил Боцман. — Во-первых, за то, что они бросили новичка одного, им рожи разбить надо, поскольку это грубейшее нарушение техники безопасности, поди, еще без жратвы, компаса и карты! Во-вторых, за то, что навьючили груз, как на лошадь. Груз распределяется обычно равномерно и сообразно опыту, сложению и выносливости. А если бы у тебя сердечный приступ случился, ведь тебе не двадцать и не тридцать лет! Начальнику отряда — решетка, семье — труп, а этим козлам — выговор в приказе? Это не геройство, а сволочизм чистой воды! Нашего начальника отряда бы на них. Уж точно в тот же день выгнал из отряда с похабной характеристикой, да еще и рожи бы им отполировал на прощание за милую душу. И не скальься, тебе бы тоже досталось по первое число за такие подвиги, туды их в геологию мать!

Все молчаливо согласились, потому что случай, о котором рассказал Леонид, был и в самом деле вопиющий для

полевиков. При их суровости и жестком юморе, переходящим нередко в насмешку, во всем, что касается работы, никаких вольностей не допускалось. По той простой причине, что все их инструкции и уставы, как и у моряков и летчиков, можно сказать, написаны кровью.

Поэтому обычно погибают в поле или желторотики по своей молодости, дури и бесшабашности, или старые полевые волчары, которые многое повидали на своем веку и слишком уверовали в свой опыт и непогрешимость.

За бесконечными повседневными заботами незаметно прошло лето. Гуси покрылись новым оперением, сильно подросли гусята, трава в тундре стремительно пожелтела, и лишь песцовые норы выглядели как зеленые оазисы среди поблекшей растительности. Начались туманы и противные холодные дожди.

В начале августа подъехал на своей «Лизетте» Винклер и увез Леонида. Под конец полевого сезона тот с Валентином даже подружился, и частенько можно было видеть его заныривающим в святая святых Боцмана — хозяйственную палатку. Я подозревал, что тот в своих владениях угощал доктора наук заваренным до черноты чаем и знаменитыми ландориками со сгущенкой. По крайней мере, по их масляным глазам и довольным лоснящимся мордам можно было догадаться, что они там обсуждали не только пути развития советской кибернетики.

Ребята тепло распрощались и пожелали ему счастливо добраться до Киева. Мамонтовую челюсть, как его не уговаривали, он все-таки забрал с собой. Никто и предполагать не мог, что Леонида еще ждут очередные испытания на мужество по пути в поселок. То, что с ним произошло дальше, являлось если не причиной, то наверняка следствием бесшабашного склада характера Николая Винклера.

Прибыли они в поселок Звездный к вечеру. Утром должны были выехать в поселок Ушаковский, где в это время года была вертолетная площадка, на которую садились вертолеты с Мыса Шмидта. Иногда, особенно ближе к осени, к поселку подходили суда, и можно было до райцентра добраться морем. Рюкзак у Леонида был упакован, осталось только переночевать.

Утром он разбудил Винклера. Тот встал, долго завтракал, после озадаченно копался в потрохах своей «Лизетты» и затем объявил, что она нуждается в небольшом ремонте, и если уж Леониду так не терпится, то он может потихоньку идти прямо по дороге в Ушаковский, а он его скоро догонит и подхватит на «Лизетту».

— Дорога наезженная, не промахнешься, только поглядывай вокруг, а то на медведя можно невзначай нарваться. Они иногда тоже по этой дороге шастают.

— А как от него отбиваться в случае чего? — спросил слегка ошарашенный таким поворотом событий Леонид.

— А возьми ледоруб, я тебе его дарю на память, —великодушно разрешил Николай и снял со стены новехонький ледоруб.

Делать нечего, Леонид впрягся в рюкзак, на шею повесил челюсть мамонта, взял ледоруб и, не попрощавшись, двинулся в путь. А Винклер, подождав немного, пошел домой и со спокойной совестью завалился спать. Естественно, никаким ремонтом «Лизетты» он заниматься не стал, поскольку в поселок ехать не собирался. Он как дитя безмятежно проспал весь день, а когда встал, то занялся другими делами.

То, что никакого вездехода не будет, Леонид понял, когда прошел полпути. Перед ним возникла дилемма: или возвращаться назад, или продолжать путь, в гордом одиночестве озираясь по сторонам и помахивая ледорубом. Как

настоящий мужчина он принял правильное решение и побрел в сторону поселка Ушаковский. Пришел туда он только под утро, шатаясь от усталости, с растертыми в кровь ногами и обливаясь слезами от усталости и злости. Ледоруб и челюсть он выбросил по дороге. Повезло ему только в одном. На следующий день прилетел вертолет, и Леонид покинул остров. Надо ли говорить, что после всего мы не получили от него ни одной весточки. Думаю, что кибернетика опять радостно приняла его в свои объятья, а от северной романтики он излечился навсегда.

Валентин же, когда стало известно о последнем маршброске Леонида, имел долгий разговор с Винклером наедине; о чем они беседовали не знает никто, но Николай вышел после беседы с пылающим лицом, Боцман — с видом человека, наконец-то выполнившего свой долг. Как исключительно застенчивые и робкие люди, полевики итогами этой беседы интересоваться не стали.

Вовченко, Домнич и овцебыки

Магаданские биологи в те годы явно оккупировали остров Врангеля. Одновременно на нем трудилось несколько полевых отрядов: орнитологи, териологи, ботаники и даже эндокринологи. Правда, исследования последних были настолько сложными и, видимо, засекреченными, что порой ставили в тупик даже их коллег по институту.

Однажды, прибыв по какой-то надобности в поселок, начальник отряда орнитологов зашел к ним в гости и обнаружил сосредоточенного доктора наук, недавно принятого в институт, что-то колдующим с многочисленными колбами.

— Над чем трудимся? — бодро спросил он.

— Над сервелатом! — ответил довольно тучный бородач, сверкнув глазами из-под толстых линз очков.

— А что ты хочешь выяснить, и чем сервелат провинился перед советской наукой? — изумился начальник отряда.

То, что это не очередной северный прикол, подтверждал кусок сырокопченой колбасы, который лежал рядом с микротомом.

— Определяю в нем процент липидов, — гордо ответил доктор наук, — чтобы квалификацию не потерять!

— Ну, дела! — задумчиво почесал затылок начальник отряда и пошел искать другого доктора наук, зав. лабораторией эндокринологии, с которым давно был дружен. Кстати говоря, он был одним из самых молодых докторов меди-

цинских наук в Советском Союзе. Звание свое он получил за работу по эндокринологии, связанную с космическими исследованиями. Стройный, с академической бородкой, в дорогих очках с черепаховой оправой, он являлся образцом интеллигента.

— А чем мне прикажешь занять отличного биохимика? — сказал тот при встрече. — Материала пока нет, а мужик вот уже две недели бездельем мается. Пусть хоть делом будет занят, а то совсем запьет или взбесится.

— Тяжелый случай, не сразу сообразишь, что и посоветовать, — задумался Капитан. — Вроде бы, в поселке живут люди, хоть какая-никакая цивилизация, не то что мы в центре острова, а тоже проблем хватает.

...Ближе всего к отряду орнитологов, в долине реки Мамонтовой, располагался небольшой отряд зоологов, которые изучали овцебыков. Скорее всего, отрядом он в полном смысле этого слова не являлся, а пока был представлен группой, состоявшей из двух человек: Вовченко и Домнича. Руководство института обещало еще подослать новый вездеход с вездеходчиком Димой.

В прошлом году осенью первым в институте появился Вовченко, высокий, красивый, со смоляными кудрями парень, закончивший недавно Днепропетровский университет. Очутился он в Магадане, как поведал сам, по семейным обстоятельствам. Отец у него, добрый и щирый хохол, работал на сахарном заводе главбухом. Мать была донская казачка, которая обожала командовать всеми. В основном же «отрывалась» на муже и сыне. Это был редкий случай, когда сын терпеть не мог свою собственную мать. Он готов был от нее сбежать куда угодно: хоть на Северный, хоть на Южный полюс.

— Понимаете, — объяснял он свою позицию, — украинцы — мужики в основной своей массе замечательные

люди, девушки тоже. Но бабы, в особенности жены, — это черти в юбках. После двух лет замужества у них пальцы автоматически поворачиваются когтями вовнутрь и они гребут «усе тильки до себе». Ни о какой любви к мужу нет и речи. Не даром в Запорожскую сечь баб не допускали! Хуже хохлушек могут быть только донские казачки. Упаси вас бог женится на них. Вся жизнь будет загублена. Яркий пример — мой собственный отец! Уж добрее мужика трудно встретить. А женат он на настоящей ведьме. Да что говорить, почитайте внимательно Гоголя — уж он истинную правду обо всем писал.

Видимо, эти твердые убеждения и привели его в Магадан.

Конечно, институтские девушки сразу же впали в возбуждение, наперебой приглашая потенциального жениха в гости. Но тот, видимо наглядевшись досыта на выходки своей мамаши, внешне был обаятельным и приветливым, а вместо сердца в груди держал здоровенный кусок льда. Было от чего женской части института впасть в глухое отчаянье.

Вскоре появился его друг и однокурсник, Домнич. Ростом пониже, заядлый футболист, коммуникабельный и приветливый, бывший ударник университетского ансамбля, знакомый накоротке с Софией Ротару, он поселился вдвоем с Вовченко в предусмотрительно снятой тем комнате и сходу включился в институтскую жизнь.

Правда, девушек и тут постигло жестокое разочарование. Оказалось, у Домнича уже была девушка Инна, паразитолог по образованию, которая обещала ему, как только он устроится в Магадане и найдет ей работу, незамедлительно к нему прибыть для совместной жизни и деятельности. Особых препятствий к этому не было, поскольку институт был молодой, естественно, нужны были молодые кадры. Кроме того, одна из самых крупных лабораторий была ла-

боратория паразитологии, которую возглавлял директор института, сам паразитолог и член-корреспондент Академии наук СССР.

Осень и зима пролетели быстро. А в апреле друзья вылетели на остров Врангеля. Надо было подготовить загон для овцебыков, которых должны были вскоре доставить из Северной Америки на Мыс Шмидта, а оттуда на остров. Место было выбрано, на первый взгляд, удачное — центр острова, долина реки Мамонтовой.

Отряд орнитологов тоже с нетерпением ждал приезда этих экзотических животных, которые пережили мамонтов и бойню бизонов. Москвич выступал, как всегда, экспертом. Он единственный в отряде видел одного овцебыка в Московском зоопарке, да еще и в период гона.

— Да, овцебык в период гона — это зрелище, — повествовал он. — Особенно когда отсутствует самка. Представьте себе обычного российского среднего быка, у которого ноги наполовину отрезаны, мощные рога спрятаны под шерстью, как кинжалы в ножнах, на лбу бляха здоровенная из кости, и весь он покрыт шерстью длиной свыше 30 сантиметров. И вот такая боевая машина бегает по загону, глазами сверкает, как лазерным прицелом, ищет, на ком бы сорвать свои эмоции. Издали и то смотреть страшно! Работники зоопарка бросили ему в загон дубовую колоду двухметровой длины и сантиметров 70 в диаметре. Так он нашел себе развлечение: с разбега тресь по ней лбом. Звук такой, будто обухом колуна по пеньку изо всех сил саданули. Колода летает от удара, как воздушный шарик, а быку хоть бы хны. Даже легкого сотрясения мозга нет. Впечатление такое, будто он у него находится вообще в другом месте.

— Да, отчаянные ребята эти хохлы, — промолвил Боцман. — Пожалуй, надо их проведать, а заодно посмотреть загон. Может чем-то и подмочь по плотницкому делу. А то,

не дай бог, привезут этих зверюг жутких, они на радостях и загон разметают, и хохлов покалечат.

Поскольку до прилета гусей оставалось еще время, отряд пошел в гости к молодым зоологом почти в полном составе. Боцман с Капитаном осмотрели загон и, в общем, убедились, что он сделан добротно. Сами зоологи находились в маленьком балке, предназначавшимся в свое время для отдыха оленеводов. Ребята основательно его вычистили, подлатали нары, сделали стол и предбанник для хранения полевого барахла. И хотя сам балок был рассчитан не более чем на двоих человек, внутри было вполне уютно.

Хозяева балка тем временем угощали нежданных гостей чаем и рассказывали с юмором о своей жизни.

После того, как они поселились в балке, возник вопрос о распределении обязанностей. Начальником отряда был Вовченко. Он сказал, что будет закупать продукты, готовить и выходить регулярно на связь с остальными отрядами и поселком. А Домничу остается мыть посуду, убирать со стола, следить за теплом. Главное — мыть посуду, поскольку он не будет готовить, если увидит грязь. И вообще, он — поборник чистоты.

Домнич согласился. Правда, потребовал купить два ящика тресковой печени, которая на Украине была почему-то в страшном дефиците. Он ее увидел в поселковом магазине и решил устроить себе праздник, а заодно и Вовченко. Дополнительно он обосновал свое требование тем, что это высококалорийный продукт, поэтому ее удобно брать в маршруты, и что если он будет ее регулярно потреблять, то станет добрым и покладистым.

После таких заявлений трудно было отказать ему в этой просьбе. Ребята приобрели два ящика дефицитного продукта, чему продавец магазина был очень рад. Печень они ели целую неделю, и за это время она им порядком осто-

чертела. Вовченко ел ее с плохо скрываевым отвращением. Но Домнич не сдавался и старался выдумывать все новые и новые блюда, куда можно было бы добавить постылую печенку. Кроме того, он стал наплевательски относиться к основной своей обязанности — мытью посуды.

Постепенно, видя такое отношение, Вовченко стал тихо накаляться. Наконец терпение его лопнуло.

— Ну, все, — сказал он своему другу как-то вечером, перед тем как ложиться спать. — Если завтра я встану и увижу, что посуда не помыта, я тебя пристрелю.

— Что ж, погибну геройской смертью, — беззаботно ответит тот.

Утром он проснулся от пинка в бок. С трудом разлепив глаза, увидел стоящего с ружьем в руках друга.

— Слушай, кончай шутить, — недовольно заметил он, — и положи ружье на место.

— Готовься к смерти, собака! — ответил тот и хладнокровно стал вставлять патроны в двустволку. После этого он взвел курки и прицелился.

— Ты что, совсем с ума спрыгнул?! — заорал Домнич. — Положи, сказал, ружье на место!

В ответ раздался выстрел. Домнич подскочил на месте и лихорадочно стал себя ощупывать. Хотя в балке и воняло порохом, но никаких ран он на себе не обнаружил. Вовченко бросил ружье на нары и с хохотом выбежал из балка.

— Убью, гад! — взревел Домнич и раздетый помчался за ним. Хотя он в прошлом был футболистом, но голым и босым по снегу бежать было прохладно. В результате потенциального убийцу он так и не догнал.

Позже, когда оба успокоились, позавтракали и Домнич сосредоточенно мыл посуду, а Вовченко курил, поглядывая на него с явным одобрением, Домнич, бросив в сердцах кухонное полотенце, со скрытой злобой заметил в его адрес:

— Даром тебе эта выходка не пройдет, и месть моя будет ужасна!

— Да мсти себе на здоровье, — легкомысленно отнесся к его угрозе Вовченко, — лишь обязанности свои не забывай!

Месть не заставила себя долго ждать.

Спустя неделю солнышко стало припекать, и Вовченко стал спать на свежем воздухе, возле балка. Для этого он надувал резиновый матрац, на него клал войлок и поверх войлока спальник, в который влезал, предварительно сняв очки. Так он поступил и в этот раз.

Ночь, если можно так назвать это светлое время суток в конце мая, прошла спокойно. Тундра начала просыпаться, стало слышно гудение шмелей и мух, проснулись птицы. Этот гомон нарастал, постепенно переходя из легкой увертюры в мощное крещендо полярного утра.

Вовченко спал как дитя, с головой закутавшись в спальный мешок. Внезапно он почувствовал, что кто-то с легким ворчанием скребет спальник в районе его левого бока. Высунув руку, он автоматическим движением нашел и нацепил очки.

То, что он увидел, заставило его замереть. Прямо перед ним, слегка рыча, склонилась оскаленная пасть белого медведя. От ужаса у него потемнело в глазах. Очнулся он от злодейского хохота Домнича. Бросив с любовью изготовленный им из черепа медведя и обрывка белой меховой подкладки от полушубка макет медвежьей морды, тот умирал от смеха рядом с другом.

Здесь ситуация, произошедшая после мнимого расстрела Домнича, повторилась вновь. Одним движением разорвав молнию спальника, Вовченко выпрыгнул из него и помчался за Домничем. Тот не стал убегать далеко, а просто «нарезал» круги вокруг балка, увертываясь от настигавшей его неудав-

шейся медвежьей жертвы. Так они и бегали некоторое время, пока вконец обессилевший Вовченко не рухнул на землю.

— Да, подводит курящих дыхалка, — заметил Домнич. — В футболисты ты явно не годишься! Ладно, месть, наконец, свершилась, пошли в балок, я, предвидя такую ситуацию, даже завтрак сам приготовил.

… — Вот так и живем, — закончили свое повествование ребята. — Со дня на день ждем овцебыков.

Из предбанника балка вдруг послышался нарастающий рев.

— А это что у вас? — поинтересовался Москвич. — Неужто ракетный двигатель у кого-то сперли?

— Да не двигатель, это примус «Шмель» так возбудился, — ответил Домнич и побежал в предбанник.

То, что орнитологи увидели там, заставило их похолодеть от ужаса. Из стоящего с чайником наверху примуса сбоку била полутораметровая струя пламени, как из огнемета.

— Выбрасывай его немедленно на улицу к чертовой матери, — заорал Боцман.

Домнич сбросил пылающий примус на землю и точным ударом ноги отправил его прямо в раскрытую дверь. Примус описал красивую дугу и, не долетая до мусорной ямы, взорвался.

— Ничего себе ударчик, — спокойно заметил Москвич. — недаром киевское «Динамо» так в России боятся!

— Ну что ж, спасибо за чаек и вообще за гостеприимство, — подвел итог визиту Капитан. — Теперь ждем вас с ответным визитом.

— Если у вас забарахлит примус, — включился в разговор хозяйственный Боцман, — то не надо регулировать пламя с помощью плоскогубцев. Приносите его к нам. Мы за умеренную плату его враз отладим. Будет работать как миленький, даже лучше, чем новый.

Кстати, на прощание ребята сказали, как овцебык переводится на украинский язык. Оказывается, звучит это классно — «вивцебугай».

— Понятно, что так называется самец, — глубокомысленно заметил Боцман. — А если это самка, то вивцебугаиха?

— Нет, боевая спутница вивцебугая, — мгновенно откликнулся Москвич.

Занятые филологическими изысканиями орнитологи покинули ребят и направились к себе на пик Тундровый, под которым находился их балок.

…Вскоре не замедлили прибыть и сами вивцебугаи. Привезли их порядком измученными нешуточным перелетом, а кроме того, и пребыванием в ожидании летной погоды на Мысе Шмидта. Там их вдобавок в буквальном смысле измордовали местные жители, которые всеми правдами и неправдами старались прорваться и отрезать хоть клочок овцебычьей шерсти себе на сувенир. В результате около ящиков, где содержались животные, пришлось выставить специальную охрану.

От всех переживаний овцебыки немного отошли только в загоне на реке Мамонтовой. Но и там держались тесной группой. Внешне никакого впечатления не производили. Низкорослые, поросшие густой бурой косматой шерстью животные, сквозь которую плохо проглядывались глаза, не говоря уже о полном отсутствии всяких эмоций на лохматых мордах, могли часами стоять совершенно неподвижно.

Это нисколько не смущало ребят. Они с восторгом смотрели на животных и надеялись, что как только тундра полностью освободится от снега, то отдохнувшие и отъевшиеся в загоне овцебыки будут выпущены на волю, и тогда они вволю насладятся долгожданной свободой, а у ребят начнется настоящая полевая работа.

Влюбленные в объект своих исследований, тщательно исследовшие всю имеющуюся научную литературу, они могли об овцебыках рассказывать часами.

Оказывается, то, что овцебыки стремятся держаться в стаде, в них заложено самой эволюцией. При нападении, например, волков овцебыки-самцы образуют круг, внутри которого находятся молодые животные и самки. Этот круг ощетинивается рогами, а поскольку стоят животные тесно друг к другу, то хищнику не подобраться. Так они могут стоять очень долго. Если же ретивому волку взбредет в голову подойти ближе, то абсолютно молча ближе всех стоящий к нему овцебык вырывается вперед и ударяет рогами. После выпада и удара он круто разворачивается и бросается в стадо. То расступается, затем круг мгновенно смыкается, и опять самцы стоят рогами вперед до новой вылазки. Конечно, хищник в результате рано или поздно уходит.

Но если такая тактика позволила родственнику мамонтов выжить в суровых условиях Арктики, то она же почти погубила его при знакомстве с самым свирепым хищником — человеком. Обладая оружием и не приближаясь к стаду, один охотник мог играючи перестрелять все стадо. И хотя овцебыки и стали менять тактику, но численность этих животных неуклонно падает. Поэтому большинство их содержат на фермах. В основном из-за шерсти, которая, помимо экзотики, очень нежная и шелковистая на ощупь. Из нее получаются легкие и пушистые шерстяные изделия, которые даже на родине овцебыков стоят бешеные деньги. Мясо его также прекрасно на вкус.

Кроме того, предпринимаются попытки их расселения. Видимо с той целью, чтобы этот в прошлом циркумполярный вид вновь занял свою экологическую нишу. В отличие от северного оленя, спектр питания овцебыка довольно широк, в еде он неприхотлив, безразличен к морозам и длительным

пургам. Со всех сторон зверь ценный и интересный как для изучения, так и для последующей акклиматизации на нашем Севере.

Всего овцебыков было завезено две группы: первая — на остров Врангеля, а вторая — на полуостров Таймыр.

Поэтому понятен был восторг молодых зоологов, которые буквально наглядеться не могли на своих подопечных. Те вели себя довольно спокойно и не очень шли на контакт. В основном ели и спали. Когда, наконец, загон был открыт и впереди замаячила свобода, то звери вначале не торопились уходить. Но затем всем стадом осторожно вышли. Что они при этом думали, не мог разгадать никто. Стадо вдруг внезапно разделилось на три группы, и все они рванули в разные стороны с приличной скоростью и исчезли за линией горизонта. Причем бег их сопровождался таким мощным топотом, что казалось, бежит стадо мамонтов.

Произошло это так неожиданно, что ребята буквально потеряли дар речи. Первым пришел в себя Домнич.

— Вот ведь неблагодарная скотина! — орал он. — Мы, можно сказать, их только что на руках не носили, а они такую подлянку учинили! Ищи теперь ветра в поле.

На самом деле было от чего впасть в отчаянье. Бурого цвета овцебыки прекрасно сливались с окружающим их ландшафтом, поэтому обнаружить их ввиду малочисленности было делом почти безнадежным.

Как ни хотелось ребятам скрыть факт внезапного побега овцебыков, но пришлось им выходить срочно на связь и просить все полевые отряды внимательно осматривать тундру и в случае обнаружения беглецов срочно сообщить им. Сами же установили вахту. Один 12 часов бегал в поисках зверей, а другой оставался на связи, отсыпался и готовил пищу.

Оставалась еще надежда на новый вездеход, который руководство института обещало приобрести и переправить

вместе с водителем на остров. Но до прихода парохода с генгрузом, то есть до осени, когда он реально мог появиться, оставалось еще целых три месяца. Так что надеется можно было только на свои ноги и на счастливый случай. Такой вскоре представился.

Небольшую группу овцебыков увидели пастухи, перегонявшие стадо оленей, вблизи гнездовья. Они сообщили орнитологам, а те выдали координаты овцебычатникам (как их стали именовать за глаза). Конечно, обрадованные таким известием Вовченко и Домнич помчались к овцебыкам, побросав все в балке, в том числе и рацию.

А на пике Тундровый, спустя два часа, Боцмана, который оставался на хозяйстве и по старой привычке не расставался с биноклем, заинтересовал какой-то бугор, который вроде бы на этом месте раньше не значился. Он пригляделся внимательнее и обнаружил мирно спящего здорового, одинокого как перст овцебыка. Вволю наглядевшись на спящего зверя, Валентин в положенное время вышел на связь и сообщил об этом факте всем. Не удалось только связаться с Вовченко и Домничем.

Овцебык пробыл на горе более суток. Его никто не тревожил, и распорядок его жизни не отличался большим разнообразием. После сна он ел, а после еды спал. Даже спуститься к ручью и попить свежей водички ему было, видимо, лень. Орнитологи вдоволь на него насмотрелись и начали уже к нему привыкать, как внезапно он исчез. И как весь отряд не осматривал окрестности пика, нигде овцебыка не обнаружили.

Прошло полдня после его таинственного исчезновения и появились похудевшие и мрачные Вовченко с Домничем.

— Ну, что, нашли стадо? — поинтересовался Боцман.

— Ни хрена мы не нашли, — обреченно выдохнул Вовченко, — врут пастухи. Все кругом избегали, и следов даже нет их присутствия.

— Ну и зря только ноги топтали. Один у нас почти прижился, но, видимо, вас учуял и сбежал, — сказал Москвич, подозрительно сверкая очками и пряча в усы улыбку.

— Врете вы все, — вскинулся Домнич.

— Хотите — верьте, хотите — проверьте, — заметил Капитан. — Вон, видите, какие проплешины на склоне пика оставил ваш вивцебугай, все лопал подряд, не то что привередливый олень!

— А фекалии остались? — заинтересованно промолвил Домнич.

— А это что за бяка такая? — спросил Боцман.

— Да продукты его пищеварения.

— Говно, что ли?

— Я ж тебе, Валентин, говорю, что фекалии. Говно у обычных коров, а у овцебыков — фекалии.

— Ну, что по мне, говно и есть говно, как ты его не назови, слаще оно не станет, — обиделся Боцман. —Идите, на склоне ваш вивцебугай, наверное, его целый мешок навалял, изучайте на здоровье! А вот если бы вы рацию впопыхах не забыли, то сами бы до одури на вашего зверя налюбовались. Правда, смотреть особо нечего, по-моему, он тупой, как мешок с шерстью! За границей умудряются на китов рацию вешать, а потом сидят и смотрят по телевизору, в каких морях они волны рассекают. А тут на овцебыков только ленточки в ушах оставили, чтобы не перепутать, кто из них мальчик, а кто девочка. Будто они без этих ленточек не смогут разглядеть, с кем влюбляться, а с кем подраться!

— Так это, Валя, проклятые капиталисты, — не преминул отозваться Москвич. — Они, в основном, головой, а не задним местом думают. И кибернетика у них — наука, а не продажная девка империализма, какой считалась у нас до недавнего времени.

Ребята не стали дожидаться окончания содержательной антисоветской беседы и рванули на склон пика. Верну-

лись они часа через два со счастливыми лицами, будто обнаружили полмешка золотых самородков, быстро поели и помчались к себе на Мамонтовую.

А овцебыки тем временем осваивали остров. Врагов у них тут не было, и по идее они должны были вести себя спокойно и доброжелательно. Но это только по идее. В действительности они людей терпеть не могли. Ко всяким случайным встречам относились очень настороженно, вначале вставали в каре и молча некоторое время так стояли. Затем внезапно разворачивались на 180 градусов и мчались прочь с такой скоростью, будто за ними гнались черти.

В последнюю с ними встречу Капитану и Боцману крупно повезло. Животных обнаружили мирно пасущимися в окрестностях горы Дремхед.

Чтобы их заснять на фото- и кинопленку, пришлось почти 500 метров полировать пузом тундру. И — о чудо! — среди взрослых животных бегал маленький овцебычонок! Он разительно походил на взрослых особей, только рогов не было, а ноги были покрыты светлой, почти белой шерстью.

— Смотри, ноги у него вроде как в валенках, —восхищенно прошептал Боцман.

— Да, вижу, — откликнулся Капитан. — Молчи, не дай бог спугнешь — убью!

Они сделали несколько снимков фотоснайпером. Затем навернули на кинокамеру «Красногорск» длиннофокусный объектив и приступили к киносъемке.

Как только кинокамера застрекотала, все стадо перестало пастись и с большим подозрением стало смотреть в сторону орнитологов. Боцман и Капитан даже дышать перестали. Но это не помогло. Видимо решив, что лучше держаться от греха подальше, стадо круто развернулось и умчалось прочь.

— Вот ведь гады! — ругнулся от души Боцман, в сердцах швырнув под ноги фотоснайпер. — С виду такие увальни, а, поди ж ты, какие подозрительные.

Но все равно сердца орнитологов переполняла гордость. Все-таки, первые обнаружили рожденного на острове овцебыка. Об этом радостно сообщили всем по радиосвязи. Реакция оказалась странная, особенно жителей поселка Ушаковский.

Оказывается, об этом факте две недели тому назад сообщила газета «Известия». На остров месяц тому назад прилетал собкор этой газеты. Пробыл в поселке два дня, в основном шатался как неприкаянный, никуда из поселка не выезжал и приставал с вопросами буквально к каждому. Потом отбыл в Москву и там выдал перл про новорожденного овцебыка. Конечно, эта весть как молния разнеслась среди ученых и охотоведов.

Отряд тяжело переживал такую «оперативность» спецкора. Особенно тяжело страдали Вовченко и Домнич, поскольку каждый из них в душе лелеял мечту обнаружить новорожденного овцебычонка первым. И тут все рухнуло из-за какого-то заезжего ретивого писаки и пронырливых орнитологов.

Странно, но самым мудрым в этой ситуации оказался Москвич.

— А что вы хотели? — спокойно вопрошал он. — Чтобы этот корреспондент бегал, как собака, по тундре и искал овцебыков? Так для этого специалисты есть. Если хотите, он этого малыша вычислил, как в еврейском анекдоте.

— Как это? — изумился Боцман.

— Да все гениально просто. Среди стада самцы и самки были? Были. Остров им по нраву пришелся? Вне всякого сомнения. А чем коровы и быки занимаются, когда еды вдо-

воль и никто не пристает со стороны? Правильно — любовью. А как итог — телята. Так что рано или поздно овцебычонка бы обнаружили. А общественность должна чему-то радоваться. Не все же политиков занудных слушать! Так от тоски все помрут или взбесятся и устроят революцию. Поэтому нечего приставать и злиться на корреспондента. У нас своя работа, у него своя.

— Ну, голова! — восхитился Боцман. — Все по полочкам разложил, и сказать нечего в ответ.

— Что поделать, гениальность, Валя, в карман не спрячешь, — скромно потупился Москвич, — но мозги нуждаются в питании. Поэтому дай еще одну банку сгущенки для меня лично как для особо одаренной личности!

...Последняя встреча с овцебыками произошла у Капитана при необычных обстоятельствах. Накануне был ураганный ветер. Пустые железные бочки летали по воздуху, как воздушные шарики. Антенну просто изломало на мелкие деревяшки. А на связь выходить надо было регулярно. На штырь связаться не получалось. Надо было набрать нужную высоту. А для этого необходимо карабкаться на пик Тундровый, что при таком ветре небезопасно. Поэтому Капитан принял решение: лезть на пик с рацией самому. Его из-за приличного веса ветру не так легко сбросить с горы, а если что и случится, то самому за себя и отвечать. Сказано — сделано.

Лишь порывы ветра немного утихли, он полез на пик. Причем, чтобы прием был уверенным, решил вскарабкаться на самую его вершину. Верхушка эта представляла собой небольшую площадку с геодезическим знаком посередине. Чтобы спокойно было работать с рацией, Капитан нашел хороший выход. Плотно примотал сам себя к триангуляционной вышке, оставив свободными только руки. Затем достал из-за пазухи рацию и приготовился к работе.

Занятый по горло, он особого внимания не обращал на ветер и поверхность пика. Вдруг услышал негромкое фырканье, поднял глаза и обомлел. В двух метрах от него стояли в характерном каре четыре овцебыка и разглядывали его с интересом прямо в упор, фыркая и как-то по-свинячьи похрюкивая. Их зимняя шкура клочьями свисала с них и развевалась по ветру, как флаги грязно-коричневого цвета. О чем они тихо совещались между собой, было непонятно, но от такого близкого соседства Капитану, привязанному к реперу и с рацией в руках, было очень неуютно.

— Ну, всё, приехали, — мелькнуло у него в голове. — Сейчас одному бычку только раз лобиком долбануть и куда сума, куда милостыня. Надо же так по-глупому погибнуть! Одна только радость — двинуть по лохматой роже казенной рацией — и жизненной сказке конец! Хоть ребята поймут меня правильно.

Его охватила неожиданная злость.

— А ну, кончай базар! — заорал он. — Расхрюкались тут, как на свиноферме. И нечего воздушные ванны принимать, вашу в гроб мать! Другой горы им, видите ли, не нашлось!

И тут, он, не замечая, что говорит стихами, резко перешел на такой мат, какой даже в армии редко себе позволял.

Животные всё внимательно выслушали и, неизвестно, то ли обогащенные его псевдолитературными изысками, то ли командным голосом, усовестились, развернулись и ушли с площадки. Тут как раз подошло время связи.

Спустившись с горы, Капитан о своем приключении распространяться не стал. А при разговорах об овцебыках упорно отмалчивался. Признался в своей встрече лишь в конце полевого сезона, когда ребята стали интересоваться, что делать с шерстью овцебыков, которая все время попадалась в маршрутах большими клоками.

— Что делать, что делать, — буркнул он. — С паршивой овцы хоть шерсти клок! Вот и собирайте ее.

— В самом деле, почему не собрать, — тут же подхватил хозяйственный Боцман. — Глядишь, наберем мешочек, и будет жене Капитана из чего носки да варежки его мальчишкам вязать.

Так и сделали. Еще добрых два-три года малолетние сыновья Капитана щеголяли в свитерках, варежках и носках из прочной и теплой овцебычачьей шерсти.

На будущий год был обнаружен один павший овцебык. Как оказалось, животное погибло от воспаления легких. Сам он замерзнуть не мог. Скорее всего, за ним гонялись по снегу, видимо, чтобы получить фотоснимки. Кто это сделал, так и осталось тайной. Грешили и на военных, и на Провиденскую гидробазу, но факт оставался фактом — стадо уменьшилось на одну особь. Еще на острове появились волки. Видимо, принесла их нелегкая с материковой части тундры. Они перебрались через пролив Лонга, деловито прирезали около десяти оленей, но с вертолета обнаружить их не удалось. Вдобавок появилась и росомаха; она прошла весной через гнездовье, но гусей не тронула.

Что сейчас с овцебыками творится на острове, толком не знает никто. Людей в принудительном порядке вывезли с Врангеля, а заповеднику, погрязшему во внутренних распрях, естественно, не до полевых исследований. Часть овцебыков находится в одной из старательских артелей на Колыме. А Вовченко и Домнич давно преподают в Запорожском университете на Украине и, наверное, с тихой грустью вспоминают молодость и свои полевые исследования на острове.

Человек, которого не признавали за человека

Эту смешную и одновременно трогательную историю рассказал Москвич, когда орнитологи вынужденно просиживали в балке штаны в ожидании конца очередной весенней пурги. И касалась она, конечно, женщины, вернее, девушки-дипломницы Веры из Дальневосточного госуниверситета, которая как студент-ботаник приехала на остров за материалом для дипломной работы. В то время отряд магаданских биологов был небольшим и сборным. Вера же попала в отряд ботаников — ученых из Ленинградского ботанического института, который возглавлял молодой, бородатый и веселый Васьковский. А магаданцы никак не могли решить проблему, кого взять на гнездовье для роли повара. И здесь Москвич, узнав, что в отряде ботаников несколько женщин, предложил совершить выгодную сделку.

— Надо одну девицу забрать на гнездовье, будет там, как Маша у медведя в сказке, харч нам готовить и пирожки печь. А бежать ей некуда, пока полевой сезон не закончится.

— А если она не захочет? — поинтересовался кто-то из зоологов.

— А кто ее спрашивать будет! — откликнулся зав. лабораторией орнитологии. Кроме того, мы ее просто купим.

— Как это купим?

— Ну, не за деньги же, конечно. Скорее всего, обменяем на нужную вещь — и вся недолга!

Как решили, так и сделали. Пошли к ленинградцам якобы в гости. Те обрадовались коллегам и стали потчевать, чем бог послал. Тем временем магаданский завлаб и Васьковский вроде бы вышли покурить и вернулись с загадочными мордами.

— Ну, посидели — пора и честь знать, — промолвил завлаб. — Спасибо, конечно, но мы ведь не просто чаи пришли к вам распивать. Завтра нам надо на гнездовье белых гусей выезжать, а в отряде у нас одни мужики. Ни сготовить, ни в балке уют наладить не умеют. А у вас с женщинами перебор. Короче, продайте или подарите нам одну. В конце поля вернем в целости и сохранности.

— Дарить — это, конечно, непозволительная роскошь, — заметил Васьковский, — а вот за умеренную цену или равнозначный обмен, пожалуй, можно и согласиться.

— Цену предлагаем хорошую — тридцать метров уже посаженной сети. Хоть горбушу лови, хоть кету, и ешь — не хочу! — включился в разговор Москвич.

Уж он, как никто другой, знал, что красная рыба заходит во врангелевские речки крайне редко, поскольку зимой они промерзают до дна. За весь период своих исследований видел только одну горбушу в низовьях реки Тундровая, пытался застрелить ее из мелкашки, но безуспешно. Но Васьковский этого не знал и поэтому заглотил приманку сразу и плотно.

Женщины от этого разговора впали в какое-то оцепенение.

— Так какую брать будете? — вел свою партию розыгрыша Васьковский.

— Вот эту! — ткнул прямо в лоб одной из них, симпатичной студентке Вере, которая в штормовом костюме походила на мальчишку-сорванца, указательным пальцем завлаб.

— Не желаю я, чтобы меня продавали за сетку, — завопила та.

— Девочка, ты, по-моему, не поняла, куда попала, — отеческим, строгим тоном заметил завлаб. — Здесь дикий остров, на нем живут одичавшие и озверелые мужики. Ты считай, что тебе повезло, хоть с цивилизованными людьми будешь общаться! А иначе тебя просто украдут, утащат к какому-нибудь чукче-охотнику на другой конец острова. Будешь кушать моржатину и одежду шить ему и себе из оленьих шкур, да еще шкуры вонючих песцов выделывать. Милиции на острове нет, никто тебя и искать не будет. Поэтому собирай свое барахлишко и поехали, а то как бы погода не испортилась.

После такой отповеди заплаканная Вера пошла укладывать свои нехитрые пожитки, а веселый Васьковский — упаковывать в баульный мешок новехонькую сеть, от которой орнитологи второй год не чаяли, как избавиться.

До домика, приютившегося прямо у подножия горы Тундровой, добрались без приключений.

Началась обычная полевая жизнь с ее заботами и маленькими радостями. Вера оказалась человеком, поразительно не приспособленным к полевым условиям. И казалось, приучить ее к тяжелому полевому быту было практически невозможно. На обычные шутки и подначки она реагировала, как большой ребенок.

Например, не могла спать при свете. А где возьмешь ночь при полярном дне, когда сумасшедшее солнце вообще не садится, а мотается по небу вкруговую? Пришлось тщательно занавешивать окна, прежде чем лезть в спальные мешки.

— Не могу заснуть без сказки, — капризничала она, как маленькая девочка.

— Ладно, — бурчал завлаб, — будет тебе на ночь сказка. Только я одни страшные знаю!

— Ну ладно, только не сильно страшную, а то я от испуга могу сознание потерять!

— Слушай! Жил-был в тундре старый-престарый волк. Зубов у него почти не осталось, поэтому жрал он все подряд: и леммингов, и всякую тухлятину. Изо рта поэтому у него дико воняло. Догнать добычу он не мог, поэтому научился лихо подкрадываться.

— Какая гадость, — слышался тихий девичий голосок. — А как это — лихо подкрадываться?

— Ну, это просто. Представь, что ты лежишь и дремлешь себе в спальнике на открытом воздухе. Птички поют, цветочками всякими воздух напоен, легкий ветерок локоном твоим играет. А к тебе тихо ползет громадный седой волк, прищурив глаза и жадно раскрыв свою зловонную пасть. А из нее капает отвратительный гной пополам со слюной. Вот волк ближе и ближе, ближе и ближе…

— Ой, не надо, мне уже страшно, — с дрожью промолвила Вера.

— Вот он широко раскрыл свою гнусную пасть и…

— Ам! — рявкнул, изображая волчий рык, Москвич и схватил Веру за ногу.

Та тихо вскрикнула и умолкла.

— Что это она замолкла? — удивился псевдоволк.

— Балбес, так она же сознание потеряла! Давай нашатырный спирт и воду в кружке. Будем оживлять девку, — сказал озабоченно завлаб. — Вишь, какое нежное существо, прямо беда с ней!

— Что это со мной было? — тихим голосом спросила очнувшаяся от обморока Вера.

— Да ничего, просто слишком в сказку поверила, — ответил Москвич. — Больше мы тебе их рассказывать на ночь не будем, лучше о биологии острова Врангеля поговорим. Тебе же на пользу.

Так и шло день за днем короткое северное лето. Мужики посовещались и решили, что материал для диплома Вере они соберут сами, нечего ей по тундре шастать. Не дай бог, что-нибудь с ней случится, поскольку девушка она нежная и совершенно не приспособленная к суровым полярным условиям. Вере перспектива все время сидеть дома не очень светила, хотя она освоила готовку пищи и пыталась приступать к изготовлению пирожков.

— Верочка, ты пойми, мы не изверги. Просто в тундре опасно, — гнули свою линию орнитологи. —Там живет злая птица поморник. Она как увидит человека, то садится ему на голову и начинает долбить, пока до мозга кость не пробьет. А еще живет злой зверь песец. Он просто одинокого человека как увидит, то заедает! Поэтому мы в маршруты обычно вдвоем ходим.

— Хватит меня за дурочку держать, — отвечала, гремя сковородками, Вера. — Будто я не знаю, что песец — это такая маленькая и миленькая лисичка.

— Это ты по тем песцам судишь, которые женщины в виде шуб и воротников носят. А врангелевский песец вечно голодный, вонючий и свирепый. Жрет подряд все, что шевелится. К нам-то песцы привыкли, да еще мы с винтовкой ходим, а вот тебя непременно заест.

— И что же, мне вообще нельзя никуда выходить?

— Да нет, можно, в туалет, например, или вокруг домика в пределах ста метров погулять, чтобы успеть в случае чего домой добежать.

И надо же было такому случится, что мрачные прогнозы насчет Веры вскоре стали сбываться. Буквально через день двое орнитологов возвращались вечером с маршрута и, подходя к домику, увидели неладное.

На выдающейся из-под стрехи стропиле, под самой крышей, в странной позе висел человек.

— Слушай, по-моему, Вера повесилась, — сказал один.

— Этого нам еще не хватало для полного счастья, — проговорил другой. — Нет, слава богу, она еще шевелится. И кой черт ее на крышу занес?

Немного посовещавшись, они бодрым шагом двинулись к домику. Вера, одетая в зимнюю шапку-ушанку и полевую меховую шубу, висела на стропиле, как мешок. Стропила проходила у нее за спиной и практически девчонка висела на ремне, которым была подпоясана шуба.

— Снимите меня отсюда, — жалобным голосом попросила она.

— Мы тебя туда не вешали, — был ответ. — Пусть кто повесил, тот и снимает. А мы пока чай попьем!

Град девичьих слез был ответом на это неджентльменское поведение. Поэтому пришлось срочно проявлять благородство и снимать девушку, насаженную на стропилу, как бабочка на иглу.

Все оказалось просто. Вера приготовила обед и вышла погулять. Обнаружила красивое гнездышко с тремя пестрыми яичками. И тут налетевший, судя по ее описаниям, длиннохвостый поморник с пронзительным криком сел ей на голову и начал долбить ее клювом. Перепуганная Вера бросилась бежать домой, а поморник гнался за ней до самих дверей.

Отдышавшись и оправившись от неожиданного нападения злого поморника, Вера загрустила, а поскольку дело шло к вечеру, решила посмотреть, не идут ли домой орнитологи. Чтобы уберечься от поморника, она надела шапку-ушанку, а от ветра облачилась в шубу. Взяла бинокль, подпоясалась и залезла на плоскую крышу балка. Там она стала расхаживать, внимательно осматривая врангелевские дали

в бинокль. И сама не заметила, как сверзилась с крыши. По пути падения зацепилась ремнем и повисла на стропиле. Ремень натянулся под тяжестью тела, а расстегнуть его сил не хватало. Поэтому после нескольких неудачных попыток освободиться самостоятельно Вера решила просто висеть до тех пор, пока ее не освободят рыцари-орнитологи. Что и произошло.

Несколько дней она безвылазно сидела дома. Тем временем наступило настоящее лето. На острове это обычно первая декада июля. Стало тепло, тундра превратилась в ковер из цветов, началось массовое вылупление птенцов на колонии белых гусей и уход их в северную часть острова — Тундру Академии.

В это горячее время орнитологи забегали домой только раз в сутки, чтобы основательно перекусить. В один из таких моментов Вера и решила прогуляться. Гуляла она недолго. Через пять минут с криком: «Помогите, заедают!» она влетела в избушку, а за ней — обнаглевший песец. Перепуганная вконец девушка после метаний по комнате запрыгнула на стол, а песца Москвич пинками выдворил наружу. Все обалдело уставились на Веру, поскольку случай был вопиющий и происходил на глазах.

А дело обстояло следующим образом. Вера решила пополнить свой гербарий и, радуясь солнышку, направилась к живописным, поросшим полярными маками небольшим буграм. Там она присела на корточки и занялась любимой работой, тщательно упаковывая каждое растение в гербарную папку. Одета она была в легкое платье и сама смотрелась, как экзотический цветок на фоне суровых гор. И откуда ей было знать, что она сидит прямо на жилой песцовой норе.

Песец, а это был старый закаленный самец, высунув морду из ближайшего отнорка и сам вначале изумился от такой наглости, поскольку орнитологи обходили его владе-

ния обычно стороной, но затем мгновенно рассвирепел и вцепился в тугой девичий зад.

Веру как пружиной подкинуло в воздух, и она, забыв про гербарий, помчалась к дому. А за ней, лая противным голосом и стараясь укусить ее за ноги, мчался песец. Так они и влетели в дом.

Это событие настолько потрясло девушку, что она оставила попытки самостоятельных прогулок по тундре. Тем более, что теплая декада закончилась, поползли холодные туманы и в тундре стало сыро и противно.

В это время в гости к орнитологам приехал на «Лизетте» Винклер. Он по достоинству оценил чистоту в доме и хлебосольность юной хозяйки. А у орнитологов зажглись подозрительно глаза.

— Ну, как тебе наша Вера? — спросил, ничуть не смущаясь ее присутствием, Москвич.

— Да просто золото, а не девушка, — ответил искренне тот, чем вызвал густой румянец на щеках молодой хозяйки. — И собой хороша, и готовит отлично. Да, похоже, она дорого стоит!

— Так в чем же дело, покупай! Поле все равно скоро заканчивается, а ты мужчина видный, тебе хорошая хозяйка нужна. Да еще почти с высшим образованием!

— Оно, конечно, заманчиво, — включился с ходу Винклер, — а какой калым за нее вы просите?

— Да пустяки, твой маленький трактор!

— Нет, это уж дудки, — начал с азартом торговаться Николай. — Я знаю, что вы сами ее всего за сетку купили у ленинградцев. Причем и надули их при этом самым бессовестным образом.

— Коля, имей совесть! Ведь мы ее совсем глупой купили, она даже кашу варить не могла. А теперь даже пироги печет. Соответственно и цена выросла.

— Не смейте мною опять торговать! — раздался вдруг дрожащий от обиды голос Веры. — Я думала, что вы настоящие мужчины, а вы жадные работорговцы все! Не желаю продаваться за трактор!

И из ее глаз опять, как у клоуна в цирке, брызнули слезы.

— Ну вот, видишь, Коля, срывается сделка, — промолвил Москвич. — Теперь уж сам ищи к ней подходы. Она девушка гордая, но отходчивая, может, и простит тебя.

Вскоре полевые исследования на острове были завершены. Орнитологи собрали для Веры шикарный гербарий и фактически вчерне написали дипломную работу. Расстались они друзьями.

Ученого из нее так и не вышло, а учитель биологии получился неплохой. Со временем стала забывать остров и свои приключения на нем, вышла замуж, затем пошли дети. Короче, навалился повседневный быт. Некоторое время она еще переписывалась с орнитологами, всегда с неизменной теплотой вспоминая остров Врангеля и неуклюжую смешную девчонку, которую никто, даже птицы и звери, не признавали за человека.

Шахматная эпидемия

Удивительно, но на острове народ болел крайне редко. Нельзя сказать, что не болел вообще. Иногда заезжие гости привозили грипп, но он как-то сам по себе быстро проходил. Видимо, нежные городские микробы и вирусы не выдерживали суровых полярных условий и тихо сдыхали сами по себе. Косвенно этот факт подтвердили московские микробиологи, которые исследовали воду, почву и воздух и были поражены. Когда орнитологи спросили их, можно ли пить сырую воду, то получили потрясающий ответ:

— Хоть из самой грязной лужи! Все равно в ней в тысячу раз этой пакости меньше, чем в московской водопроводной воде.

Но иногда нападали эпидемии совсем другого рода. И самой памятной была шахматная. Первыми «заболели» орнитологи, затем она перекинулась на все биологические отряды и, наконец, достигла поселка.

Надо отметить, что ее развитию способствовала погода, которая в этот год была на редкость отвратительная: замучили затяжные весенние пурги, а затем дожди с туманами и ураганными ветрами.

Вначале свихнулся отряд орнитологов. Спустя некоторое время там определилось два шахматиста, которые были примерно равные по силе, но заметно превосходили остальных. Поэтому играли в основном начальник отряда и Москвич. С переменным успехом. Причем, если выигрывал Москвич, то он принимал гордый и заносчивый вид, нахально требовал у Валентина Хлёсткина сгущенку, которую он любил как кот валерьянку и готов был ее потреблять в любое время дня и ночи. Сгущенка, как он заявлял, ему была необходима для подкормки серого вещества мозга, истерзанного хитроумными шахматными комбинациями. А на призыв соперника сыграть еще одну партию презрительно отвечал: «Учи дебюты!».

Заболели шахматами и «овцебычатники». Особенно начальник их отряда — Вовченко. Он, упоенный своими легкими победами над Домничем, через день прибегал к орнитологам попробовать свои силы. Играл он послабее, но очень азартно. Обычно он сражался с Капитаном, Москвич выступал в роли его советника.

— Не бойся, Володя, — говорил он, — это тебе не соперник, он просто бумажный тигр, как говорят китайцы, и мы его с тобой вместе враз одолеем! Меня только слушайся.

Капитан закусывал губу, и сражение начиналось. Постепенно объединенные силы начинали терпеть крах. И тогда Москвич обычно ретировался.

— Ой, Володя, — говорил он, — в какую мы с тобой задницу залезли! Теперь напряги волю и выпутывайся сам.

После этого он закуривал и с живым интересом смотрел, как Вовченко с треском проигрывал партию.

— Что-то ты в тактике не учел, а стратегия моя была правильная, зря ты ее не придерживался, — продолжал он, глубокомысленно выпуская клубы табачного дыма.

— От такого коварства Вовченко просто терял дар речи, отказывался даже от обеда и убегал к себе на базу, которая была примерно в 15 километрах от орнитологов.

— Нет достойных соперников, — подытоживал Москвич, — пускай учат дебюты!

Все изменилось, когда на гнездовье приехали киношники с Леннаучфильма. Играли они средне. Выделялся лишь директор фильма. Нельзя сказать, что он намного превос-

ходил Капитана и Москвича по технике игры, но психологически задавил сразу. Играть с ним было тяжело. Он двигал фигуры по доске, а на лице его не отражалось никаких эмоций. Создавалось впечатление, что играешь с каким-то роботом. Поэтому орнитологи безнадежно продували одну игру за другой. И поскольку это уже задевало честь всего отряда, надо было срочно искать выход. И предприимчивый Москвич его нашел.

— А что, ребята, — осторожно поинтересовался он у остальных киношников, — на самом деле у вашего директора эмоции напрочь отсутствуют?

— Да нет, конечно, — раскрыл роковую тайну оператор, — он очень азартный человек. Вы попробуйте с ним сыграть на что-нибудь.

Совсем приунывшие шахматные лидеры так и сделали. При очередном появлении директора фильма, который подоспел прямо к обеду, Москвич после первой послеобеденной вкусной затяжки с невинным видом предложил ему сыграть одну партию.

— Да что с вами играть, — лениво потянувшись, заметил директор, — надоело все время выигрывать!

— А давай сыграем на интерес, — вдруг сказал Москвич.

— Это на деньги, что ли?

— Да нет, мы люди благородные, но бедные, давай на то, что проигравший помоет грязную посуду.

— Ну, быть по-вашему!

Игра началась. Вначале у директора было небольшое преимущество, затем после неоднократных напоминаний Москвича о немытой посуде, которая с нетерпением ждет проигравшего, он начал нервничать. Примерно на десятом ходу он откровенно «зевнул» крупную фигуру, и его положение резко ухудшилось. В общем, игру он с треском проиграл и тут же захотел отыграться.

— Хорошо, но если проиграешь, то отдраишь все кастрюли, — подключился Капитан.

И эту партию директор с треском проиграл.

— Не за то отец сына бил, что в карты играл, а за то, что отыгрывался, — философски заметил Боцман, который с плохо скрываевым интересом наблюдал за развитием шахматной баталии.

В дальнейшем директор фильма будто сошел с ума. Прибегал играть почти каждый день и превратился в кухонного рабочего у Боцмана. Ему больше не удавалось выиграть ни одной игры.

Наконец он вообще перестал приходить.

— Я не могу больше ходить к орнитологам, — жаловался он своим товарищам, — мне при входе в их балок просто хочется сразу снять штаны, поскольку знаю, что меня будут иметь по полной программе. Надо, наверное, срочно переходить на игру в карты.

— Не советую, — заметил оператор Саша, — я специально интересовался этим вопросом. Москвич заядлый преферансист экстра-класса, а Боцман играет только на деньги, кроме того, он в лагере прошел такие карточные университеты, что тебе и не снились. Поэтому их начальник разрешает только интеллектуальные игры. Следовательно, тут ничего не прокатит. Может тебе на шашки переквалифицироваться? Или просто отдадим тебя в аренду к Боцману. Хоть на еде тогда сэкономим!

— Пошли вы все к черту, не играю я больше в шахматы — и баста! — отрезал директор.

Но на этом шахматные страсти не закончились.

После окончания полевых работ отряд орнитологов перебазировался в поселок Ушаковский, где и пребывал в

ожидании вертолета. Делать было решительно нечего, и члены отряда вначале превратились в работников быта.

Начальник чинил часы и фотоаппараты, другие — кто во что горазд, начиная от ремонта плиток, стиральных и швейных машин и заканчивая перегрузкой смерзшегося угля от домов в угольники предбанников. За эти подвиги они заслужили благодарность жителей, особенно их женской части. Но кончилась и эта работа, а вертолета так и не было из-за нелетной погоды.

В это время можно было часто видеть идущего по поселку Капитана с шахматной доской под мышкой, от которого местные аборигены в страхе разбегались. Лишь один был такой же свихнувшийся — Гриша Каургин. Он, хотя и играл в шахматы на редкость плохо, мечтал стать чемпионом поселка и был готов играть в любое время дня и ночи, если бы не жена и куча детей.

Однажды он и поведал капитану, что на ДЭСке (так называлась поселковая дизельная электростанция) объявился еще один шахматист.

Вечером начальник отряда отправился с шахматной доской на ДЭСку. Встретил его длинный, угрюмого вида мужик, который только заступил на ночное дежурство.

— Что, в шахматы пришел поиграть? — вместо приветствия спросил он.

— Да, если вы не против, — ответил Капитан.

— Да нет, очень даже за, — ответил тот, — вся ночь впереди!

Капитан расставил фигуры и сделал первый ход. Противник нехотя отвечал. Спустя несколько ходов Капитан вдруг внезапно увидел, что попал, будто в железные клещи. Мат произошел примерно на десятом ходу.

— Ничего, — подумал он, — с кем не случается, нельзя быть самонадеянным, буду играть осторожнее.

Не тут-то было. Следующую партию он проиграл также с треском. Причем примерно с пятого хода попадал в типичное положение, которое шахматисты называют «цуцванг». Это когда твой последующий ход только ухудшает и без того неважное положение. Жуткое состояние. Наверное, то же самое испытывает жертва, зачарованная немигающим взглядом змеиных глаз. И убежать хочется, и двигаться нет сил.

Примерно после десяти проигранных партий Капитан тяжело взглянул на соперника.

— У вас, наверное, первый разряд? — с надеждой спросил он.

— Да нет, — спокойно ответил тот, — просто несколько баллов не хватает до титула гроссмейстера. А мастера спорта я получил лет пятнадцать назад.

У Капитана отпала челюсть.

— Что же вы раньше мне ничего не сказали? — возмущенно спросил он.

— А вы и не спрашивали; кроме того, со мной давно уже никто ни в поселке, ни на судне играть не садится.

Оказалось, что он механик судна, стоявшего под разгрузкой генгруза, которое пришло в поселок и застряло на неопределенное время из-за плохой ледовой обстановки. Поэтому механик устроился временно сменным мотористом на ДЭСку. Да и ночевать на судне осточертело. А его шахматное мастерство востребовано не было.

Вдвоем они проиграли всю ночь, причем к утру подружились, и механик преподал некоторые уроки шахматной теории, воспроизводя на память партии знаменитых шахматистов. В результате ночь пролетела незаметно, а через день прилетел вертолет и отряд отбыл на Мыс Шмидта и затем в Магадан. Так закончилась в этот год шахматная эпопея на острове Врангеля.

Гриша Каургин

На острове жили люди разных национальностей: чукчи и эскимосы, русские и украинцы, литовцы и татары — да мало ли кто еще. Похоже, национальные вопросы тут никого не волновали. Безусловно, зверобоев лучше эскимосов не было, хотя береговые чукчи тоже были искусные охотники. В свою очередь, оленные чукчи были твердо уверены, что из эскимосов никогда не выйдет настоящего чаучу, то есть оленевода. Но вслух это не обсуждалось. Тем более, что на острове нередки были смешанные браки. Например, у Гриши Каургина жена была эскимоска, а сам он — чукча. С обветренным до черноты загорелым лицом, совершенно невозмутимый, Гриша знал только одну страсть — шахматы. И когда Капитан, ошалевший от ожидания борта на Мыс Шмидта, гонялся с шахматной доской за жителями поселка, то лишь один Гриша не прятался. Более того, всегда был рад пригласить к себе домой и сыграть несколько партий. Играл он неважно, по-детски удивляясь своим промахам в игре. А когда Капитан начал преподавать ему азы теории, то и вовсе обалдевал.

— Какомей! — удивлялся он. — Это какую же голову надо умную иметь, чтобы все эти дебюты наизусть знать! Да шахматы — умная игра, а карты — дрянь. Обязательно своих детей научу игре в шахматы, как вырастут. Может, кто-то из них гроссмейстером станет и прославит наш остров.

В ответ на эти мечты его супруга выразительно стучала пальцем по лбу и начинала ожесточенно греметь посудой. Она была не против дружбы своего мужа с Капитаном, но,

пребывая в состоянии хронической беременности, несколько скептически относилась к заявлениям мужа.

Надо заметить, что женщины северных народностей несколько отличаются от южанок. Не все, например, знают, что чукчанки не кричат во время родов, а рожают молча, в кровь искусывая губы от боли. Считается, что кэлы (злые черти) только и ждут рождения нового человека, чтобы залезть к нему вовнутрь и оттуда отравлять жизнь ему и окружающим. Также они (черти) поступают и при болезни ребенка. Поэтому чукчи иногда с болезнью ребенка даже меняют ему имя, чтобы обдурить черта.

Эскимоски внешне очень спокойны, обладают врожденными способностью к рисованию, прекрасные матери и хозяйки, но, по словам их мужей, у каждой черт сидит внутри и только караулит момент, чтобы выскочить и устроить какую-нибудь пакость.

Вернувшись на остров в следующем году, Капитан на улице встретил Каургина и увидел во лбу у него приличную вмятину с еле заметными швами.

— А что у тебя со лбом случилось? — прямо спросил он у Гриши.

— Да так, ничего особенного, — немного смущаясь, ответил тот и, видимо, с целью избежать более подробных объяснений быстро ушел.

А дело было так. Гриша в начале зимы пошел с женой в кино. Там он встретил бывшую одноклассницу — чукчанку, которая давно уехала с острова, но приехала в отпуск навестить родственников. Они немного поговорили и разошлись.

После кино жена Гриши сказала ему, что немного задержится, а он пусть идет домой, покормит детей и ложится спать. Он так и сделал.

А жена пошла и проследила за его одноклассницей, затем нашла здоровенную палку и для начала перебила стекла в доме, где та остановилась.

— Выходи, гадина, — кричала она, — приехала мужа моего соблазнять! Выходи, я тебя сейчас убивать буду!

Та благоразумно выходить не торопилась и отвечала, что никому ее муж не нужен и пусть она спокойно идет домой. Сбежавшийся народ слегка успокоил разбушевавшуюся супругу Гриши, и она отправилась домой. Там она взяла молоток и подошла к спящему мужу.

— Вставай, изменщик, — крикнула она ему прямо в ухо, — смерть к тебе пришла!

Ничего не понимающий Гриша поднялся и сел на кровати. И тут же получил удар молотком в лоб и рухнул весь в крови.

Мгновенно успокоившаяся жена пошла к председателю поселкового совета и заявила, что только что убила за измену своего мужа.

Тот, убедившись, что Гриша еще жив, вызвал санрейс. Прилетевший вертолет доставил пострадавшего прямо в районную больницу, где врачи срочно сделали операцию.

Отлежав положенное время в больнице, Гриша со здоровенной вмятиной во лбу благополучно вернулся к любящей супруге, которая через некоторое время в очередной раз забеременела. Но этим дело не закончилось.

Акуленков — блюститель нравственности, закона и по совместительству председатель поселкового Совета — дал делу ход. В результате на остров прилетел вертолет с представителями правоохранительных органов. Решено было устроить выездное показательное заседание районного суда. Проходило оно в поселковом клубе. На суд собрался весь поселок. Для многих при полном отсутствии на острове телевизионной связи, в условиях полярной ночи это было представление почище, чем ноябрьские праздники.

При полной тишине судебное заседание началось. Споткнулся суд сразу при опросе злодейки и потерпевшего.

Нахально подбоченившись, жена Гриши явно не походила на раскаявшуюся грешницу.

— Я не знаю, зачем вы сюда приехали, лично я претензий к своему мужу больше не имею! — заявила она гордо.

— Я к своей жене тоже претензий не имею, шибко любит меня, поэтому ревнует — просто ужас, — в свою очередь сказал потерпевший. — А мать и хозяйка она отличная — другой мне не надо.

Народ в зале валялся от хохота. Мрачными только оставались представители власти. Но у судьи, если внимательнее приглядеться, тоже плясали черти в глазах.

Так и окончился этот суд ничем. Что уж там было дальше и как выкручивался Акуленков — история умалчивает. Зато отметина на лбу у Гришки осталась на всю жизнь как знак великой любви и великой ревности.

Вояки

То, что на острове присутствовали военные, начальник отряда узнал еще в Магадане. Да было бы странно, если бы они отсутствовали. Остров имел стратегическое значение еще со времен Второй мировой войны. В поселке Звездный сохранился резервный аэродром с довольно приличной полосой, куда могли садиться самолеты, начиная от АН-2 и кончая ИЛ-14. Вокруг аэродрома стояли цистерны с прекрасным авиационным бензином, арктической соляркой и маслами.

Москвич рассказывал, что когда он впервые появился на острове, в близлежащих сопках находился склад здоровенных фугасных авиабомб, которые были уложены в поленницу, как дрова. Полярная станция, или, как все ее обычно называли, «Полярка», в поселке Ушаковский была тоже неплохо «упакована». Там были и гранаты, и автоматы ППШ, и противотанковые ружья. Так что остров был неплохо укреплен даже и в 70-е годы. На его северо-восточной части, которая носила название мыс Гавайи, располагалась небольшая часть войск ПВО. Военные в ней жили в автономном режиме, лишь изредка появлялись в поселке Ушаковском, обычно по приглашению местных органов власти или в связи со знаменательными событиями. Местные жители называли их за глаза «вояками». Несколько обидное прозвище, но военные — народ гордый! И хотя они знали, что так их называют, но вида не подавали. Тем более, что все им завозили независимо от остального гражданского люда, жилье и питание обеспечено, служба налажена — чего еще желать! А что поселок расположен относительно далеко, в этом тоже можно найти преимущества — меньше соблазнов личному составу! Средства связи — про них и говорить стыдно, ни у кого таких нет, транспорт тоже не проблема, начальство далеко и особо с проверками не надоедает. Скучновато, правда, но на то она и служба. Кому она легка? В генштабе, хоть он и в Москве, тоже свои проблемы. И еще неизвестно, кому легче!

С начальником части ПВО начальник отряда познакомился по пути на мыс Уэринг, когда забрасывал туда на птичьи базары Олега с Татьяной. На обратном пути не преминул воспользоваться приглашением отобедать. Питание у военных было налажено неплохо. Вездеходчик пошел в солдатскую столовую, а два начальника, гражданский и военный, обедали вдвоем. Естественно, не обошлось и без спирта, который начальник отряда предусмотрительно захватил с собой. Его до жути интересовало, зачем вояки вообще на острове? Но на все каверзные вопросы начальник части отвечал односложно, в основном «нет». После второго стакана спирта он начал жаловаться на жизнь.

— Понимаешь, все бы было хорошо, если бы не было так плохо. Раньше мы на охоту хоть ходили, песцов ловили, а теперь ужесточения пошли в связи с тем, что думают заповедник открыть. Жены на остров не едут, чего им сидеть на этом проклятом мысу, который, видимо, в издевку назвали Гавайи. Что тут есть, кроме сумасшедшего ветра во все времена года, да диких пург? Солдаты хоть полтора года оттрубят и домой, а мне, как медному котелку, парься здесь неизвестно сколько. Вот замполиту повезло, закосил под нервное расстройство и смотался!

Про историю с замполитом знал весь Врангель. Дело было так. Однажды командир вместе с замполитом, то ли приняв на грудь, то ли просто с тоски, пошли погулять по берегу моря. Надо отметить, что сам мыс и расположенная на нем часть приподняты метров на пятьдесят над уров-

нем моря. Чтобы спуститься вниз, надо довольно прилично удалиться от части. Но в части должен постоянно присутствовать командир или его заместитель. Так что они нарушили инструкцию, когда пошли гулять вместе. Спустились к морю, которое на удивление было спокойно и очищено ото льдов. Так и гуляли по бережку, задумчиво курили и вообще наслаждались хорошей погодой. И надо же случиться в то время ЧП.

Метрах в двухстах от берега неожиданно всплыла подводная лодка. Поглядели в бинокль, а она американская. Тут же оба залегли за большой валун и стали шепотом советоваться, что делать.

Положение на самом деле аховое. Командовать на станции ПВО некому. На двоих один пистолет. А если эти янки на берег полезут? Что им можно противопоставить? Остается только одно — по очереди застрелиться!

Пока они выясняли, что предпринять, на палубу лодки вышло несколько человек, сфотографировались на фоне острова, залезли внутрь и лодка ушла на погружение.

Отцы-командиры с большим облегчением вздохнули, примерно час еще лежали на песке и наблюдали за поверхностью моря. Замерзли на мокром песке до костей и стучали ритмично зубами непонятно от чего: то ли от холода, то ли от нервной дрожи.

По пути в часть, правда, немного разогрелись от ходьбы и от жаркого спора. Командир настаивал на том, чтобы ничего не докладывать «наверх», а замполит — на том, что надо доложить обязательно.

— Ты что, совсем одичал на острове?! — злился командир. — Представляешь, что будет? Приедут седые дяди с большими звездами, и начнется расследование. Под трибунал, мы, может быть, не пойдем, но кровь с нас будут пить ведрами и звезды на погонах облетят, как сухие снежинки.

Мне, конечно, как командиру больше достанется, но и тебе не поздоровится, уж после этого случая оставят тут служить на всю жизнь, поскольку на Северном полюсе, вроде бы, советских воинских частей нет.

Когда они после «милой» беседы заявились в часть, то при осторожном расспросе обнаружилось, что никто никаких подводных лодок не видел. Было ли так на самом деле или нет, может, просто личный состав оказался умнее и хитрее, чем командиры — неизвестно. На том и порешили, не было — значит не было.

Однако замполит не успокоился. Через некоторое время поехал в поселок и лично на почту сдал письмо. Руководство откликнулось быстро. На остров прилетел вертолет со следователем из военной прокуратуры, и тот начал наматывать командирские кишки на кулак. Но командир — он на то и командир, чтобы быть родным отцом для личного состава. На допросе он сказал, что у замполита слишком нежная психика, за ним они давно стали замечать некоторые странности, но не хотелось портить жизнь офицеру. А жизнь на острове сурова, тут и здоровый человек может запсиховать. Это подтвердил и личный состав.

Замполит, видя, что ему не верят, да еще и преувеличено бережно относятся, начал беситься, чем только косвенно подтвердил слова командира.

В результате спустя некоторое время он вместе со следователем улетел на Мыс Шмидта. Дальнейшая его судьба неизвестна. Впрочем, никто особо по нему и не горевал.

Была еще одна, уже совсем темная, история. Однажды воякам взбрела в голову идея завести в хозяйстве корову, чтобы радовать себя натуральным молочком. Сказано — сделано. Привезли. Через некоторое время она благополучно разрешилась телочкой. Но злые штатские люди из Ушаковского подсчитали, что она разродилась слишком поздно

по срокам, если считать их с момента ее доставки на остров. Возник законный вопрос: как она могла забеременеть, если бык на острове отсутствовал? Тут же пошли ехидные вопросы к воякам, приезжающим изредка в поселок, и стали рождаться анекдоты. Слава богу, корова заболела, наверное, не выдержала суровых полярных условий, и ее прирезали вместе с телочкой.

...В конце обеда Капитан все-таки добил командира.

— Ну что ты от меня скрываешь главную боевую задачу вашей части, — проникновенно сказал он. — Я, между прочим, тоже офицер и служил в таких частях, о которых даже маме с папой знать необязательно, а жене и подавно. И случись чего, остров защищать плечом к плечу будем. У меня в отряде даже бывший военный летчик есть!

— Ладно, — сдался командир. — наша главная боевая задача простая, как правда, и такая же противная. Обнаружить, что с Аляски запущены ракеты и летят в нашу сторону. А дальше разбегаться по тундре, поскольку на нашу станцию и ядерной боеголовки жалко, обойдутся обычной. Но жахнут обязательно, и от части только большая яма останется.

— Ну и хорошо, вот и дуй прямиком ко мне в тундру, только оружия вези побольше. Я тебе на карте точно укажу, где мы находимся, развернем партизанскую войну, устанут враги для своих могил мерзлоту долбить. Спирта нам на несколько месяцев хватит, аптечка укомплектована, оленей на острове не меряно, да еще на мысе Блоссом немного похулиганим, на лежбище моржей набьем. Без мяса не останемся и врагам остров не отдадим! А пока в сугубо секретных целях приглашаю тебя с ответным визитом, чтобы окончательно уточнить планы обороны острова. Хоть немного развеешься от однообразной жизни.

На этом и порешили. Вдохновленный командир велел загрузить несколько ящиков с продуктами и две бочки бензина в вездеход и обнялся с новым другом на прощанье. К сожалению, с ответным визитом он так и не приехал.

Вскоре на острове, недалеко от мыса Гавайи, появились другие вояки. О них никто ничего не знал, но говорили почему-то шепотом, в поселке они не появлялись вообще. Но генгруз к ним шел на нескольких кораблях, стройматериалов везли больше, чем на весь поселок, а что было в генгрузе — опять же было неизвестно. Вездесущие егеря заказника подсмотрели, что корабли разгружались весьма своеобразно. С намертво заякоренных судов все грузы затягивались по чудовищной толщине тросу, один конец которого был закреплен на корабле, а второй закреплен и натянут на берегу. Получалась, что груз переправлялся как бы по канатной дороге. Быстро и оперативно. Вот что такое солдатская смекалка! Изредка вояки под землей чего-то взрывали и тогда в Ушаковском на столах подпрыгивали стаканы.

А тут у орнитологов веселые чукчи-оленеводы, не справившись с капельницей, сожгли базовый домик под горой Тундровой. Хорошо еще, что никто не погиб. Надо было срочно чего-то придумывать.

Капитан внезапно вспомнил, как Винклер в прошлом году от избытка переполнявших его чувств прилюдно подарил орнитологам прекрасный балок с двойными стенами из десятислойной бакелитовой фанеры и с окнами в виде иллюминаторов. Правда, как выяснилось впоследствии, он, после того как орнитологи улетели, тот же балок обменял у вояк на новую дизельную электростанцию и одновременно продал его Провиденской гидробазе. В результате балок, который не забрали вовремя вояки, Провиденская гидробаза утащила в лагуну Предательскую, примерно за тридцать километров от поселка Звездный.

Естественно, надо было балок вызволять и ставить на гнездовье. Лучше всего сделать это, перетащив его по воздуху вертолетом. С вертолетом проблем не было.

— Как только, так сразу, — коротко ответил командир Шмидтовского авиаотряда, — но два конца троса по 50 метров за вами, и желательно самого большого сечения.

«Тут без вояк не обойтись», — подумал начальник отряда, взял с собою десятилитровую канистру со спиртом и пошел к «овцебычатникам». Начальник их отряда Володя Вовченко тут же согласился поучаствовать в сем благородном деле.

Сборы были недолги, вскоре они вдвоем плюс вездеходчик Дима уже мчались на «Гавайи». Подъехав к месту, они не обнаружили там никаких следов человека, кроме подозрительных пятен желтого снега.

— Похоже, что кто-то солярку разлил, — заметил Вовченко.

— Или вивцебугаи мочились одновременно всем стадом, — закуривая очередную сигарету, ехидно отреагировал Капитан. — По крайней мере, надо постоять и оглядеться!

Внезапно из-под земли, как лемминг из норки, выскочил замурзанный солдатик, пробежал, загребая снег валенками, и нырнул опять под землю.

Все остолбенело уставились на то место, где он провалился под землю. Никакого отверстия видно не было.

— Мистика и больше ничего, — задумчиво сказал Вовченко, — даже следов никаких!

— Никакой мистики в Советской армии нет и не будет! Слушай сюда, — скомандовал Капитан. — Как только кто-либо появится из-под земли, всем точно заметить, где он нырнет обратно. Одному оставаться у вездехода ловить азимут, а остальным искать вход в нору.

Так и сделали, как только засекли еще одного солдата. Подойдя к месту его исчезновения, обнаружили окрашенную в белую краску крышку, подняли и увидели лестницу, круто уходящую вниз. По ней и стали спускаться. Через некоторое время обнаружили тоннель и караулящего тумбочку часового. Тот при их виде вытаращил глаза.

— Ну, и кому стоим? — спросил у него Капитан. — Инструкцию, что ли, забыл? Звони в караулку, доложи, что к командиру части гости приехали и надо их проводить до него.

— Есть, — ответил перепуганный часовой и стал лихорадочно накручивать ручку полевого телефона.

Довольно быстро, держа наперевес АКМСы, к нему подошли старший сержант и старшина. Капитан, не дожидаясь вопросов с их стороны, протянул документы. Старшина внимательно их пролистал, сверил фотографии с оригиналами и приказал идти за ним. Старший сержант замыкал процессию.

Подойдя к совершенно неприметной двери в стене тоннеля, старшина постучал и зашел вовнутрь. Через минуту он выглянул и рукой изобразил приглашающий жест. Суровость на его лице понизилась на несколько баллов.

Войдя, оба начальника отрядов оказались в крохотной каморке, примерно пять квадратных метров, да еще и разделенной на две половины. Большую из них занимала кровать и музыкальный центр, а меньшая представляла небольшой склад из ящиков и одежды. При этом еще имелся маленький откидной столик и две крохотных табуретки.

Хозяин этого жилья был ему под стать: ниже среднего роста, но со смоляными усами и широкой грудью. Отрекомендовавшись просто по имени, он пригласил без особых церемоний садиться на кровать и изложить цель своего визита.

— Чем обязан столь высокому визиту? — поинтересовался он.

Капитан сходу, по-военному, изложил суть проблемы.

— Сложная задача, — задумался командир. — Трос стоит у нас на балансе; кроме того, без него генгруз с моря никак не затащишь.

— Да никто и не спорит, что задача сложная, значит, и решать ее надо основательно, — поддакнул Капитан, ставя на кровать десятилитровую канистру со спиртом.

— Веский аргумент, — косясь на канистру, заметил хозяин. — Подозреваю, что спирт, а какой очистки?

— Ректификат высшей пробы, опробовано на личном составе и некоторых уважаемых жителях поселка. Жертв не обнаружено, — также по-военному включился Вовченко.

— И куда вы его везете, с какими целями?

— Вам лично, исключительно в целях укрепления тесных контактов между офицерским составом действующей части и офицерами запаса.

— Ну что же, чтобы не разлагать личный состав, пусть нам старшина лично горячее принесет в каюту, а мы в это время постараемся найти выход из тяжелой жизненной ситуации, — подвел итог командир.

Вскоре появилась большая сковорода с картошкой и жареным мясом, соленая капуста, огурцы и помидоры. Поскольку спирт пили неразведенный, лишь изредка запивая его рассолом или болгарским соком прямо из горлышка полулитровых бутылок, высокие договаривающиеся стороны быстро пришли к консенсусу. Решено было отрубить от бухты два конца троса по 50 метров и загрузить в вездеход, но с тем условием, что, когда балок будет заброшен на место, этим же вездеходом немедленно доставить отрезки троса обратно, для того чтобы срастить их с основным и тем самым не нарушать отчетность.

Для выполнения этой задачи был отдан приказ старшине выделить взвод солдат с топорами и доложить об исполнении. Далее высокие стороны продолжили светскую беседу о превратностях военной и гражданской жизни. Не успела беседа плавно перейти на обсуждение женского вопроса в Арктике, как было доложено, что оба конца троса

отрублены и упакованы в кузове вездехода. При этом из шести использованных в этой операции топоров в полную негодность пришло пять.

— Ну и хрен с ними,— коротко отреагировал командир, — можно подумать, это у нас последние топоры в части!

Прощание было недолгим, и вскоре вездеход, подпрыгивая на снежных застругах, весело помчался в лагуну Предательскую, где базировался полевой отряд Провиденской гидробазы.

Когда прибыли на место, была глубокая ночь и, естественно, сотрудники гидробазы крепко спали.

Капитан зашел в ближайший балок, довольно невежливо растолкал одного из спящих мужиков и направил ему в лицо луч фонарика.

— Ты начальник отряда? — с ходу спросил он.

— Нет, — ответил испуганно тот, — начальник спит в соседнем балке.

— Давай одевайся по-быстрому, пойдешь и покажешь.

— А зачем? — робко поинтересовался довольно крепкий на вид мужчина.

— Некогда нам с тобою объясняться, одевайся или босиком пойдешь, — сурово прозвучал ответ, — нам время дорого!

Надо же такому случиться, что начальник отряда гидрографов поселился в Винклеровском балке. Это была удача. Группа из двух начальников полевых отрядов, вездеходчика Димы и несчастного проводника-гидрографа двинулась будить главного гидрографа.

Сценарий повторился. От направленного в лицо луча фонарика гидрографический начальник дернулся, как от удара током.

— Что? где? кого? — забормотал он спросонья, закрываясь ладонью от яркого света.

— Ничего и никого, а тебя, милый, — с мягким садизмом в голосе произнес начальник отряда орнитологов. — Ты зачем у меня балок спер?

— Какой балок, никакого балка я у вас не спирал, это наши все балки, и вообще, я первый раз вас всех вижу!

— Ну, положим, на все балки мы и не претендуем, ты только наш верни, который у Винклера утащил, и поскорее.

— Я на законном основании его приобрел, у меня и документы в Провидении имеются!

— А мне до фонаря, хоть в Организации Объединенных Наций! Через час-полтора прилетит сюда восьмерка, и на подвеске должна утащить балок в центр острова. Так что быстро вытряхивай своих мужиков и их барахло из балка, помоги его срочно откопать и завести троса. Настроения у меня нет, мы почти сутки не спали, и дергаться не советую для вашего же блага. А про меня ты должен быть наслышан. И он назвал свое имя и фамилию.

Неизвестно, чего больше испугался начальник отряда гидрографов. Или недоброй славы, которая, как хвост, тащилась за начальником отряда орнитологов, или свирепого вида его и сопровождавших спутников, а может быть, повлиял фактор внезапности нападения. Да и трудно было чего-то возражать, стоя без штанов перед тремя решительно настроенными мужиками.

По крайней мере, он быстро оделся, мобилизовал свою гвардию и сам принял участие в откапывании балка от снега, которым тот был завален до половины стен, видимо, для утепления. Тем временем удалось связаться с поселком; из него передали на Мыс Шмидта, что балок готов к транспортировке, и вертушка (МИ-8) не замедлила себя ждать. Командиром на ней прилетел старый полярный ас и приятель Борташевич. Он посадил вертолет, обошел балок, посмотрел подвеску из тросов и несколько нахмурился.

— Два вопроса, — начал он. — Что, сани, на которых балок стоит, тоже берем? И кто полетит со мной показывать точку, на которую балок устанавливать?

— Сани желательно тоже бы забрать, а полетит с вами Володя. Мы дернем туда на вездеходе прямо после отлета и часа через четыре будем.

— Да мне плевать, когда вы там будете, важно балок перетащить к месту! — с этими словами Борташевич полез в вертолет, а следом за ним и Володя Вовченко.

Вертолет завис над балком, из брюха выбросили трос с крюком, на который зацепили петли тросовой обвязки, и вертолет начал подниматься. Но балок не сдвинулся с места. Из кабины Борташевич что-то заорал. Все на всякий случай отошли подальше. Далее вертолет как бы присел, резко рванул балок вперед и клюнул носом, а затем взмыл в воздух, сбросив всю подвеску.

После того как он сел второй раз, оттуда выкатился, как шар, Борташевич с такими выражениями, что у непривыкшего к ненормативной лексике человека уши бы отпали, как осенние листья.

— Вы что стены свинцом залили, совсем очумели, козлы? — орал командир воздушного судна. — Не хватало мне за полгода до пенсии на Врангеле вертолет угрохать, мне тогда до смерти за него не расплатиться, лучше уж сдохнуть здесь же самому!

— Ну не серчай, дружище, черт с ними, санями, пускай гидробазе на память остаются, — увещевал его начальник отряда орнитологов. — Мы сейчас вмиг их от балка отобьем, а без балка у нас весь полевой сезон к коту под хвост летит. Будь добр, попробуй еще раз утащить его без саней.

С помощью гидробазовцев на самом деле довольно быстро отбили сани от днища балка, подвели вновь концы тро-

са, и вертолет, натужно гудя, еле-еле оторвал балок и стал набирать высоту.

— Лишь бы долетели, — вытирая рукавом штормовки обильный пот со лба, промолвил Капитан.

Он попрощался с изумленными такой наглостью гидробазовцами и пригласил на гнездовье с ответным визитом начальника гидробазы.

— А когда мы опять можем забрать балок к себе? — робко поинтересовался тот.

— А вот приедешь на гнездовье, там и обсудим, — мгновенно ответил начальник орнитологов. Хотя лицо у него было при этом и невозмутимым, но в глазах зажглись огоньки.

— После дождичка в четверг, — буркнул пожилой гидробазовец и с чувством сплюнул себе на валенок.

Вездеход рванул с места и помчался в сторону гнездовья. Не проехав и трети пути, увидели вертолет, удалявшийся в сторону Мыса Шмидта.

— Дай-то бог, — сказал вездеходчик, — наверное, трактор с «пеной» уже пылит рядом с гнездовьем.

Когда вездеход поднялся на последнюю горку перед пиком Тундровый, то обнаружилось, что на месте, где раньше стояла избушка, сиял круглыми иллюминаторами поставленный на четыре пятисотлитровых бочки ярко окрашенный балок. У сидящих в кабине вездехода мужиков запела в такт мотору душа.

На крыльце балка сидел с отрешенным видом Вовченко, который полностью игнорировал прибывший вездеход.

— Ты что, Володя, совсем закручинился, — обратился к нему Капитан, — даже чай не удосужился поставить, ведь наверное за полчаса звук вездехода услышал. Что-то совсем на тебя не похоже!

— Да пошли вы с вашим балком и с вашим чаем к такой-то матери, — ответил тот. — Я вообще больше в эти игры не играю.

Оказалось, что вес балка даже без саней несколько превышал предельную загрузку вертолета, поскольку проникшая между стен балка осенью вода замерзла, и образовавшийся лед значительно увеличил его вес. Поэтому так тяжело вертолет взлетел с балком на подвеске. Когда подлетели к горной гряде, выработанное топливо позволило подняться выше, но дувший как в трубе ветер начал раскачивать и закручивать балок. Командир вертолета принял было решение сбросить балок, чтобы исключить риск, но тут вмешался Вовченко.

— Бросайте тогда и меня, или я сам выпрыгну, — заорал он. — Меня все равно без балка начальник орнитологов пристрелит как собаку и глазом не моргнет. Он еще тот зверюга. Все равно не жить, хоть погибну смертью храбрых!

Пока он так препирался с Борташевичем, вертолет миновал опасную зону, и командир, скрепя сердце, продолжил полет. Немного помучились еще при установке балка на бочки, причем Вовченко был почти уверен, что брюхом вертолета его размажет по бочкам, как джем по бутерброду. Но Борташевич не даром слыл полярным асом, проделал работу по окончательной установке балка с ювелирной точностью. Правда на прощанье сказал, что двигателю, видимо, «хана» и надо лететь «на форму» в Певек, хотя время еще и не подошло. И что по возвращению на Мыс Шмидта начальнику отряда орнитологов долго придется откупаться. С этим и улетел.

Вскоре показался трактор с остальными членами отряда. Боцман сказал, что они, когда увидели летящий с подвеской вертолет, сразу поняли, что он тащит, и молились,

чтобы все обошлось благополучно. Может, их молитвы и дошли до Бога, как знать?

Отряд оперативно разгрузил полевые шмутки и продовольствие. Вовченко накормили в первую очередь. Он даже не стал отдыхать, хотя вездеходчик Дима был не против поспать часок-другой.

Сразу после обеда, приготовленного Боцманом с фантастической быстротой, загрузили концы троса, на которых тащили балок, в вездеход, и ребята умчались. Оказалось, они двинули прямо к воякам, вернули им одолженный трос, вернулись в поселок и там отсыпались целые сутки.

Больше вояк в местах их дислокации орнитологи не посещали. И на гнездовье с ответным визитом они не появились. Потом, по слухам, у них случился пожар, и все сгорело. Подразделение ПВО в связи с перестройкой также ликвидировали. Были попытки установить на острове погранпост, но они так и остались попытками.

Самое поганое, как мы узнали впоследствии, что Борташевичу так и не повезло спокойно дожить до пенсии, как он мечтал. Когда до нее оставалось совсем чуть-чуть, в один из последних полетов буквально на ровном месте внезапным порывом ветра резко качнуло вертолет, и он слегка зацепил несущим винтом за землю. Естественно, винт вдребезги, хорошо, что обошлось без пожара и человеческих жертв. Но от полетов Борташевич был немедленно отстранен, тут же, как обычно, свалились различные комиссии и пошло-поехало!

Когда орнитологи закончили полевой сезон и вернулись на Мыс Шмидта, там его они уже не застали. Было до слез жалко, что такой замечательный летчик, настоящий человек и классный специалист так жестоко был наказан Севером, по сути сломавшим ему в конце жизни его славную карьеру.

Ошибка Капитана

В конце июля-начале августа Капитану нужно было срочно вылетать на материк, чтобы забрать детей, гостивших у дедушки с бабушкой в Абхазии, и вернуться вместе с ними в Магадан. Забрав с собой плотно упакованный рюкзак и оружие с картами, он распрощался с отрядом. За него оставался Москвич, так что душа у Капитана была спокойна. Он не стал ожидать вездехода и решил идти в поселок пешком. Для этого ему предстояло пересечь остров по диагонали, что, впрочем, его ничуть не смущало.

Рано утром он вышел в путь и для начала заглянул к овцебычатникам, которые обосновались в низовьях реки Неизвестной.

Сразу после его ухода Москвич стал в позу Наполеона и произнес краткий спич.

— Как всем известно, — проникновенно начал он, — отныне отрядом командовать буду я. Но мне не очень нравится наименование моей должности, кроме того, ее долго произносить. Поэтому я предлагаю не называть меня зам. начальника или временно исполняющим обязанности начальника отряда. Зовите меня просто, по-домашнему — Вождь! Присутствующие члены отряда обалдело переглянулись.

Ситуацию разрядил Боцман.

— Вождь так вождь, — хмуро промолвил он, — все равно скоро полю конец, по мне хоть горшок, лишь бы было все в «елочку».

...Капитан тем временем подходил к стану овцебычатников. В палатке их находилось двое, Вовченко и Олег Ждан.

Причем последний лежал, закутавшись в спальник, и сладко храпел на лавке.

— Куда садиться-то? — спросил хмуро Капитан.

— На лавку, — ответил Вовченко.

— Так на ней же Ждан храпит!

— А ты сбрось его на пол, может быть, хоть тогда храпеть перестанет, — предложил Володя.

— Как это? — опешил Капитан.

— А вот так, — с этими словами Вовченко взял спальник за край и сильно дернул на себя.

Спальник вместе со спящим Жданом рухнул на пол. Тот заворочался, что-то пробурчал сквозь сон и опять начал сладко похрапывать.

— Можешь на него ноги поставить, все удобнее будет, а он теперь до ночи спать будет. И ему абсолютно наплевать, где он будет дрыхнуть. К ночи очухается, поест и сбежит в тундру.

— А что ему там делать? — изумился Капитан.

— Да он там грибы собирает, причем для нас загадка, как он их находит в кромешной темноте (к этому времени полярный день уже закончился и ночи становились всё темнее и продолжительнее), наверное, чует их по запаху, как ежик. Но каждое утро появляется с двумя ведрами и полным рюкзаком грибов и заваливается дрыхнуть. А я должен их обрабатывать. Вот, видишь, руки стали уже черные и не отмываются.

Ладони и в самом деле у него были черного цвета. Капитан только задумчиво покачал головой. Чего не бывает в жизни! Они вместе с Володей попили чаю, и Капитан засобирался в путь. Вовченко стал его отговаривать.

— На кой черт тебе сдалось тащится в такую даль? Поживи у нас сутки, скоро должен появиться вездеход с Домничем, и мы тебя с шиком отправим в поселок. Ну, потеряешь день-другой, зато ноги не собьешь, что тебе сопливого романтика изображать! Тем более, посмотри на небо, тебе эти «кошачьи хвосты» ни о чем не говорят? Сам же меня учил — коль хвосты на небе появились, то жди всякой пакости в природе.

Однако Капитан проигнорировал это предостережение, видимо забыв, что порой устами младенца глаголет истина. Выпив еще одну чашку чая и выкурив очередную сигарету, он отправился в путь. Перед этим, следует отдать ему дожное, сказал, что если погода и устроит очередную пакость, то он переночует в балке, который располагался в верховьях реки Неизвестной.

Оказалось, что Вовченко был прав. Спустя час с севера внезапно поползли тучи и пошел дождь. Усилился ветер, сразу сильно похолодало и стало пробрасывать снег, который плавно перешел в мокрую пургу. А это самое поганое, что может приключиться с путником в тундре. Одежда обледеневает и превращается в доспехи, которые не греют, а только забирают тепло, становится трудно идти, ноги постоянно вязнут в снегу, быстро теряешь силы, и если ты еще не защищен меходеждой, то переохлаждение наступает мгновенно. Таким образом, в тундре замерзало полно народу. Капитан упрямо шел и чувствовал, как силы из него уходят, как вода в песок. И тут вдруг внезапно произошло чудо. Он увидел стоящее вертикально березовое полено довольно внушительных размеров. Вдобавок и абсолютно сухое.

Капитан быстро утоптал снег, настрогал из половины полена щепы и развел небольшой костерок. На нем растопил снег и заварил кашу с тушенкой, а затем в той же банке вскипятил воду и заварил полпачки чая. Сразу после этого пришло долгожданное тепло. Оставив половину полена стоймя на прежнем месте и поблагодарив мысленно того, кто оставил полено в тундре, Капитан наконец-то нашел правильное

решение: двигаться вверх по течению реки, причем идти по воде рядом с берегом. Оказалось, что так двигаться намного легче. Ноги не проваливались в снег, а шли по гальке. Пройдя примерно часа два, Капитан увидел впереди крышу балка с торчащей трубой.

— Ну, вот и конец моим приключениям на сегодня, — с облегчением подумал он.

Но не тут-то было. Через несколько минут балок исчез из виду.

— Неужели полярные глюки? — подумал он, упорно продвигаясь вверх по реке.

Тут еще как на грех появились сразу два песца и стали его сопровождать, изредка тоскливо подвывая. Снять карабин и пристрелить нахальных собачек просто не оставалось ни моральных, ни физических сил.

— Хрен дождетесь! — со внезапно вспыхнувшей злобой подумал Капитан. — У меня самого двое щенят ждут не дождутся своего придурочного отца.

Собачки тем не менее не отставали, и все их желания прямо светились на их поганых мордах. И здесь вдруг, как в сказке, появился балок во всей своей красе. Наверное, поэтому и произошел такой зрительный эффект. Крыша показалась вначале, поскольку Капитан находился на пригорке, а затем, когда он спустился с него, балок и исчез. Он располагался во впадине, в нескольких метрах от берега реки.

Правда, рекой было трудно назвать мелкий, но широкий ручей. Около балка лежала куча слежавшегося угля и несколько здоровенных досок. Топор в балке отсутствовал. Но это не особо смутило уставшего путника. Он положил одну доску на завалинку балка, а затем притащил с берега увесистый валун и с размаха бросил на доску. После второй попытки она раскололась. Переломать ее расколотые части на поленья было уже пустяковым делом. Через полчаса печка была раскалена докрасна и на ней пыхтел чайник.

Внезапно пурга кончилась, выглянуло солнце и тундра преобразилась. Оказалось, что вокруг балка зеленым ковром рос дикий лук. Напившись чая со свежим луком, Капитан снял с себя всю промокшую одежду, развесил ее на стенах балка, залез в пуховый спальный мешок, положив под боком карабин, и рухнул в сон.

Очнулся он в кузове вездехода. Оказывается, Вовченко после его ухода, когда началась пурга, вышел по рации на связь и передал сообщение о том, что Капитан решил идти через горную гряду в поселок напрямик, и что искать его надо начиная с балка в верховьях реки Неизвестной. А туда как раз собирались выехать полярники, чтобы запастись свежим диким луком. Когда они с водораздела свалились в верховья реки и увидели балок с развевающейся по ветру тельняшкой, то сразу поняли, кто его оккупировал. А Капитан отключился, так что его осторожно взяли и перенесли укутанным в спальник прямо в кузов вездехода. Затем набрали дикого лука и потихоньку двинулись в поселок.

На вертолет Капитан успел попасть во время. Тем более повезло, что вертолет был военный. На нем летели какие-то генералы с Дальневосточного военного округа. Капитан подбежал к вертолету, когда тот уже запустил двигатели, и обратился к пилотам. Те многозначительно показали назад. Открылась дверь, выглянул красномордый военный в погонах с большими звездами и вопросительно воззрился на мужика в оборванной штормовке и с рюкзаком и карабином за плечами. Оглядев этого неизвестно откуда возникшего пассажира, сделал рукой прилашающий жест, и Капитан как птичка вспорхнул в вертолет, который буквально сразу же взмыл в небо.

— Коньяк пьешь? — спросил какой-то генерал.

— И спирт тоже, — ответил Капитан.

— В каком звании?

— Капитан и начальник полевого отряда, спешу на материк забрать детей, — коротко отрапортовал Капитан.

— Наш человек, военную косточку не спрячешь, — улыбнулся генерал, от которого разило смесью коньяка, хорошего табака и парфюма. — Полковник, стакан коньяка капитану!

Команда была мгновенно выполнена. Перед посадкой в аэропорту мыса Шмидта пришлось принять еще две дозы, но уже с закуской. В самом аэропорту ближайших бортов на Магадан в этот день не планировалось. Однако один самолет все же вылетал с сугубо деликатной и секретной миссией. На нем отправлялось в Магадан золото. Посторонних брать было строго запрещено. Однако время отправки Капитан узнал и, когда самолет был загружен и садилась охрана, буквально упросил экипаж взять его с собой, причем для верности предложил даже связать его. Экипаж рассмеялся и, может, поэтому, а может быть, учитывая ходатайство начальника аэропорта, пошел на нарушение инструкции, взяв пассажира, да еще и с оружием.

Через некоторое время после вылета экипаж вышел в салон почти в полном составе.

— А кто же за железку (так пилоты обычно называют штурвал) держится? — изумленно спросил Капитан.

— А черт с ним, пусть летит сам по себе, — ответил командир экипажа.

Оказывается, после набора высоты самолет лег на курс по автопилоту и необходимость экипажу сидеть по своим местам отпадала. Капитан за время полета хорошо пообедал, успел поиграть и в шахматы, и в карты, и даже немного вздремнуть. Правда, пилоты предупредили, что в Магадане надо десантироваться как можно скорее, чтобы встречающие борт не смогли засечь пассажира. Так и сделали. Десантирование прошло успешно, тем более, вспомнились навыки, приобретенные еще в армии в подобных условиях. В результате Капитаном был поставлен своеобразный рекорд. От острова Врангеля до дома он добрался менее чем за 10 часов. Но на всю жизнь он сделал для себя вывод: к Северу можно относится по-разному — можно его любить, можно ненавидеть, можно оставаться вообще равнодушным, но законы его нарушать нельзя. Иначе он тебя настигнет и отомстит.

Мыс Блоссом

В сентябре белые гуси покидают остров и летят на зимовку в теплую Калифорнию. Остров же готовится к долгой и холодной зиме. Трава в Тундре Академии жухнет и становится желтой и жесткой, как колючая проволока. Еще раньше улетают воробьиные, а без их гама наступает звенящая тишина, поддавливают морозы, и только сумасшедшие сполохи северного сияния, которые идут, кажется, прямо от палатки, несколько оживляют общее уныние. Большая часть членов полевого отряда отбыла на «материк», а оставшиеся решили посетить мыс Блоссом, самую южную часть острова Врангеля. Там располагалась выносная полярная станция, которая производила метеонаблюдения, очень нужные для караванов судов, идущих с генгрузом для Чукотки проливом Лонга. Выносная полярная станция — очень громкое название для двух ее обителей — гидрометеоролога и радиста.

Нас давно интересовало это место. Осталась одна проблема — как уговорить Колю Винклера и воспользоваться его вездеходом с нежным названием «Лизетта» для этой поездки. Здесь мы проявили чудеса тонкой дипломатии, откровенно грубой и беззастенчивой лести, и после трех дней, несмотря на Колины стенания, лень и всяческие отнекивания, он наконец сдался.

Ранним утром мы выехали и довольно благополучно добрались до Чертового оврага. Почему он так назывался, обнаружилось сразу, как только подъехали к его краю. Вездеходчик попросил нас вылезти из кузова, а Колю из кабины. Мы посмотрели на спуск, и нам стало по-настоящему

страшно, поскольку вниз вела почти отвесная стена. Вездеход очень медленно начал двигаться к краю, затем завис в воздухе и исчез. Лишь облако пыли отмечало его спуск. Наконец он достиг дна и остановился. Мы же кто как начали спускаться за ним. Я нашел длинную и толстую палку и упираясь сапогами, верхом на палке как осторожный лыжник-новичок начал спуск. Мимо, матерясь от души, пролетел как пуля Боцман, а за ним Винклер. Очухались от такого спуска мы только на дне оврага, где нас с невозмутимым видом приветствовал Николай Диков — зав. лабораторией археологии из Магадана.

Оказалось, они месяц тому назад также выехали на мыс Блоссом, но, потрясенные спуском на дно Чертового оврага, остановились там на чаевку. Диков решил прогуляться вверх по небольшому ручейку. Шел себе и шел, вороша носком сапога гальку, и случайно обнаружил один камушек. Заинтересовался им, пригляделся. Оказалось, это скребок древнего человека. Так археологи никуда и не двинулись. Начали раскопки и обнаружили стоянку времен неолита, что явилось уже открытием мирового масштаба. Он с гордостью показал нам этот скребок. Камень как камень, с трудно различимыми небольшими зазубринками по краям. Никогда бы в жизни не разглядеть нам в нем орудие труда первобытного человека. Вот что значит прекрасное образование и блестящая интуиция большого ученого! Порадовавшись за наших магаданских коллег, мы тепло с ними распрощались и двинулись дальше. Бедная «Лизетта», скрипя и ревя почти человечьим голосом, вскарабкалась на противоположный склон оврага, благо он был хоть немного отложе, и остановилась. Мы с Боцманом влезли в кузов и облегченно вздохнули. Как оказалось, преждевременно.

Проехав примерно километров пять, «Лизетта» начала отчаянно чихать, глохнуть и наконец замолчала напрочь. Все собрались около остывающего движка и стали держать

совет. Вездеходчик с безучастным видом молчал. В основном дискутировали двое: Капитан и Винклер.

— Наверное, головку блока пробило, — изрек Коля. — Надо менять. Кстати, у меня есть запасная.

— Коля, по-моему, у тебя самого голову пробило! — промолвил Капитан. — Я, между прочим, год шофером проработал, а до этого полгода автослесарем на авторемзаводе и в спецавтохозяйстве. Из трех ЗИЛов один своими руками собрал и год на этом самосвале проишачил. Так что не совсем дурак в технике. Надо вначале всю топливную систему проверить, топливный насос заодно. Если не поможет, то зажигание.

Как бы Коля ни рычал, так и сделали. Оказалось, пробило катушку зажигания.

— Ну, это не беда, — обрадовался Винклер, — совсем новая запасная катушка у нас есть. Помнишь, я специально на стол в кухне ее положил? — обратился он к вездеходчику.

— Помню, — невозмутимо ответил тот, — она так там и лежит!

— Как лежит? — обалдело уставился на него Коля.

— Вы же мне не говорили, что ее взять надо, вот я и не взял!

В ответ на это мы уже не знали, что и делать: то ли смеяться, то ли плакать, то ли отлупить вездеходчика, а заодно и Николая.

Капитан не выдержал первым. Лицо у него покраснело, он согнулся пополам, тихо уполз за вездеход и начал трястись от приступов хохота. За ним Боцман. Вездеходчик невозмутимо закурил. Винклер же некоторое время грозно сверкал глазами, но наконец тоже заулыбался. И в конце изрек следующий вердикт.

Поскольку виноват, по его мнению, был вездеходчик, то он должен был отправиться в поселок пешком, там переночевать, забрать катушку зажигания и вернуться до обеда обратно. Учитывая, что до поселка примерно 25 километров, времени у него не так уж и много.

Так и сделали. Вездеходчик с небольшим рюкзаком, заботливо упакованным Боцманом, бодро двинулся по дороге в поселок, а остальные разбрелись по тундре. Через некоторое время Капитан вернулся, взял ведро, задумчиво повертел его в руках, несколько раз заглянул вовнутрь и, помахивая ведром, пошел прочь от вездехода. Вернулся он довольно быстро.

— Боцман, а не сварить ли тебе супчик с грибами? — сказал он, передавая ведро, больше половины наполненное грибами. — Давно мы что-то грибов не ели!

— А не сдохнем? — мрачно поинтересовался тот.

— Не должны, — ответил Капитан, — я в университете с микологией дружил, даже пять баллов по ней имел.

— Хоть баба-то была симпатичная? — усмехнулся в усы Боцман.

— Балбес ты, одичал совсем в тундре, — в свою очередь усмехнулся Капитан. — Микология — это наука о грибах, а преподавала ее профессор, на самом деле женщина редкой красоты и совершенно недоступная. Ее жениха убили в первый день войны, так она замуж ни за кого так и не пошла. Бывают же женщины с большой буквы!

— Бывают, — согласился Боцман, — только мне не везет по жизни, одни стервы попадаются!

Вдвоем они довольно быстро почистили картошку, грибы, разожгли в кузове вездехода примус «Шмель» и вскоре оттуда понеслись весьма аппетитные запахи. На них буквально верхним чутьем вышел из тундры Коля Винклер.

— Что готовим? — бодренько поинтересовался он.

— На первое суп с грибами, на второе — жареная картошка опять же с грибами, на третье чай, кофе сгущеное или компот из банки, — откликнулся Боцман.

— А непроверенные грибы есть опасно! — с пафосом воскликнул Коля. — Я лично рисковать своим здоровьем не собираюсь.

— Не хочешь — не жри, лопай галеты с чаем. Капитан сказал, что грибы потреблять можно — значит, можно, у него башка умнее наших с тобой. Да и не враг он сам себе.

Тем временем обед поспел. Боцман налил две миски супа и выразительно посмотрел на Капитана. Тот слегка улыбнулся.

— Поскольку полевой сезон в основном окончился, да и прохладно будет нам сегодня дрыхнуть на открытом воздухе, то разрешаю по полкружки употребить. Наливай, старый черт. Но только по полкружки и больше чур не приставать!

— Понимаю, не вчера родили, — помягчевшим голосом проговорил Боцман и полез за канистрой со спиртом.

— Эх, помирать, так уж всем разом! — вскричал Винклер, и в руке у него, как у фокусника, внезапно появилась кружка.

Обед удался на славу; сытые, как удавы, мужики заползли в спальные мешки, и вскоре в вездеходе заревело так, как будто он сам по себе завелся.

Утром неожиданно быстро вернулся вездеходчик. Оказалось, ему неожиданно крупно повезло. От археологов уезжали гости и прихватили его с собой до поселка. Он сразу же взял лежащую на столе катушку зажигания, завел будильник, поспал часа два и в ночь двинул в обратный путь, благо идти по дороге было легко.

Катушку заменили, и вездеход мгновенно ожил.

До мыса Блоссом добрались к вечеру. Остановились у их дома. На крыльце встречали хозяева. Один из них — Юра — был уже в возрасте, рыжий, с полуседой окладистой бородой, невысокий, крепкого телосложения мужик с довольно хмурым выражением на испещренном глубокими морщинами лицом. Второй — Виктор — молодой, черноволосый и улыбчивый парень, с радостно блестевшими яркосиними глазами. Видно было, что он, не в пример Юре, искренне был рад гостям.

Капитан отошел в сторонку с Юрой, опытным глазом враз определив в нем старшего в этом небольшом коллективе.

— Юра, — сказал он, — мы здесь примерно на неделю. Определи, как вам удобнее: мы можем жить самостоятельно, пожрать у нас есть, палатка, спальники и горючка тоже. Где скажешь, там и остановимся, ты тут хозяин.

Такое вступление тому явно понравилось.

— Как хотите, в доме у нас места всем хватит, а по косе мишки все время шастают, дохлую моржатину жрут, и кто знает, что у них в лохматой башке, какие мысли блуждают. Только у нас закон — по рублю с рыла в день, мы продукты с расчетом на вас не закупали!

— Согласен, — ответил Капитан. — У меня встречное предложение: мы продуктов взяли из расчета на месяц, можем вложиться ими, наверняка останутся вам, может, и пригодятся. Если хочешь — можно и деньгами, полевых у меня куча, но тогда заморочка будет с готовкой, а двое на кухне — два медведя в одной берлоге!

— Согласен, закидывайте продукты в склад, — неожиданно застенчиво улыбнулся Юра, — твой вариант подходит. Есть в километре от нас еще одна изба. Чукчи раньше, лет пять тому назад, в ней жили. Но она худая как решето, ремонтировать некому и нечем. А у нас и свет есть от дизелька, можем даже подварить какую-нибудь железяку, если будет нужда. Да и дом у нас теплый, поди палатки вам осточертели. Живите себе на здоровье.

На этом и порешили. Дом и на самом деле был хорош. С большим предбанником, где хранились уголь, дрова,

ломы, лопаты, метеоприборы, веревки, капроновые фалы, запчасти для запасной антенны и много чего еще, что вроде бы и не нужно в повседневной жизни, но может пригодиться в критический момент. А таких критических ситуаций во врангелевской жизни хоть отбавляй! И порядок был образцовый, каждой вещи было свое место и любую можно было спокойно взять, не прикасаясь к остальным. Отдельно от всего, рядом с дверью висел карабин. А рядом с ним на отдельной полочке лежали две запасные обоймы патронов к нему. «Молодцы, придраться не к чему! — уважительно подумал Капитан. — Серьезные мужики живут».

Из предбанника дверь вела в кухню, которая была по совместительству и столовой. Почти половину кухни занимал стол с двумя скамьями. А примерно одну четверть ее — печка, в которую была вмонтирована чугунная плита с вьюшками, которые вкладывались друг в друга и легко вынимались, что позволяло регулировать нагрев блюд.

Предметом особого шика являлась громадная духовка с не менее громадными противнями. В ней, как представлялось, можно было целиком запечь барана. Оказалось, это позволяло выпекать хлеб сразу на одну-две недели, а не морочиться с ним каждый день.

Одним боком печка выходила в небольшую комнату, где стояли два стола и три стула. На маленьком столе располагались рация и какие-то таблицы. А большой стол был занят картами, справочниками и прочей необходимой литературой.

Самой большой комнатой, как ни странно, являлась спальня. Объяснялась это просто. Все стены были уставлены стеллажами с книгами. Их было великое множество. Полные собрания сочинений классиков, детективы, фантастика, приключения, ЖЗЛ — чего только там не было! У нас от такого богатства руки затряслись. Надо заметить, что телевидение до острова в те времена не доходило, видиков

не было и в помине. Предметом гордости любого северянина была личная библиотека. А полярные станции снабжались литературой по разнарядке много лет. И не было в той жизни полярника, который бы ложился спать без книжки в руках. И мы еще раз порадовались, что согласились на приглашение хозяев.

Но нам не терпелось проехать по покинутому моржами лежбищу. Раньше этих лежбищ на остове было несколько. Но когда построили и обжили два поселка, Ушаковский и Звездный, да еще на мысе Гавайи окопались вояки, моржи ушли и обосновались лишь в одном месте — на мысе Блоссом. Туда летом выходили и самцы, и самки с детенышами. Там же умирали старые и израненные звери. Так что если повезет, то можно было найти дохлого взрослого моржа и позаимствовать шикарные клыки. Да и зубы были хороши. Из них в косторезных мастерских с удовольствием резали забавных улыбчивых пузатых божков-пеликенов, нерп и прочую мелочь, которая стоила относительно дешево, но являлась хорошим подарком друзьям на материке.

Времени до полной темноты оставалось минут сорок. Тем более что Юра, коротко переговорив с Виктором, сказал, что ужин будет примерно через час. Он же поведал, что сравнительно недалеко лежит дохлый морж. Они к нему не ходили еще, так что возможно, он и с клыками. Правда, его замыло галькой недавними штормами и вдобавок сковало льдом, но можно прихватить ломы с лопатами в предбаннике и толпой поразвлекаться.

Так и сделали. Моржа нашли довольно быстро. Замыт он был капитально. Лежал на брюхе. Видно было только туловище и затылок. Решено было идти коротким путем. Откопали заднюю ласту, прикрепили к ней трос, завели его за фаркоп вездехода и дернули в надежде вытянуть моржа из гальки. В результате порвали трос. Морж не шелохнулся. И тут Капитана понесло.

— Что, долго будете любоваться на ваш гнилой трос? — взревел он. — Сложите трос вдвое, длина позволяет, дернем еще раз.

Мужики подчинились. Вездеходчик напряг «Лизетту», рывок получился приличный. Трос выдержал, но не выдержал фаркоп. Он оказался вырван с «мясом»! И тут уже взорвался вездеходчик. Он орал так, что казалось, фаркоп тросом вырвали у него изо рта. Делать было нечего, трос с болтавшимся на нем фаркопом забросили в кузов и поехали к полярникам. Когда поведали эту историю им, то Юра сказал, что это не беда.

— Сварочный аппарат и электроды у меня есть, завтра с утра вварю я вам эту железяку за милую душу. И нечего переживать особо, давайте ужинать!

После ужина, приготовленного Виктором, все пили чай. Как-то сама собой зашла речь о белых медведях.

— Бурых медведей я вообще в жизни видел только в цирке и в зоопарке, а на природе — никогда, — держа обеими руками огромную кружку с густо заваренным чаем, начал Юра. — А на белую сволочь насмотрелся до тошноты!

— А чего ты их не взлюбил? — задал вопрос Винклер.

— А за что их любить? Исключительно наглый зверь, шляется по льдам весь год, нет чтобы хоть зимой спать ложился, как порядочный зверь, а он не только шляется, но и пакости еще всякие устроить норовит. Из биологии известно, что в берлогах впадают в спячку только самки белых медведей, а самцы — вечные бродяги. К осени они появляются толпами на Блоссоме и тут только ходи и оглядывайся. Жрут тухлую моржатину, затем спят, потом опять жрут и только зимой самки ложатся в снежные берлоги, а самцы исчезают вообще. И еще любопытные, только нам дорого потом обходится эта их любознательность. Например, в прошлом году мы задержались с отъездом на базу в Ушаковское. А ночи на-

стали темные, хоть глаз коли! Витька затеял блины жарить. Печку раскочегарили — дышать нечем, ну, и форточку настежь открыли. Слышим фырканье — глянули, а в ней медвежья морда торчит. Мы и обомлели. А у Витьки блин начал подгорать. Медведь пофыркал, пофыркал, затем как даст лапой по переплету, рама со стеклами пролетела чрез кухню и вмазалась в противоположную стену. А медведь исчез. И тут мы про карабин вспомнили. Выскочили, я с карабином, Витька с ракетницей, да медведя и след простыл. И не видать ничего в темени. Ну, постреляли скорее для собственного успокоения и вернулись в дом. Забили окно фанерой, досками и крест-накрест еще полосками железа. А через два дня пришел вездеход и мы вернулись в поселок. Раму с окнами мы в этот год привезли и поставили, но на всякий случай еще и ставни соорудили с железными болтами. Хотя что эта защита для медведя! Он весь дом по бревнышку раскатает, если захочет. Силищи у него невпроворот. Но в этом году они нас особо не беспокоят.

На этом наше чаепитие закончилось, тем более Виктор поставил и застелил свежим бельем две раскладушки, как оказалось, для Капитана и Винклера. Боцман и вездеходчик решили спать в кухне. Уютно тарахтел движок дизеля, в доме было тепло и сухо. Капитан взял том Куприна, немного почитал и как будто провалился в сон.

Ночью, часа через три, он проснулся от яростного шепота Юры.

— Витька, вставай на связь, я уже все обработал!

— А сколько до связи? — послышался сонный голос Виктора.

— Двадцать минут!

— Ну я еще немного посплю!

Через некоторое время опять послышался голос Юры.

— Так ты встанешь или нет, сукин ты сын?

— Уже встал, — ответил Витя.

Он встал, не открывая глаз, промазал мимо двери, врезался в косяк и открыл глаза. Одним прыжком очутился возле рации и начал работать ключом, одним глазом смотря на колонки цифр, которые были написаны на листе. Заняла эта работа от силы минуты три. Затем он босиком прошлепал к своей лежанке, рухнул на нее и мгновенно заснул. Юра, видя, что Капитан лежит с открытыми глазами, начал ворчать.

— Это не полярник, а горе луковое. Нам надо метеосводку давать каждые четыре часа. Я снимаю показания приборов, шифрую информацию, а его задача отстучать ее вовремя. И каждую ночь такая война! Так он парень хороший, добрый, но лентяй каких свет не видывал! А я вредный старый черт, который тиранит молодежь.

И он надолго замолчал.

А Капитан подумал: это какое же надо иметь терпение, чтобы несколько месяцев работать в таком режиме! Ребята, наверное, сами не догадываются, что они герои. Для них это просто работа.

Проснулся он в шесть утра. Юрина кровать пустовала. Капитан вышел на кухню, закурил и услышал его голос.

Юра на дворе с кем-то отчаянно ругался. Приглядеся — вроде бы все спят. С кем же тогда ругался старый полярник?

А обстановка на дворе тем временем, похоже, накалялась.

— Ты, белая сволочь, куда суешь свою наглую морду? — бушевал Юра. — Сожрал свой кусок и отвали. Так нет же, мало тебе, проглот ненасытный. Я тебе же кусок дал, ты его сожрал да еще норовишь у Черного харч слямзить. А ты, Черный, хлебалом не щелкай, дай Белому по роже, нечего из себя благородного гранда изображать — без куска

останешься. Я тебя индивидуально кормить не собираюсь, может, тебе отдельно на серебрянном блюде кости прямо к морде подставлять? Так у нас не графский замок, а я тебе не дворецкий. Да и ты невелика птица. Потому лопай свой харч из ржавой миски, только белую харю не подпускай! И вообще, мышковали бы, как песцы, леммингов вокруг море. А не смотрели бы на меня своими умильными харями. Пошли прочь от дома, рожи неумытые.

Через некоторое время Юра зашел в дом.

— Мой морду и пошли чай пить, коль встал, — довольно невежливо буркнул он. — А остальные пусть дрыхнут, коль хочется, только молодого пну, скоро связь. А я пока данные зашифрую.

Как Капитан понял, на связь полярники выходили каждые четыре часа. Причем больше всего доставалось Юре. Надо было идти снимать метеоданные, затем их зашифровывать, будить Виктора, чтобы тот их передал морзянкой. А Витя любил поспать и лежал до последнего отчаянного крика старшего товарища, затем с закрытыми глазами, в трусах и еле продрав глаза, отстукивал данные, затем опять падал в кровать. И в таком режиме полярникам приходилось работать с июня по октябрь. Не позавидуешь!

Во время чая Капитан осторожно спросил:

— Юра, мне показалось, ты с кем-то общался сегодня утром.

— Общался, — ответил он, пряча улыбку в усы. — Совсем достали эти гады, что Белый, что Черный!

Оказались это два пса, которых они щенками взяли в поселке. Один из них был белого цвета, другой — черного, за что и получили свои немудреные клички. Сейчас они выросли, перешли на подножный корм и весь день, а то и ночь, шлялись сами по себе. Но каждое утро приходили регулярно

к дому, как в столовую, и с удовольствием лопали объедки. Белый быстро съедал свою пайку и пытался присоседится к Черному. За что и получал частенько взбучку от хозяина.

— А ты думал, что я под старость свихнулся совсем, — смеялся Юра. — Нет, это не полярный психоз, я их так каждое утро воспитываю, только не очень они поддаются воспитанию. Черный почти каждый день получает по своей хитрой роже, только ему это как слону дробина!

Тем временем проснулись и присоединились к нам ребята. После завтрака Юра очень быстро вварил на место фаркоп, и вездеход двинулся к месту, где лежал морж. За ночь выпал снежок, и тундра преобразилась. Стало намного чище и светлее. И окружающая природа не навевала больше тоску.

Каково же было удивление, когда на месте взамен моржа оказался небольшой котлован. Мистика, да и только!

— Всем стоять на месте, — скомандовал Капитан. Он несколько раз обошел котлован, задумался, затем стал в бинокль осматривать его окрестности.

— Вот он гад где лежит, — указал он на небольшой сугроб, возвышающийся примерно метрах в двухстах от места, где вчера безуспешно пытались вытащить моржа. — А я прогуляюсь вон к тем торосам.

С этими словами он пошел к торосам. Оттуда вернулся очень быстро, залез в кабину, и вездеход поехал к одиноко лежащему моржу. Капитан и Боцман внимательно рассмотрели моржа и переглянулись.

— Он? — спросил Боцман.

— Он самый! — ответил загадочно Капитан.

А произошло вот что. В то время, когда пытались с помощью троса выдернуть моржа и рвали фаркоп, за ближайшими торосами лежал и наблюдал за этим безобразием белый медведь. Судя по отпечаткам лап и расстоянию между

ними, довольно крупный. Лишь только вездеход уехал, он подошел к моржу, засунул лапы под место, где пропускали трос; видимо, поднатужился и, как экскаватор, вывернул тушу. Затем потащил ее прочь, слегка пожевал и бросил. Выпавший снежок несколько скрыл его ночные развлечения, но все равно следы читались достаточно легко, даже лежка его в торосах осталась.

— Это какая же силища у этого зверюги! — качая головой, заметил Боцман. — Мы трос порвали, а у него хоть бы один коготь пострадал!

— Человеку такую бы мощь, — вторил ему вездеходчик. — Если бы своими глазами не видел, то в жизни бы не поверил!

— Ничего себе, экскаватор лохматый, — пробурчал Винклер. — Его бы энергию, да в мирных целях!

Самое обидное в этой истории было то, что бивни у моржа отсутствовали. Может, выбили раньше, может быть, он их сам потерял по старости — кто знает?

Когда вернулись к полярникам и рассказали эту историю, то они особо не удивились.

— Нагляделся я здесь на них, — заметил Юра. — Некоторые туши дохлых моржей лежат тут годами. Они почти не гниют, а как бы мумифицируются, тем более какие тут микробы, они от холода все дохнут. Ближе к осени мишки приходят толпами. Подойдет лохматый «дядя» к такой туше, отломит кусок килограммов в шестьдесят и уволакивает в сторону. Затем лопает в одиночку и спит там же, а кусок под голову вместо подушки примащивает. Видимо, чтобы остальные не сперли, пока он дрыхнет. Поспал — пожрал, пожрал — поспал. Пока полностью не доест — никуда не двинется. Ленивые, просто до ужаса. И рожи с передними лапами черные от засохшей грязи и крови. Это они по весне такие белые и чистые, особенно медведицы с медвежатами.

А самцы не спят. Это вечные бродяги. Озабочены лишь тем, где б чего или кого сожрать, а потом выспаться. И поэтому, что им все равно, что лопать и где спать, они ходят грязные, как чушки.

...Отряд несколько дней провел в гостях у полярников, а затем оставил им продукты. Отказавшись наотрез от денег, которые предлагал за продукты Юра, ребята обнялись на прощание и отбыли в поселок. Встретились с ними только через год, но это уже совсем другая история.

Второе посещение мыса Блоссом

Прошел год. Отряд вновь прибыл на гнездовье. Правда, уже в отсутствие Москвича. Он вместе с женой отправился на Памир, чтобы изучать экологию горного гуся. Тем не менее, финансировались они за счет института и входили в отряд автономной группой. Конечно, риск присутствовал. Связи с этой группой никакой, даже почтовой, поскольку они забрасывались вертолетом на высоту свыше двух тысяч метров. Там должны были работать весь полевой период, причем абсолютно автономно. Позже Москвич рассказывал, что это был «веселый период»! Во-первых, высокогорные озера, на которых гнездились горные гуси, оказались солеными. Гусям было на это наплевать, а вот людям создавало массу проблем. Во-вторых, постоянные сумасшедшие грозы с ливнями. После их прилета и обустройства, примерно на третий день, Москвич пошел картировать места обитания гусей. И, как это часто бывает в горах, погода, по выражению Боцмана, «гавкнулась» в течение нескольких минут. Из низко висящих иссиня-черных туч, как из пулемета, стали вылетать здоровенные молнии и бить в землю буквально в нескольких шагах. Петляя между ними как заяц, Москвич кинулся бежать к палатке, в которой жена занималась готовкой. И увидел такую картину. Из палатки веером вылетали ложки, кружки, железные миски, кастрюли и сковородки.

— Нина, ты чего все выбрасываешь? — завопил Москвич.

— Молчи, изверг! — крикнула жена. — Завез меня в ад и хочешь, чтобы нас молнией убило? Я выбрасываю все железное!

— Молодец, а что палатка натянута на дюралевый каркас, ты об этом подумала?

Ответа он не расслышал, поскольку очередной порыв ветра сорвал палатку с каркаса, благо удалось ее поймать за веревки. Подтянув ее поближе, ошалелые супруги завернулись в нее с головой, закрыли глаза и молча стали ожидать, как им казалось, неминуемого конца. Но буквально через десять минут гроза унеслась, выглянуло солнце, стих ветер и только сорванная палатка и разбросанные вещи напоминали о том светопредставлении, которое творилось только что.

А основной юмор заключался в том, что спуститься с плоскогорья было невозможно. Необходимо было, хочешь ты этого или нет, дожидаться конца полевых исследований и прилета вертолета. Забегая вперед, можно отметить, что в Москву они вернулись благополучно, правда жена сказала, что она в очередной раз убедилась, что у нее муж абсолютно ненормальный и ни в какие поля она вовек с ним не поедет.

Хорошо все, что кончается хорошо, но в какой ситуации находился в этот период начальник полевого отряда? Одно дело, когда его отдельные группы разбросаны по острову Врангеля, на худой случай по районам Чукотки, но группа на Памире — это уже не для слабонервных!

Но полевой сезон тихо подходил к концу, а Капитана давно интересовал вопрос: как белые гуси отлетают с острова на места зимовки в солнечную Калифорнию. Тундра Академии, которая совсем недавно служила местом обитания многочисленных стай, состоящих из взрослых гусей и оперившихся и вставших на крыло гусят, стала пустынной, жел-

той и неприветливой. Лишь «милые собачки» — песцы, как называл их злой Боцман, бегали и тявкали по тундре, причем гоняли своих подросших щенков их же родители подальше от своих прикопок. Гоняли зло и жестоко. Что поделаешь? Впереди лютая и долгая зима, и тут уж каждый сам за себя! А что оставалось делать полевикам? Закартировали старые песцовые норы, собрали немудрящие пожитки и оборудование и ждали вездехода. Правда, не голодали, поскольку еды всегда Боцман закупал с запасом. Бегать по тундре, которая, оправдывая свое название как зона арктических пустынь, постепенно превращалась в настоящую пустыню, не хотелось никому. Кроме того, начинало рано темнеть, по утрам стал поддавливать мороз. Компот в кружках, заботливо выставленных Боцманом в изголовья каждому, к утру превращался в лед.

Однажды ночью Капитан проснулся от непонятного щемящего чувства тревоги. Долго не мог понять, в чем дело, пока не высунул голову из палатки. Огляделся вокруг и обалдел. Такое северное сияние он видел впервые. Прямо от палатки, уходя за горизонт, струилась полыхающая разными цветами радуги лента. Изредка по ней пробегали золотистые искры, в воздухе ощущался слабый шорох, и от всего этого возникало ощущение нереальности происходящего.

От тут же разбудил Боцмана. Тот, кряхтя и вполголоса матюгаясь, закурил свой «Север» и выглянул из палатки. Его реакция была более чем странная.

— А, опять эта сиялка, туды ее мать! — буркнул он и стал спокойно залезать обратно в спальный мешок.

— И что, ты не хочешь на это великолепие посмотреть? — спросил Капитан.

— Я этой дряни насмотрелся на Новой земле, — с чувством ответил тот. — На ней я провел одну зимовку вместе с полярниками на метеостанции. Так там эта сиялка такая,

что жуть берет. Все небо будто горит. А люди в это время спать не могут, у всех нервы шалят. Собираются в кают-компании и чаи гоняют. А на съём метеоданных ходят по двое. В аккурат три года до моей зимовки там одна крутая мамзель пошла к метеобудкам и не вернулась. Пока ее отыскали, она была уже как большая сосулька, даром, что в тулупе. Даже данные не сняла, так и проперла мимо метеоплощадки, видать, от сиялки совсем мозги повернулись! С тех пор ходят только по двое. Если один свихнется, то другой его притащит назад. Так что не бери себе в голову, давай попьем холодного компотику, покурим и укукулимся до утра.

Так и сделали, благо компот еще не замерз.

А утром подошел ведеход. Поскольку все полевое шмутье было заблаговременно упаковано, сборы были недолги. Прибыв в поселок, отдохнули до следующего утра и выехали на мыс Блоссом.

По дороге тундра была такая же пустынная, как и в Тундре Академии, и только при подъезде к самому мысу обнаружились многочисленные стаи гусей с птенцами, которых легко можно было отличить по характерной серой окраске перьев. Стаи кормились остатками травы и часто перелетали с одного места на другое, причем вели при этом себя довольно агрессивно, то есть каждая стая старалась не подпускать к себе чужаков.

С полярниками на выносной станции встретились уже как закадычные друзья. После того как выгрузили продукты, оборудование и сели за стол, Юра поведал, что оставленные им орнитологами в прошлом году продукты буквально их спасли. Ко времени их перебазировки в поселок, как назло, напрочь испортилась погода, поперли туманы и зарядили дожди со снегом. Вертолет, таким образом, исключался вообще. А тут по закону подлости вышла из строя техника, причем сломались вездеходы не только в поселке, но даже у

вояк. Вот и пришлось сидеть почти месяц. Поэтому продукты пришлись как нельзя кстати.

...В их доме и образе жизни почти ничего не изменилось. Так же они каждые четыре часа выходили в эфир и передавали метеоданные, так же Юра все время ворчал на Виктора, только собак не было. Их привольная жизнь кончилась, и в поселке они оказались в упряжках, где тяжким трудом надо было зарабатывать еду и уж ничего из еды просто так не украдешь. Сразу же последует жестокое наказание. Наверное, Юра немного грустил по Белому и Черному и их проказам, но вида не подавал.

Погода между тем вконец испортилась. Настал бус. Ни в одном словаре Капитан не нашел объяснение этому термину. Означало оно следующее: лег туман, и такой плотный, что было трудно разглядеть пальца на вытянутой руке. И под слабыми порывами ветра в воздухе носились крупные капли дождя, причем они, вроде бы, даже на землю не падали. Стоило несколько минут побыть без плаща, и ты промокал насквозь. По меткому выражению Боцмана, сухой оставалась лишь резинка от трусов. Кроме того, ничего не было слышно, туман как одеялом накрыл землю. Поэтому тепло и уют в доме являлись ярким контрастом по сравнению с этой мерзостью.

Странно, но на утро туман напрочь исчез, слегка подморозило, выглянуло солнце и отовсюду неслись гусиные крики. Гусиные стаи сместились к берегу моря, не кормились, и казалось, впали в какое то возбуждение. Они нервно перелетали с места на место, беспрестанно гоготали. Затем в одной из стай, которая насчитывала примерно двести птиц, гомон достиг накала, стая поднялась в воздух и резко стала набирать высоту, на ходу перестраиваясь в клин. Оставшиеся на земле кричали им вслед, и когда улетевшие гуси стали почти скрываться из глаз, вслед за ними вылетела другая стая. Таким образом, улетело несколько стай. Остальные

гуси успокоились, даже стали кормиться, но примерно минут через десять весь процесс повторился.

Для орнитологов настала горячая пора. Все вооружились биноклями, полевыми дневниками, наготове стояла и зрительная труба более чем с тридцатикратным увеличением. Каждая улетающая стая фиксировалась по численности и направлению полета. Считать было трудно, поэтому брались на глаз отрезки примерно по десять птиц и просчитывался весь летящий табун. Практика показала, что погрешность на сотню птиц составляла 1–2 гуся.

Таким образом проработали до середины дня. В 14 часов, как будто по расписанию, отлет прекратился. Может быть, у гусей настало время обеда, может, они пожалели орнитологов. По крайней мере, у ребят появилась возможность перекусить самим и дать отдохнуть глазам. Ближе к вечеру отлет возобновился. Или появился уже навык в работе, или отдых пошел на пользу, но дело казалось не таким уж сложным, как утром.

Отлет шел до захода солнца. И особенно поздним вечером это выглядело исключительно красиво. Подсвеченные заходящим солнцем гуси были розовыми, как фламинго, и на фоне темно-синего неба выглядели исключительно эффектно. Хотелось без конца любоваться этой фантастической картиной, но работа есть работа, и орнитологи продолжали ее до самых сумерек. Так же, как и вчера, опять пополз туман, сразу стало мерзко и сыро, и потянуло в тепло. Да и оставшиеся гуси успокоились и перестали гомонить.

Так продолжалось три дня. Правда, на третий день отлетали, видимо, остатки гусей, и работа орнитологов была не такой напряженной. На следующий день было обнаружено только три отлетающих стаи, и на этом отлет прекратился. Стало грустно, оставалось лишь одно — ждать вельбот, который обещал забрать орнитологов в поселок.

Чтобы совсем не свихнуться от вынужденного безделья, пошли побродить по кладбищу моржей. Туши умерших животных лежали тут и там без клыков. О них, видимо, позаботились ранее. Лишь в пастях у некоторых сохранились зубы. Медведей на покинутом лежбище, в отличие от прошлого года, не наблюдалось. Капитан в сердцах пнул одну из моржиных туш. Вдруг изнутри раздалось какое-то ворканье. Он более внимательно оглядел тушу и обнаружил сзади довольно приличное отверстие. Еще раз пнул — в ответ опять раздалось ворканье. И тут его осенило. Внутри моржовой туши сидел песец.

Когда вернулись в дом к полярникам, те подтвердили догадку. Оказывается, песцы, дождавшись, когда уйдут моржи и медведи с лежбища, прогрызают себе отверстие. Поскольку моржовая шкура им не по зубам, они выгрызают себе отверстие в заднем проходе, лезут внутрь и очень уютно чувствуют себя в домике из мяса. Одно только плохо — много конкурентов и идет настоящая жилищная война. Стоит только вылезти наружу погулять, и не успеешь моргнуть, как новый жилец уже занимает твою жилплощадь. И вернувшегося хозяина ждет встреча с оскаленной мордой.

На следующее утро подошел вельбот, и отряд, тепло распрощавшийся с полярниками и традиционно оставив им продукты, отбыл с мыса Блоссом. Стоял почти полный штиль. Шведский мотор «Пента» деловито тарахтел, вокруг вельбота то и дело всплывали любопытные морды лахтаков и нерп. Боцман, попыхивая папиросой, оглядывал море в бинокль, а остальные дремали, пригревшись на осеннем солнышке.

По пути увидели плывущего белого медведя. Решили к нему подойти поближе. Тот повел себя самым уморительным образом. Подплыл к маленькому обломку льдины, величиной чуть больше его головы, и попытался спрятаться

за ним. И как не пытались крутиться вокруг льдинки, чтобы хотя бы сфотографировать хитрого мишку, так ничего сделать и не удалось. Поэтому не стали его тревожить и отправились дальше.

Так, в относительном комфорте, прошли морем почти до лагуны Предательская. И тут вдруг возбудился Ульвелькот, егерь заповедника, который сидел за руль-мотором. Он резко повернул вельбот к берегу.

— Ты чего, свихнулся, Иван Петрович? — обалдело спросил его Капитан.

— Однако надо срочно приставать и вытаскивать вельбот на берег! — ответил тот. — Посмотри на море и сам поймешь!

Капитан отобрал у Боцмана бинокль и поглядел, как советовал мудрый кормчий. Рядом с берегом, примерно с километр шириной, была полоса спокойного моря. А дальше проглядывались большие волны. Пришлось подчиниться. Пристали рядом с небольшой речкой, вытащили вельбот, общими усилиями перевернули его вверх дном и укрепили фалом за валуны.

Только закончили работу, как пронесся первый порыв ветра. По команде Ульвелькота все залезли под вельбот. И тут все началось! Ветер ударил с такой силой, что по бортам вельбота, как пули из пулемета, загрохотала галька. Осторожно выглянув в щель между краем вельбота и землей, Капитан с изумлением увидел, что речку буквальным образом осушило. По ветру неслись здоровенные комки воды вперемежку с камнями.

Это светопреставление продолжалось примерно минут пять, а затем ветер немного поутих и стал не таким ураганным. Постепенно народ под вельботом успокоился и пришел в себя. Поставили и вскипятили чай, благо в речке опять появилась вода. Пока не спеша попили чай и покурили, ветер стал совсем терпимым, и Ульвелькот решил, что можно продолжить путь в поселок. Правда, шли морем очень осторожно, не удаляясь далеко от берега, и когда вышли на берег близ поселка, все вздохнули с облегчением.

Позже, уже на «полярке» в поселке Ушаковский, Капитан поинтересовался, чем вызвано это явление? Оказалось, это знаменитый свальной ветер. Возникает он оттого, что когда двигаются воздушные массы, а им путь преграждает горная цепь, то они скапливаются, возникает давление и плотный воздушный поток переваливает через ложбину между горами и сваливается в долину. При этом и возникает ураганный ветер, который может снести что угодно на своем пути.

К сожалению, с полярниками на выносной станции увидеться больше так и не удалось. Юра вышел на пенсию и уехал на материк, где, возможно, прикупил себе маленький домик, как он мечтал. На счет Виктора никаких известий нет. Но наверное, они оба не раз вспоминали мыс Блоссом и свою тяжелую, но такую нужную работу на нем.

Капитан и Шура

В этот год природа на острове, похоже, совсем сошла с ума осенью. Вдруг неожиданно повысилась температура, полились теплые дожди, которые перемежались с солнечными днями. Тундра позеленела, полезли цветы и грибы. Море начало светиться по ночам, и было очень интересно ходить по морской воде в резиновых сапогах рядом с берегом, в то время как за тобой тянулся таинственный зеленый свет.

Старики-чукчи одни были недовольны. Не к добру все это, ворчали они, верный признак, что зима будет лютой! Зато молодежь наслаждалась неожиданным теплом вовсю. Вдоль побережья бродили влюбленные парочки и задумчиво смотрели на луну, которая была огромной, похожей на здоровенный, начищенный до блеска латунный таз. Она величаво плыла по небу, окруженная такими же до неприличия большими и лохматыми звездами.

В это время Капитан находился с кратким визитом в поселке Ушаковский и, сидя в гостинице, злой как черт, смотрел на стол, заваленный деньгами. Поле заканчивалось, надо было прикинуть полевые расходы и примерно определить, сколько получит каждый член отряда в конце полевого сезона. Он уже третий раз пересчитывал деньги, и каждый раз у него получалась разная сумма.

— Да, бухгалтер из меня, как из моей бабушки футболистка, — бурчал он сквозь зубы, нервно пыхая очередной сигаретой.

Наконец он принял, на его взгляд, мудрое решение. Решил разложить денежные купюры по их достоинству на

кучки, подсчитать, сколько денег в каждой, а затем суммировать и вывести окончательную сумму.

Только он собрался заняться реализацией своей идеи, как в дверь комнаты постучали.

— Войди, если не дьявол! — рявкнул Капитан.

Дверь распахнулась, и вошла Шура, толстая чукчанка неопределенного возраста, в платье ярко-лилового цвета с неприлично глубоким декольте.

В поселке Шура прославилась по двум причинам. Во-первых, у нее было трое детей, рожденных непонятно от кого и совершенно непохожих друг на друга. Во-вторых, она поставляла заезжим гостям острова молодых одиноких женщин, которые скрашивали их пребывание на острове и придавали некоторую северную экзотику их командировкам. А началась ее практика довольно своеобразно. Лет 10–15 назад на острове интенсивно добывали песцов. Существовали охотничьи участки и, естественно, охотники. Жили они в неказистых избушках, разбросанных по острову. Были и хорошие добытчики, но иногда попадались и случайные люди.

Так, однажды с мыса Шмидта решил поправить свои денежные дела один кадр. Взял аванс, закупил еду, его отвезли в тундру в отдельный домик и оставили. Примерно через месяц мимо ехал на упряжке чукча и увидел странную картину. Охотник, озаряемый ярким светом луны, плясал на плоской крыше балка. Чукча подождал минут 15. Тот продолжал плясать. Тогда абориген не стал подъезжать к нему, а направился прямиком в поселок.

Руководству он сообщил о странной пляске, и все решили, что охотник свихнулся. Выслали вездеход, забрали бедолагу, и привезли в поселок. Там он выскочил из вездехода, залег за ближайшим сугробом и из подвернувшейся под руку палки стал имитировать отстрел жителей. Его связали, решили, что у него полярный психоз, вызвали санрейс и отправили в районный центр Мыс Шмидта.

Здесь он мгновенно выздоровел и сразу превратился в обычного мужика. Правда, с очень хитрыми глазами. Аванс он, естественно, не вернул.

Этот случай, однако, заставил задуматься. Выход подсказала Шура. Она предложила, поскольку мужики звереют без женского глаза, посылать месяца на два охотнику женщину, чтобы та скрашивала ему быт, готовила пищу и помогала обдирать шкуры с песцов. Кандидатки нашлись сразу, в первую поездку Шура поехала сама. Все прошло на удивление гладко. Женщины стали ездить от одного охотника к другому, и обе стороны были довольны, тем более что в награду от благодарных охотников получали шкурки песцов. Особенно увлеклась этим делом одна особа по имени Маша. К слову сказать, иногда охотников навещали, чтобы забрать шкурки, выслушать просьбы и вообще обменяться новостями. Посещали их на собачьих упряжках. Просьб особых не было, кроме одной — привезти угля и Машку. Примерно через неделю к охотнику шел, натужно ревя на подъемах, трактор, который тащил за собой «пену» с кучей угля. На ней гордо восседала Маша с немудрящим скарбом. Она месяц-другой жила в избушке, а затем переезжала к другому одичалому охотнику. Так проходила долгая полярная зима, и как только охотничий сезон подходил к концу, охотники и Маша прибывали в поселок.

Летом Шура знакомила приезжающих на остров гостей с одинокими женщинами. В результате гости уезжали обласканные, полные экзотических воспоминаний. Все были рады благодаря заботам Шуры. Надо отметить, что дети, которые рождались иногда после таких романтических встреч, были радостью в чукотской или эскимосской семье. В этом на Севере таился глубинный смысл, не было кровосмешения и, как следствие его, вырождения, а к детям отношение особое.

Достаточно заметить, что родившая девчонка у аборигенов называлась «настоящая женщина», а ни разу не родившая до седых волос именовалась презрительным словом «девка». Оставшегося без родителей ребенка забирали себе родственники или ближайшие соседи. Поэтому детдомов на Чукотке вообще не существовало. Не то, что сейчас, когда в детдомах содержится столько ребятишек, сколько их не было со времен гражданской и Великой Отечественной войн. Впору хоть Дзержинского из гроба поднимай!..

— Я пришла, — радостно объявила Шура и шагнула к столу.

— Пошла вон, и без тебя тошно, — довольно невежливо ответил на приветствие Капитан.

— Денег дашь? — спросила с загоревшимися глазами Шура. — Может, тебе девочка нужна?

— Я тебе русским языком говорю, пошла вон, — уже угрожающим голосом рявкнул Капитан.

— А вот не уйду, — кокетливо подбоченясь и играя глазами, сделала еще один шаг к столу чукчанка.

Вынести такого наглого поведения Капитан уже не мог. Грубо сгреб Шуру в охапку, вынес на крыльцо и сбросил вниз, прямо в лужу перед крыльцом. Неудавшаяся соблазнительница вскочила как ошпаренная.

— Ни одна чукотская девушка к тебе не подойдет! — бросила она гневно.

— Да провались ты вместе со своими девушками, — хмуро буркнул в ответ Капитан и вернулся в дом, с треском захлопнув дверь. Странно, но у него сходу сошелся дебет с кредитом.

За разыгравшимся бесплатным представлением молча наблюдала толпа местных жителей, собравшихся по поводу выдачи спиртного, поскольку была суббота — единственный день в неделе, когда продавали «огненную воду» из расчета

одна бутылка на человека. Конечно, об этом случае через несколько часов узнали все местные жители.

Когда Капитан вернулся на гнездовье и залег отдохнуть, то, продрав утром глаза, чуть не разорвал от злости спальник. На потолке, глядя на него, почти в полный рост летела, окруженная ангелочками, голая Шура, талантливо изображенная великим мастером розыгрыша — Москвичом.

— Уберите эту гадость, — сразу же совершил спросонья ошибку Капитан.

— Зачем убирать такое произведение коллективного творчества? Посмотри, как хороша, почти Рубенс, и тебе по комплекции в самый раз. Если очень уж захочешь, то снимем, и я твоей жене отправлю в Магадан как подарок.

Все члены отряда задохнулись от хохота, а через несколько секунд к ним присоединился Капитан. Это произведение искусства он с собой в Магадан не забрал, о чем впоследствии сильно жалел.

Индейцы на гнездовье белых гусей

Наконец остров стал заповедником. Все было бы хорошо, но брать оружие на остров экспедициям было строго запрещено. Было отчего впасть в грусть. Ладно, белые медведи появлялись близ стана полевого отряда редко и вели себя довольно лояльно. Но исчезла возможность порадовать себя свежим оленьим мясом. Надежда на пастухов тоже была слабая, они заходили в гости очень редко. Поэтому оставалось уповать только на тушенку, а она, в отличие от оленины, очень быстро надоедала.

Больше всех страдал от сложившейся ситуации Боцман.

— Придумали правила, уроды, — бурчал он. — Как это можно в поле ходить без оружия? А если медведь свою харю в палатку засунет, мне что — сковородой от него отбиваться?

— Да, Валентин Николаевич, — подхалимским голосом пел ему в унисон Юнга, — совсем без мяса пропадем! Надо что-то придумывать.

И он с надеждой посмотрел на более старших и опытных товарищей.

Те сосредоточенно курили и отмалчивались. И надо же такому случиться, что мрачные прогнозы Боцмана сбылись на следующее утро. Высунув по привычке голову из палатки, перед тем как вылезти самому, Валентин разразился лагерным фольклором.

— Нарисовался, падла неумытая, тебя только нам и не хватало для полного счастья — век свободы не видать, так твою в медведя мать!

— Это ты на кого так взъелся, — сказал, сладко потягиваясь Капитан.

— На белую падлу, которая прямиком прет к нам в гости, можно подумать, мы с ним всю жизнь ждали встречи!

— Дело серьезное, возьми ракетницу, а я кинокамеру, — скомандовал Капитан и в одних трусах с кинокамерой «Красногорск» выскочил из палатки и стал снимать подходящего белого медведя.

Сзади раздавались удары по бочке, по которой стучал топором озверелый Боцман, справедливо предполагая, что ракета для медведя, что для слона дробина. В видоискатель кинокамеры медведь казался небольшим и совсем не страшным. Лишь оторвавшись на секунду от камеры, Капитан с ужасом увидел, что медведь находится уже в десяти метрах, и ему стало не по себе.

И тут из хозяйственной палатки, где спали Матрос и Юнга, пахнуло солярным дымом из трубы. Видимо, для комфорта кто-то из них зажег печку с капельницей. Что, впрочем, было явным нарушением техники безопасности. Именно таким образом пастухи-чукчи сожгли в наше отсутствие домик у пика Тундровый, благо не сгорели сами.

На этот раз это нарушение сослужило пользу. Медведь вдохнул дым, смешно сморщил нос и резко отвернул от палаток. Капитан побежал за ним, стрекоча кинокамерой, но затем остановился.

«А что если медведь передумает и вернется?» —мелькнула у него мысль.

А сзади послышался удивленный голос Матроса.

— Ребята, посмотрите, а у него, оказывается, пятки черные!

Пятки у медведя и в самом деле были как будто намазаны ваксой.

— А ты походи босиком по тундре с годик, так и у тебя они будут такие же, — с ехидцей заметил Москвич.

И тут все вдруг начали хохотать, как бешеные. Видимо, сказалось нервное напряжение. Но тема отсутствия оружия продолжала развиваться после завтрака.

— А что если среди тундры врыть столбы, натянуть проволоку, а к ней привязать стальные петли и погнать туда стадо? — мечтал Юнга. — Тогда олень просовывает в петлю голову на бегу, петля затягивается — вот нам и мясо!

— Да, до такого даже Гитлер не мог додуматься, — подрезал творческий полет его мысли Москвич. — Ты думаешь, олень такой дурак, что безропотно будет свою башку совать в петлю? А о рогах, кстати, ты совсем забыл?

Так безумная идея Юнги потерпела фиаско. Все надолго замолчали.

— А вот большой индейский лук с 300 метров оленя насквозь пробивает, — задумчиво промолвил наконец Москвич.

— Так за чем же дело стало? Юнга тащи сюда лыжу. Она клееная, упругая, чем тебе не лук? Будешь с Москвичом ладить основу, а с тетивой Боцман что-нибудь придумает. Матросу изготовить две стрелы, наконечники я сам сделаю. И, как говорится, за работу товарищи! — скомандовал Капитан.

Работа закипела, и большой индейский лук с двумя стрелами был через два часа изготовлен и вручен Капитану, который придирчиво его осмотрел и остался работой доволен.

— Молодцы, сказать нечего, теперь надо его испытать. Если он метров с 15 пробьет палатку насквозь, то оленям хана. Испытывать лук я буду сам!

С этими словами он взял лук со стрелою, отмерял нужное расстояние, укрепил стрелу и стал натягивать тетиву. Решил натянуть ее покрепче. И тут лук предательски затрещал и переломился пополам. Все, в том числе и Капитан, застыли с открытыми ртами. Бросив обломки лука наземь, начальник отряда пробормотал что-то неприличное в адрес индейцев и отечественных изготовителей лыж, пошел в палатку, где махнул с горя кружку компота и закурил.

— Да при такой силище лук надо изготавливать из оси от штанги, на худой случай из автомобильной рессоры. А стрелы целиком из арматурных прутьев! —заметил Москвич.

— Пусть бегают и плодятся, суки! — с чувством поддержал его Боцман, — Все равно мы им покоя не дадим, век свободы не видать!

В результате отряд так и остался обычным полевым отрядом. А его члены в индейцев не превратились. Только Москвич на обрывках бумаги и обложках из старых журналов весьма талантливо изобразил эту эпопею.

Е. Сычёв
Магадан, март 2011 г.

Сычёв Е. В. Пароль — Чукотка
(из жизни полевого отряда на о. Врангеля). М., 2012. 272 с.

Фото на обложке: Шафранов А. С.
Макет и дизайн: Мязгова Н. В.
Карта из книги Успенского С. М. "Родина белых медведей"

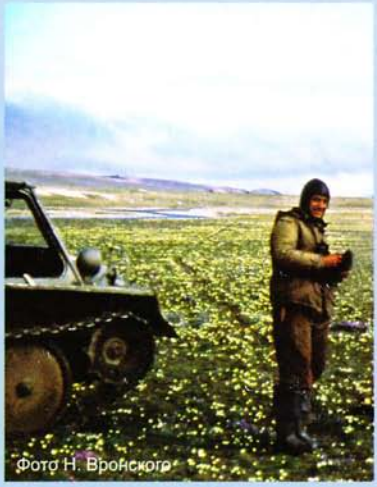


Фото Н. Вронского

Евгений Владимирович Сычёв родился 25 марта 1946 года в Саратове в семье военных. В детстве жил вместе с родителями в различных точках Советского Союза. Особенно глубокое впечатление произвел на него Европейский Север (Воркута, Салехард и маленькая станция Подгорная в глухой тайге).

Среднюю школу окончил в Саратове, где начал трудовую деятельность автослесарем, а затем шофером-профессионалом. Там же окончил Биологический факультет Государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. После службы в армии, в 1972 году, прибыл в Магадан. Работал в полевых партиях, органах государственной власти, преподавал в высшей школе. В командировках объездил все районы Магаданской области, включая Чукотку.

В 1995 году поступил в Магаданский филиал Московской Государственной Юридической Академии, который окончил в 2000 году. После получения юридической специальности в области гражданского права, возглавил юридическую службу в Управлении природных ресурсов и охраны окружающей среды по Магаданской области.

В Магадане известен как юрист в области охраны природных ресурсов, преподаватель, лектор, ветеран-горнолыжник, а в последние годы и как писатель.

9 785905 728051